

РУССКАЯ РЕЧЬ 1980

ЯНВАРЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ФЕВРАЛЬ

В номере:

К 75-летию I русской революции

П. Н. Денисов. «Поспевать за событиями...» (Заметки о стиле газетных статей В. И. Ленина)	8
В. Г. Костомаров. Служение гуманизму и социальному прогрессу	10

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 120-летию А. П. Чехова

В. В. Одинцов. «Степь»: новаторство стиля	16
В. П. Николаева. «Полюса» сходятся (О связи начального и конечного абзацев в рассказах А. П. Чехова)	24
Д. И. Дамянова-Долмова. Чехов-пародист	29
М. А. Галманова. «Звезда первой величины» (интервью с народным артистом РСФСР О. В. Басилашвили)	36
Т. Б. Воробьева. Переключка с Маяковским	40
Э. Л. Львова. Новообразования в прозе Ю. М. Нагибина	47

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

И. А. Новиков. Две встречи	53

В ЛАБОРАТОРИИ ПИСАТЕЛЯ

В. Н. Айдарова. Текстологическая работа А. И. Куприна	56

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛЮРА

В. М. Мокшенок. Сору из избы не выносить	64

КУЛЬТУРА РЕЧИ

К. С. Горбачевич. Русское ударение. IV	68
С. И. Виноградов. Отвечает «Служба языка» (Номерной — нумерация, ноль — нуль)	75

ЛЕКСИКА. ФРАЗЕОЛОГИЯ

А. А. Брагина. Слово и время	79
Н. Ф. Шумилов. Наряду с именем	86

ЯЗЫК ПРЕССЫ

Т. С. Коготкова. Термин в газете	89
--	----

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

В. Г. Костомаров. Виктор Владимирович Виноградов (1895—1969)	94
М. П. Тоболова. Антон Алексеевич Барсов (1730—1791)	98

РУССКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. И. Кудряшов. «Я думаю по-русски» (Русский язык во Вьетнаме)	102
Л. И. Скворцов. Ценный опыт чехословацких русистов	106

В Институте русского языка АН СССР	107
--	-----

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Н. И. Прокофьев. «Хождение за три моря» Афанасия Никитина	110
Г. Ю. Филипповский. Особенности стиля «Повести об убийении Андрея Боголюбского»	117

СРЕДИ КНИГ

Л. А. Новиков. <i>Иванов В. В., Потиха З. А.</i> Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе	122
--	-----

ОЛИМПИЙСКИЕ АРЕНЫ МОСКВЫ И ЛЕНИНГРАДА

Г. П. Смолицкая, М. В. Горбаневский. Останкино	125
В. Н. Сергеев. Крестовский остров	128

ОЛИМПИЙСКИЕ ВИДЫ СПОРТА

С. В. Редькин. Бокс	131
В. П. Фелицына. Гимнастика	135

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Ж. Ж. Варбот. <i>Хорохориться и хороший</i>	138
И. Г. Добродомов. Еще о слове <i>балаган</i>	141
Л. В. Савельева. Умирает ли слово «отнюдь»?	145

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	150
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Аэробика; Зимник; Опыт словаря; Блинная, прорабская; Чем это объяснить?	152
---	-----

На обложке: А. П. Чехов. Рисунок В. Захарова

К 75-летию I русской революции

75 лет назад в январе 1905 года началась первая русская революция. В большевистской газете «Вперед», выходившей в Женеве, были опубликованы статьи В. И. Ленина, в которых дан анализ январских событий.

Предлагаем вниманию читателей статью доктора филологических наук П. Н. Денисова о языке и стиле некоторых газетных материалов В. И. Ленина, опубликованных в 1905 году.

«ПОСПЕВАТЬ ЗА СОБЫТИЯМИ...»

Заметки о стиле газетных статей
В. И. Ленина

В. И. Ленин блестяще владел различными стилями устной и письменной речи: ораторским, полемическим, научным, научно-популярным, деловым, публицистическим, эпистолярным и другими. Все эти стили у Ленина имеют общие черты; их объединяет личность автора. Многочисленные жанры и соответствующие им жанровые стили ленинских произведений — книги, брошюры, статьи,

речи, доклады, заметки, записки, письма, тезисы и т. д. — отличает ясность и глубина мысли, сила логики и аргументации, конкретность подхода к делу, действенность слова и нелюбовь к фразерству, общедоступность, нестигаемая партийность, большевистская страстность и наступательность.

Всеми признается решающий вклад В. И. Ленина в публичную речь (ораторский стиль), в научную речь (научный стиль), в современную деловую и официальную речь (официально-деловой стиль). Бесспорно глубокое и благотворное влияние В. И. Ленина и на язык современной прессы.

Начав создание партии нового типа с постановки общерусской политической газеты, В. И. Ленин писал, что «газетное дело является для нас не более как *примером*, иллюстрирующим неизмеримо более широкое и разностороннее революционное дело вообще» (Что делать?). Газета, печать, пресса — часть общепролетарского дела: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор» (С чего начать?). «Если нам суждено и возможно добиться действительной гегемонии, то исключительно при помощи политической газеты (подкрепленной научным органом)...», — писал В. И. Ленин Г. В. Плеханову в 1901 году.

В годы первой русской революции в острой борьбе с меньшевиками под руководством В. И. Ленина была создана газета «Вперед», первый номер которой вышел 4 января 1905 г. по новому стилю. В письме М. М. Эссен (24 декабря 1904) В. И. Ленин радостно сообщал: «У нас теперь подъем духа и заняты все страшно: вчера вышло объявление об издании нашей газеты „Вперед“. Все большинство ликует и ободрено, как никогда. Наконец-то порвали эту поганую склоку и заработаем дружно вместе с теми, кто хочет работать, а не скандалить! Группа литераторов подобралась хорошая, есть свежие силы, деньжонок мало, но вскоре должны быть». Заметим мимоходом, что этот образец эпистолярного стиля В. И. Ленина — дружеское письмо — так и дышит живостью откровенного товарищеского разговора. Обилие разговорной

лексики: *страшно* (в значении «очень»), *как никогда*, *поганая склока*, *скандалить*, *деньжонки*; короткие предложения, включая два восклицательных...

В газете «Вперед» В. И. Ленин опубликовал свыше 60 статей и заметок. Мы выделим несколько из них, появившихся по горячим следам революционных событий января 1905 года, и постараемся показать некоторые особенности газетного, корреспондентского стиля В. И. Ленина (все эти материалы помещены в 9-м томе пятого издания «Полного собрания сочинений»).

Сам В. И. Ленин определял задачи партийной газеты в тот переломный исторический момент следующим образом: «Русское рабочее движение за несколько дней поднялось на высшую ступень. На наших глазах оно вырастает в общенародное восстание. Понятно, что нам здесь, в Женеве, из нашего проклятого далека, становится неизмеримо труднее поспевать за событиями. Но, пока мы осуждены еще томиться в этом проклятом далеке, мы должны стараться поспевать за ними, подводить итоги, делать выводы, почерпать из опыта сегодняшней истории уроки, которые пригодятся завтра, в другом месте, где сегодня еще „безмолвствует народ“ и где в ближайшем будущем в той или иной форме вспыхнет революционный пожар» (Революционные дни).

В. И. Ленин призывал «писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действия,— писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты» (там же).

Накануне Кровавого воскресенья В. И. Ленин пишет статью «Петербургская стачка» («Вперед», № 3), в конце которой говорит о приближении решительного и еще более сознательного выступления пролетариата на бой с самодержавием. События не заставили себя долго ждать. Через день — 10(23) января 1905 года — сразу же по получении известий о расстреле в Петербурге мирной де-

монстрации рабочих В. И. Ленин пишет для того же номера газеты статью «Революция в России». Для следующего, четвертого номера несколько дней спустя В. И. Ленин дает серию статей о событиях 9 января в Петербурге под общим названием «Революционные дни». В пятом номере помещается статья В. И. Ленина «Петербург после 9-го января», а в статье «Первые уроки» обобщаются политические результаты январских событий 1905 года.

Работоспособность и оперативность В. И. Ленина в эти бурные дни поразительна. Позднее, в 1912 году в редакцию газеты «Невская Звезда» Ленин писал: «А газета, которая отстает, *погибла*»; «Газета должна идти *вперед* *всех...*». Газетные статьи В. И. Ленина, относящиеся к январским событиям 1905 года, и поспевали за событиями, и вскрывали их всемирно-исторический смысл, и звали на борьбу, и учили рабочих. В жанровом отношении их можно характеризовать как рассказы, отчеты, хроники, стоящие на грани репортажа.

Репортаж как жанр выполняет довольно разнообразные задачи: информировать, описывать, рассказывать, показывать, оценивать и т. д. В. И. Ленин в то время был не в России, поэтому его статьи являются отчетом о событиях, хрониками; рассказами и пересказами, но строятся как репортажи. Об этом можно судить по их композиции. Статьи состоят, как правило, из двух частей: 1) описание фактов, сцен, зарисовки; 2) подведение итогов, постановка задач, извлечение уроков. Первая часть как бытописание, история современности — конкретна; вторая может иметь лозунговый характер, содержать в себе и обобщение, и размышление, и разоблачение маневров правительства и его приспешников. Так, статья «Начало революции в России» («Вперед», № 4) кончается призывом к подготовке вооруженного восстания.

Точное воспроизведение фактов в первой части статей подтверждает общую тенденцию В. И. Ленина к правде как незыблемой основе большевистской пропаганды и агитации. Ложь — оружие буржуазии, оружие уходящего класса. Изложение фактов в анализируемых статьях подчеркивается указанием на источники информации: «Наши сведения исчерпываются пока сообщениями за-

граничных и легальных русских газет» (Петербургская стачка). С этой целью приводятся письма из России, свидетельства очевидцев (Революционные дни), прокламации рабочих (Две тактики) и т. д.

Со стилистической точки зрения интерес к фактической стороне дела оттеняется простотой и естественностью синтаксических конструкций, описанием конкретных сцен, деталей и т. п.: «Начало стачки было чисто стихийное»; «Движение быстро окрепло» (Петербургская стачка);

«Характерный разговор рабочих на одной из улиц Москвы передает английский корреспондент. Группа рабочих открыто обсуждала уроки дня. „Топоры? — говорит один.— Нет, топорами ничего не сделаешь против сабли. Топором его не достанешь, а ножом еще и того меньше. Нет, нужны револьверы, по меньшей мере револьверы, а еще лучше ружья“. Такие и подобные разговоры ведутся теперь по всей России. И эти разговоры после „владимирова дня“ в Петербурге не останутся одними разговорами» (Революционные дни);

«Озлобление населения против войска громадное. Заграничные газеты передают со слов очевидцев, что во вторник, 11 января, на Большом проспекте казаки остановили конку, полную рабочих. Один из рабочих крикнул казакам: „Палачи!“ Казакки остановили конку, заставили всех сидевших в ней выйти и избивали их саблями плашмя. Один из подвергшихся избиению был при этом ранен. Жители соседних домов пооткрывали окна и кричали казакам: „Убийцы! разбойники!“ В пятницу в телеграммах сообщалось, что во время этого инцидента из конки выгнана была казаками также одна женщина. В испуге она уронила своего ребенка, который был раздавлен казацкими лошадьми („The Times“). Подобные победы наших войск над рабочими суть поистине пирровы победы» (Петербург после 9-го января).

Напряжение нарастающей революции передается рядом коротких предложений «телеграфного стиля»: «Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская

война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода!» (Революция в России).

Или описание Петербурга после 9 января: «По улицам постоянно проезжают патрули казаков. Там и здесь видны возбужденные группы рабочих. Вечером много улиц погружено в темноту. Электричества и газа нет. Аристократические дома охраняются группами дворников. Горящие газетные киоски бросают странное освещение на кучки народа». И далее: «Газет нет. Учебные заведения закрыты. Рабочие на массе частных собраний обсуждают события и меры сопротивления. Толпы сочувствующих, особенно студентов, осаждают больницы» (Петербург после 9-го января).

В ленинских репортажах наблюдается быстрая и частая смена речевых планов: авторская речь сменяется разговором рабочих, зарисовкой уличной сценки, «городским пейзажем» и т. п.

Иные стилистические приемы применяются Лениным, когда он подводит итоги, ставит задачи, обобщает результаты массовых выступлений пролетариата в январе 1905 года. Заметка «Революция в России» («Вперед», № 3) кончается лозунгом: «Да здравствует революция! Да здравствует восставший пролетариат!». Этот же призыв повторяется в статье «Начало революции в России». Многие статьи рассматриваемого периода либо содержат в себе восклицательные предложения, либо кончаются ими.

Точность политической мысли часто требует развернутой формулировки вывода: «Массы рабочих и крестьян, сохранившие еще остаток веры в царя, не могли идти на восстание, — сказали мы. После девятого января мы вправе сказать: теперь они могут идти и пойдут на восстание. „Царь-батюшка“ своей кровавой расправой с безоружными рабочими сам толкнул их на баррикады и дал им первые уроки борьбы на баррикадах. Уроки „батюшки-царя“ не пропадут даром» (Революционные дни). Этот вывод завершается лозунгом социал-демократии, призывающим к всенародному вооруженному восстанию.

Анализируя газетные статьи В. И. Ленина, мы в первую очередь обнаружим черты, общие языку и стилю всех

произведений В. И. Ленина. Например, статья «Что происходит в России?» (из серии «Революционные дни») открывается риторическим вопросом: «Бунт или революция?», а дальше идет характернейший для В. И. Ленина тонкий диалектический и классовый анализ понятий и соответствующих значений слов: *бунт*, *мятеж*, *беспорядки*. В тексте этого рассуждения читаем афоризм-реминисценцию: «Недаром говорят, что революция есть удавшийся бунт, а бунт есть неудавшаяся революция». Афористичность ленинского стиля общеизвестна. Характерной чертой языка произведений В. И. Ленина является также употребление фразеологизмов, основанных на истории и мифологии античности. Вот, например: «Подобные победы наших войск над рабочими суть поистине пирровы победы» (Петербург после 9-го января). Известный фразеологизм *пиррова победа* приведен здесь во множественном числе. Это изменение необходимо было автору по условиям контекста статьи.

Из сказанного можно сделать такой вывод: газете свойственны общие (общегазетные) и частные (жанровые) стили. Но профессиональный журналист выводит свой неповторимый узор по общей канве газетных стилей. Понятно, что индивидуальный стиль газетных статей В. И. Ленина характеризуется не только чертами, свойственными языку всех его произведений и объединяемыми личностью мыслителя, вождя, политика, блестящего публициста. Имеются и другие черты, о которых надо говорить особо.

Если обратиться к языку современной прессы с точки зрения повышения его действенности и эстетической силы, с учетом ленинского отношения к газете вообще и к ее языку в частности, то следует подчеркнуть: надо улучшать общую, политическую, профессиональную и стилистическую речевую подготовку журналистов. А учиться хорошему газетному стилю надо у Ленина.

П. И. ДЕНИСОВ

СЛУЖЕНИЕ ГУМАНИЗМУ И СОЦИАЛЬНОМУ ПРОГРЕССУ

Характер предмета, которым человек занимается, оказывает влияние на образ мыслей человека, на его деятельность. «Русский язык занимает важное место в общении между народами, способствует развитию научно-технической революции, обмену ценностями духовной культуры, расширению международных контактов и сотрудничества. Богатство русского языка, его красоту и выразительность не раз отмечали Карл Маркс, Фридрих Энгельс и другие выдающиеся умы человечества». Поэтому и людей, которые русский язык изучают и преподают, отличает «гуманистическая деятельность», служащая «сближению народов во имя мира, дружбы и социального прогресса».

Слова, приведенные в кавычках, взяты из приветствия ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Участникам IV Международного конгресса преподавателей русского языка и литературы» («Правда» от 13 августа 1979 г.). Они документируют, пожалуй, самый главный смысл этого конгресса, проведенного по плану работы МАПРЯЛ — Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы — с 13 по 18 августа нынешнего года в столице ГДР Берлине: русский язык и мировая русистика верно и деятельно служат развитию интереса народов друг к другу, росту доверия, пониманию общей ответственности за судьбы человечества, вносят достойный вклад в укрепление взаимопонимания и сотрудничества на Земле, в обмен информацией, знаниями, опытом, культурными ценностями.

Этот вывод запечатлен и в приветствии Генерального секретаря ЦК СЕПГ, Председателя Государственного Совета ГДР Эриха Хонеккера, под покровительством которого проходил конгресс, в выступлениях Министра высшего и среднего специального образования ГДР, профессора Ганса-Йоахима Бёме, возглавлявшего Национальный оргкомитет конгресса, Президента МАПРЯЛ академика М. Б. Храпченко и других известных общественных деятелей и крупнейших ученых, в приветствиях ЮНЕСКО и ряда международных профессиональных объединений и союзов. Показательно, что конгресс проходил в канун XXX-летия Германской Демократической Республики как одно из событий этого славного праздника. Общественно-политическое внимание к конгрессу подчеркивалось даже такими фактами, как выпуск специальной почтовой марки в честь конгресса, как оформление центра Берлина специальными флагами и плакатами. Работу конгресса подробно освещали газеты, радио и телевидение ГДР и многих других государств.

Делегаты конгресса из Советского Союза испытывали законное чувство патриотической гордости за свою великую Родину, за русский язык, вызвавший такой прилив мирового внимания и ставший общепризнанным средством международного общения и сотрудничества, орудием распространения идей мира и социализма, захватывающих умы всего человечества. Чувство гордости испытывали русисты всех стран: «на преподавателях русского языка и литературы лежит особый отпечаток духовности... Они прикасаются к богатейшему, уникальному источнику культуры, гражданственности» (так выразил общее настроение заведующий кабинетом Института усовершенствования учителей в чехословацком городе Пльзене Станислав Немец).

Работа конгресса поражала масштабами, научной глубиной, богатством мысли и опыта, горячей заинтересованностью в деле, преданностью ему. В пленарных заседаниях, в заседаниях шести секций и их подсекций принял участие 1830 делегатов из 65 стран; было прочитано и обсуждено 520 докладов и выступлений. Среди участников — учителя средних школ и литературоведы с мировым именем, лингвисты и методисты, известные организаторы обучения русскому языку и молодые специалисты. В целом научный ценз очень высок: из 295 членов делегации СССР 205 с учеными степенями и званиями. Обращает на себя внимание рост квалификации русистов из ГДР, ЧССР, ПНР, НРБ, ВНР и ряда других стран. Значительно выросло в сравнении с предыдущими конгрессами — и по количеству и по качеству — представительство русистики из стран Азии, Африки и Латинской Америки.

Свидетельством того, что международная русистика превратилась во влиятельную, сложившуюся прикладную отрасль науки о языке, послужила выставка учебной и научной литературы, выпущенной за последние три года в разных странах мира. Представленные на ней труды, в том числе кино- и телекурсы русского языка, лингафонные пособия, а также новейшие типы словарей и хрестоматий, наглядно показали, что сложилась и получила материальное оснащение новая методика преподавания, основанная на коммуникативном подходе и на учете целей и задач обучения, специфики страны и родного языка учащихся. Эта методика создается усилиями специалистов разных стран, все чаще — совместными или смешанными советско-иностранными творческими авторскими коллективами. Одной из принципиальных отличительных ее черт является требование обучать языку в неразрывном единстве с культурой, с жизнью страны его исконного распространения, так называемый лингвострановедческий подход.

О зрелости сегодняшней русистики убедительно свидетельствует и подготовка к конгрессу. Издания, привезенные делегациями разных стран в Берлин, составляют, например, внушительную библиотеку: изданные в ГДР 942-страничный том «Тезисов и докладов», том «Доклады и сообщения делегации ГДР», библиографические указатели «Русистика в ГДР» и Учебники... Издательство «Фольк унд Виссен» в 1945—1978 годах; изданные в СССР книги — «Доклады советской делегации», избранные материалы «III Международный конгресс МАПРЯЛ», очередной выпуск справочника «Русский язык в странах мира», изданные в ЧССР, ВНР, НРБ, ПНР сборники докладов соответствующих делегаций, многочисленные статьи и целые номера профессиональных журналов, посвященные конгрессу...

Конгрессу предшествовали и крупные научные международные мероприятия, разрабатывавшие отдельные проблемы его тематики: симпозиум «Язык и специальность» (Баку, 1977 г.), симпозиум «Теоретические основы системы подготовки и повышения квалификации преподавателей русского языка и литературы» (ПНР, Люблин, 1978), совещание по проблемам краткосрочного обучения русскому языку (ВНР, Будапешт, 1979 г.) и другие.

Три года подготовки, три года международной интеграции исследований по теме, сформулированной на III Варшавском конгрессе 1976 года, продемонстрировали способность русистики ставить и решать крупную и перспективную проблему теории и практики. Этой проблемой явилось всестороннее рассмотрение роли преподавателя в процессе обучения русскому языку. Не ставя сейчас перед собой цели даже кратко изложить профессиональное существование этой проблемы и то новое, что

внес в нее Берлинский конгресс, ограничимся самыми общими замечаниями.

Являясь важнейшим элементом системы, составляющей учебный процесс (наряду с учащимся, а также с учебником, избранным методом и т. д.), учитель,— пришли к выводу участники конгресса,— должен дифференцировать свою деятельность в зависимости от типа учебного процесса, его целей, условий. Работа преподавателя оказывается, например, в зависимости от того, проходит ли обучение в условиях среды данного языка или же в иноязычной среде (проще говоря: в СССР или в Индии, Франции, Венгрии, Польше...), ставит ли обучение цель научить, прежде всего, чтению специальной, скажем, научно-технической литературы или же не имеет каких-либо подобных ограничений и т. д. При всей видимой очевидности ответ на этот вопрос, на самом деле, совсем не прост: мало сказать, что преподаватель должен работать по-разному в разных случаях, надо тщательно изучить это «по-разному». Конгресс показал, например, что во многих случаях требуется специальная подготовка (или переподготовка) преподавателя, связанная и с педагогическими приемами, и с видами упражнений, применяемыми техническими средствами, и с самим языковым материалом, его отбором и учебной организацией. Это было четко показано в секциях конгресса, посвященных особенностям преподавания русского языка школьникам, специалистам-нефилологам, различным кружковцам. Была даже поставлена задача (видимо, все же спорная) о желательности специализации преподавателей-словесников еще и при их вузовской подготовке.

Много внимания на этот раз было уделено самому процессу образования преподавателя-русиста, который, по единодушному мнению, должен быть широко филологически образованным специалистом, как бы ни решался вопрос о его специализации в будущей деятельности. Важное место, в частности, заняло обсуждение соотношения теории и практики, методики и лингвистики, а также литературоведения в вузовских программах обучения филологов. Была подчеркнута желательность курсов сопоставления русского языка с другими языками, а также необходимость знания иностранных языков русистом, русским по происхождению и языку. При обучении иностранного русиста, по общему мнению, основное внимание должно быть уделено живым процессам русского языка и практике русской речи, отчего с особой остротой выдвигается требование стажировки такого русиста в СССР, в условиях русской языковой среды. Любой русист, наконец, должен быть ознакомлен с современным общим языко-

знанием, влиятельной частью которого и является наука о русском языке.

Актуальность проблемы учителя, несмотря на значительный рост общего уровня преподавателей русского языка во всем мире за последние годы связывается на данном этапе распространения русского языка в мире с тем, что квалификация многих отдельных преподавателей все-таки отстает от общественных запросов. Практически во всех странах среди ныне работающих учителей есть слабо владеющие русским языком и современными методами его преподавания. На конгрессе заботливо обсуждались возможности постоянного повышения квалификации, содержание и формы непрерывного образования и переподготовки русистов-словесников.

Здесь был остро поставлен вопрос о соотношении подготовленности учителя и результативности учебного процесса. Дело в том, что сейчас обозначился новый этап в историческом процессе распространения русского языка в мире; важной чертой этого этапа выступает осознание недостаточной эффективности массового обучения русскому языку. На месте увлечения ростом числа изучающих русский язык (еще на Варшавском конгрессе констатировалось устойчивое, более чем десятилетнее их увеличение на полмиллиона ежегодно) все яснее звучит забота о достигаемом совершенстве владения языком, о его использовании учащимися после курса обучения, вообще о функционировании русского языка за пределами СССР. Проблема качества в условиях массовости становится все более актуальной, вероятно, даже более актуальной, чем борьба за количество. Дело не только в том, сколько людей изучает русский язык; дело в том, сколько его выучивает и как знает, как пользуется им.

Несмотря на появившиеся сообщения о спаде интереса к русскому языку в Англии и ряде других стран, сокращения числа изучающих его в мире нет, напротив, продолжается прирост (чего, между прочим, сейчас не наблюдается применительно к другим мировым языкам). Кривая идет вверх — и по абсолютному числу изучающих русский язык, и по числу стран, где он изучается, и, главное, по укоренению его в организованных формах просвещения — в школах, в университетах. Но все же нынешнее состояние — это стабилизация с тенденцией к росту. В орбите учащихся остаются те, которые достигают необходимого им для работы уровня знания русского языка. Контингент учащихся становится более устойчивым, традиционным. МАПРЯЛ на этом фоне формулирует свою задачу не только как расширение сферы деятельности, увеличение числа изучающих русский язык в разных странах, но и как всемерную заботу о количестве в самом деле осваивающих его, заботу о качестве

обучения. Соответственно квалификация преподавателей оказывается в центре внимания и, отнюдь не случайно, проблеме учителя был посвящен Берлинский конгресс.

Впрочем, эффективность преподавания зависит от достоинств и недостатков учебников и иных пособий, от приемов и способов преподавания, в частности с применением технических средств. Нынешний этап в истории распространения русского языка в мире отличается крупными достижениями в отдельных областях преподавания русского языка и литературы, но они часто не складываются еще в систему, в методическую концепцию. Осмысляя эту ситуацию, участники Берлинского конгресса пришли к выводу о назревшей необходимости обобщения, нового синтеза методических находок, передового опыта преподавания русского языка в разных странах, в разных формах обучения. Следуя этому мнению, Генеральная ассамблея МАПРЯЛ, состоявшаяся сразу же после конгресса, приняла решение посвятить следующий, пятый конгресс теме: «Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы». Этот форум русистов соберется в Праге в 1982 году.

Но это уже рассказ о будущем. Говоря же о Берлинском конгрессе, следует подчеркнуть, что его рекомендации по подготовке преподавателей-русистов, повышению их квалификации, их специализации, их роли в учебном процессе составляют первый и важнейший шаг в сторону коренного улучшения качества обучения. Ведь учитель — это центр, фокус учебного процесса, даже если он и не стоит прямо перед учеником, а скрыт, как при самостоятельном изучении языка, самоучителем, ибо этот самоучитель написан им, учителем. В утверждении этого очевидного, но забываемого факта, в повышении социального престижа учительской профессии, в привлечении общественного внимания к русисту, в повышении его международного авторитета — еще одно значение Берлинского конгресса.

Как не осознать учителю-словеснику своей роли, своего призвания и, главное, своей ответственности после такого конгресса! Конгресса, на котором впервые 16 лучшим русистам из 15 стран мира была вручена специально учрежденная правительством Советского Союза и вручаемая по решению МАПРЯЛ медаль А. С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка».

В. Г. КОСТОМАРОВ

К 120-летию А. П. Чехова

«Степь»

НОВАТОРСТВО
СТИЛЯ

СТЕТИЧЕСКАЯ теория обычно возникает как обобщение известных ей художественных фактов. На какое-то время она становится руководством для художников, литераторов — до тех пор, пока не явится самобытный талант, который своей практикой заставит ученых перестроить теорию. Но понять, осмыслить новые художественные факты бывает нелегко.

Повесть А. П. Чехова «Степь» оказалась значительной, поворотной и для писателя, и для русской литературы. Это было первое большое произведение Чехова, напечатанное в солидном журнале, это был переход от газетных фельетонов к художественной прозе, своеобразный выход в настоящую литературу. Именно начиная с этого времени (повесть напечатана в № 3 «Северного вестника» за 1888 г.) литературная критика стала пристально следить за творчеством писателя, заговорила о нем серьезно.

Сейчас, может быть, и не столь важны «кривые толки, шум и брань», которые вызвала повесть А. П. Чехова, но показательно, что противоречивость оценок, суждений, мнений не преодолена до сих пор. С одной стороны, современников поразила новизна, необычность и свежесть описаний, но, с другой стороны, было неясно, в чем же заключалось новаторство Чехова (ведь до него степь прекрасно описали Гоголь, Тургенев и др.). С одной стороны, повесть оказалась бессюжетной. В то же время, отмечая бедность «внешнего содержания», говорят о необычайном богатстве внутреннего. В повести не нашли многого из того, к чему привыкли: защиты «униженных и оскорбленных», изображения «преступления и наказания», осуждения гнусной действительности и др. Видели прекрасные описания природы, отдельные зарисовки, путевой очерк. По всем признакам перед нами, действительно, очерк (некоторые современники, критики так и воспринимали «Степь» — произведение скорее этнографическое, чем беллетристическое, художественное). И все же справедливо восторжествовала иная точка зрения: повесть, а не очерк.

Многие недоразумения и противоречия объясняются непониманием глубокого жанрового своеобразия и стилевой оригинальности произведения А. П. Чехова.

Основу повести составляет описание степи, по общему признанию, в высшей степени поэтичное. И, на первый взгляд, кажется совершенно ясным, в чем заключается эта поэтичность — в использовании языковых средств, свойственных именно поэзии — эпитетов, метафор, сравнений и т. д. Данное положение легко подтвердить и примерами из повести:

«Однообразная трескотня убакюживает, как колыбельная песня; едешь и чувствуешь, что засыпаешь, но вот откуда-то доносится отрывистый, тревожный крик неуснувшей птицы, или раздается неопределенный звук, похожий на чей-то голос, вроде удивленного „а-а!“, и дремота опускает веки. А то, бывало, едешь мимо балочки, где есть кусты, и слышишь, как птица, которую степняки зовут сплюком, кому-то кричит: „Сплю! сплю! сплю!“, а другая хохочет или заливается истерическим плачем — это сова. Для кого они кричат и кто их слушает на этой равнине, бог их знает, но в крике их много грусти и жалобы... Пахнет сеном, высушенной травой и запоздалыми цветами, но запах густ, сладко-приторен и нежен» (цитируется по изданию: А. П. Чехов. Сочинения, т. 7, М., 1977).

Краски, звуки, запахи степи переданы мастерски. Здесь и яркие эпитеты (*отрывистый, тревожный крик, запоздалые цветы, густой и нежный запах и др.*), метафоры (*птица хохочет и заливается*), сравнение (*убаюкивает, как колыбельная песня*), и прямая передача звуков степи. В этом отрывке, безусловно, видна рука мастера, но не видна рука новатора; видно, как прекрасно освоил Чехов классическое наследие (вспомним описания природы — в частности, степи — у Гоголя и Тургенева), опыт своих предшественников, но не видно — во всяком случае не очевидно, — что нового внес писатель, в чем заключалась поражающая современников новизна...

А новым было то, что описание степи дано в восприятии героя — Егорушки. Оно насквозь субъективно, что и придает ему своеобразную эмоциональность и поэтичность.

Вот пример из первой главы (бричка выезжает из города): «Мальчик всматривался в знакомые места, а ненавистная бричка бежала мимо и оставляла все позади. За острогом промелькнули черные, закопченные кузницы, за ними уютное, зеленое кладбище, обнесенное оградой из булыжника; из-за ограды весело выглядывали белые кресты и памятники...».

Внешне такой отрывок выглядит как простое описание. В действительности же это скорее передача чувств, изображение внутреннего мира героя. И хотя Чехов не говорит: «Егорушка чувствовал то-то, переживал так-то» и т. п., о состоянии персонажа свидетельствует лексика. Показательно, например, определение «ненавистная бричка». Эта оценка — «ненавистная» идет от героя (Ср. собственно авторскую характеристику брички в самом начале повести: «Из N., ... выехала и с громом покатила по почтовому тракту безрессорная, ошарпанная бричка...»). Нельзя не заметить и другой странности: идет речь о кладбище, о памятниках и крестах — и вдруг: «весело выглядывали». Но никакой странности, в сущности, нет, ведь в знакомые места всматривается мальчик, персонаж, а не автор.

У Гоголя степь описана объективным повествователем, у Тургенева описание субъективно, но этот субъект — автор, у Чехова описание субъективно, но это восприятие героя. Эта субъективация и означала поворот в творческом развитии Чехова, переход его от одной манеры изображения к другой, значительной, серьезной и открывающей большие возможности для проникновения во внутренний мир человека.

Но здесь мы сталкиваемся с новым противоречием. На этот раз куда более серьезным. Дело в том, что сам А. П. Чехов, определяя и обосновывая новую свою манеру художественного изображения, говорит не о субъективности, а как раз об объективности ее. Именно в это время он пишет в одном из писем: «Мне кажется, что не беллетристы должны решать такие вопросы, как бог, пессимизм и т. п. Дело беллетриста изобразить только, кто, как и при каких обстоятельствах говорили или думали о боге или пессимизме. Художник должен быть не судьей своих персонажей и того, о чем говорят они, а только беспристрастным свидетелем!». Как афоризм звучит его мысль: «Чем объективнее, тем сильнее выходит впечатление». И, наконец, широко известно возражение писателя в письме Суворину от 1 апреля 1890 г.: «Вы браните меня за объективность, называя ее равнодушием к добру и злу, отсутствием идеалов и идей и проч. Вы хотите, чтобы я, изображая конокрадов, говорил бы: кража лошадей есть зло. Но ведь это и без меня давно известно. Пусть судят их присяжные заседатели, а мое дело показать только, какие они есть... Чтобы изобразить конокрадов в 700 строках, я должен говорить в их тоне и чувствовать в их духе...».

Вот и разгадка. Противоречие оказывается мнимым. Вернее, диалектическим в своей основе. К объективности писатель идет через «чудесное изображение», как точно подметил один из современных критиков: «Природа одарила его чрезвычайно редким, присущим только большим художникам даром, так сказать, перевоплощаться в своих действующих лиц... Чехов, как выдающийся актер, не играет ту или другую роль, а каким-то чудом, чудом истинного творчества, и телом и душой преобразается в изображаемое лицо».

Современная наука, однако, чудес не признает. Естественно, поэтому встает вопрос: как, с помощью каких способов и приемов происходит преобразование автора в изображаемое лицо?

Анализ материала позволяет сделать вывод о двух основных путях такого преобразования — речевом и конструктивном. Каждый из них воплощается в ряде стилистических приемов. Представление о первом способе может дать следующий пример: (Егорушка) «сам не заметил, как очутился опять возле брички. Дядя и о. Христофор крепко спали; сон их должен был продолжаться часа два-три, пока не отдохнут лошади... Как же убить это длинное время и

куда деваться от зноя! Задача мудреная... Машинально Егорушка подставил рот под стружку...».

Здесь хорошо видно, как в авторское повествование врываются речевые формы персонажа. Это не прямая речь, но и не авторская. Лингвисты говорят в таких случаях о несобственно-прямой, или несобственно-авторской речи. Сюда можно отнести вообще все случаи, когда писатель имитирует детскую речь, воспроизводит общий характер рассуждений Егорушки: «Когда бабушка умерла, ее положили в длинный, узкий гроб... До своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики, посыпанные маком, теперь же она спит, спит...». Характерно, что иногда подобные рассуждения корректируются авторским вмешательством. Тогда особенно ясной становится граница между повествованием автора и речью (или ее отражением в повествовании) персонажа:

«Из этого разговора Егорушка понял, что у всех его новых знакомых, несмотря на разницу лет и характеров, было одно общее, делавшее их похожими друг на друга: все они были люди с прекрасным прошлым и с очень нехорошим настоящим; о своем прошлом они, все до одного, говорили с восторгом, к настоящему же относились почти с презрением. Русский человек любит вспоминать, но не любит жить; Егорушка еще не знал этого...».

Заключительные слова свидетельствуют об открытом проявлении автора: автор говорит «от себя», а не «от героя».

Вторая группа приемов характеризуется тем, что автор стремится передать не речь, а восприятие персонажа, сферу его сознания, как любил в подобных случаях говорить академик В. В. Виноградов. Поскольку эти вопросы сравнительно мало разработаны в стилистике, целесообразно начать с анализа конкретных примеров:

«Егорушка лежал на спине и, заложив руки под голову, глядел вверх на небо. Он видел, как зажглась вечерняя заря, как потом она угасала; ангелы-хранители, застывая горизонт своими золотыми крыльями, располагались на ночлег; день прошел благополучно, наступила тихая, благополучная ночь, и они могли спокойно сидеть у себя дома на небе... Видел Егорушка, как мало-помалу темнело небо и опускалась на землю мгла, как засветились одна за другой звезды».

Это было уже ново и неожиданно. А. П. Чехов сделал шаг вперед, углубил психологическую перспективу, расширил возможность изображения внутреннего мира человека.

Начинается абзац вполне обычно: *Егорушка лежал и глядел в небо*, сообщается о том, что он видел — зарю. И вдруг ангелы, располагающиеся на ночлег. Любой писатель до Чехова написал бы: *мальчику казалось, что ангелы...* — или: *это было похоже на то, будто ангелы...* и т. д. У Чехова никаких указаний на возможность аналогий, сравнений и т. п. Об ангелах сообщается в одном ряду со всем, что видел Егорушка. Глагол *видел* своеобразно обрамляет пассаж об ангелах, ему предшествует и за ним следует. Сохраняется зыбкая подвижность и поэтическая (т. е. как в поэзии) неопределенность образа. Вместе с тем Чехов тонко, художественно подготавливает сообщение об ангелах, подготавливает его стилистически. Если первое предложение абзаца вполне прозаично (конкретно — буднично), то во второе включаются краски поэтической речи: «заря зажглась», «заря угасала». Так внешне неброско и выразительно переданы восприятие, ощущения персонажа.

Внутренний мир героя представлен мягко, чувства обозначаются слегка, оттеняются. Конечно, проще всего это сделать посредством открытого вмешательства автора. Но, тонкий художник, Чехов редко прибегает к данному средству. Чаще же используется иная субъектная сфера: внутренней речи или внутреннему восприятию ребенка противостоит внешняя, прямая речь взрослых:

«Егорушка нехотя глядел вперед на лиловую даль, и ему уже начинало казаться, что мельница, машущая крыльями, приближается... Бричка ехала прямо, а мельница почему-то стала уходить влево. Ехали, ехали, а она все уходила влево и не исчезала из глаз.

— Славный ветряк поставил сыну Болтва! — заметил Дениска.

— А что-то хутора его не видать.

— Он туда, за балочкой.

Скоро показался и хутор Болтвы, а ветряк все еще не уходил назад, не отставал, глядел на Егорушку своим лоснящимся крылом и махал. Какой колдун!».

И вновь замечательно тонкое подключение «субъектной сферы» персонажа к описанию: «ему начинало казаться» — это пока еще прямое сообщение от автора о том, что видит, что чувствует герой, а затем автор выдвигает вперед уже самого Егорушку: «мельница почему-то стала уходить влево» (обратим особое внимание на неопределенное «почему-то»); повтор глагола и разговорный синтаксис следующего предложения: «Ехали, ехали, а она...»;

быстрая смена глаголов («не уходил... не отставал... глядел... махал») и заключительное эффектное восклицание. Любопытна не только противопоставленность здесь диалога и повествования, но и их связь (ср. сначала употребление в повествовательной части слова *мельница*, а затем, после диалога, слова *ветряк*, что также углубляло субъективацию всего отрывка; это мелочь, почти незаметный факт, но свидетельствующий о том, как тонко уловил Чехов черты детской психологии, в частности, способность и стремление детей перенимать особенности словоупотребления взрослых).

Когда говорят о повести А. П. Чехова «Степь», непременно вспоминают о замечательном описании грозы. Это описание выделяется тем, что в нем применены новые, оригинальные стилистические приемы (сама-то гроза обычна), интересны формы передачи «чужого сознания». Вот начало описания: «Налево, как будто кто чиркнул по небу спичкой, мелькнула бледная, фосфорическая полоска и потухла. Послышалось, как где-то очень далеко кто-то прошелся по железной крыше. Вероятно, по крыше шли босиком, потому что железо проворчало глухо».

Выразительны в этом описании сравнение (как будто кто чиркнул... спичкой), точные эпитеты, но более всего — субъектные формы: роль играют и неопределенные местоимения и наречия (*кто-то, где-то*), вводное *вероятно*, безличное *послышалось*, а главное — композиция отрывка. Писатель средней руки написал бы более обычно: «Раздался (или послышался) удар грома, как будто кто-то прошелся по железной крыше». Во всяком случае, железная крыша обязательно вошла бы в явно выраженное сравнение. У Чехова сравнения нет, оно скрыто. Обязательно было бы указано, что звук воспринимает персонаж: «Его-рушке послышалось (показалось), что...». У Чехова и это прямо не выражено. Во всех случаях (когда сокращены элементы «плана выражения»), когда форма семантически дополнительно нагружена, ее выразительность возрастает.

Приведем другой пример: «Вдруг над самой головой его с страшным, оглушительным треском разломалось небо; он нагнулся и притаил дыхание, ожидая, когда на его затылок и спину посыпятся обломки».

Обычное описание выглядело бы примерно так: «Ему показалось, что разломалось небо...» и т. п. У Чехова же кажущееся представлено как факт, как реальность. И оно

воспринимается как реальность, только реальность переживания. Отсюда и впечатляющая сила приема.

Той же цели служит прием постепенного перехода от неопределенного к определенному, от неизвестного к известному, от характеристики явления к его называнию. Например: «Но вот, наконец, ветер в последний раз рванул рогожу и убежал куда-то. Послышался ровный, спокойный шум. Большая холодная капля упала на колено Егорушки, другая поползла по руке. Он заметил, что колени его не прикрыты, и хотел было поправить рогожу, но в это время что-то посыпалось и застучало по дороге, потом по оглоблям, по тюку. Это был дождь».

Отмеченный прием Чехов использует неоднократно: «Голова задвигалась, пустила носом струю воздуха, пожевала и успокоилась. От головы вдоль скамьи тянулся бугор, покрытый овчинным тулупом. Это спала какая-то баба».

В последнем примере дает себя знать и другой прием субъективации, основанный на деформации изображения.

Вот как он выглядит у Чехова: «Глаза опять нечаянно открылись, и Егорушка увидел новую опасность: за возом шли три громадных великана с длинными пиками».

Впоследствии «великаны» оказываются «обыкновенными мужиками, державшими на плечах не пики, а железные вилы».

Наконец, отметим те случаи, когда в повествовании поддерживается, сохраняется обозначение, идущее от персонажа: «Сунул он руку в карман и достал оттуда комок бурой, липкой замазки. Как эта замазка попала ему в карман?». Затем объясняется, что это размокший пряник. И тем не менее в дальнейшем рассказывается, как большая белая собака подошла к Егорушке, «съела замазку и вышла». Хотя, на первый взгляд, казалось бы, естественнее было сказать, что собака съела пряник.

Произведение художественной прозы характеризуется сложностью своего построения. Эта сложность обусловлена во многом тем, что изображение дается в восприятии субъекта (повествователя, рассказчика, героя), пропускается, так сказать, через субъектную призму, а иногда и через ряд призм. Структура художественного текста оказывается многоплановой. Тем самым становится возможным адекватное отражение и воспроизведение сложной и противоречивой реальной действительности.

В. В. ОДИНЦОВ
Рисунок Ю. Космынина

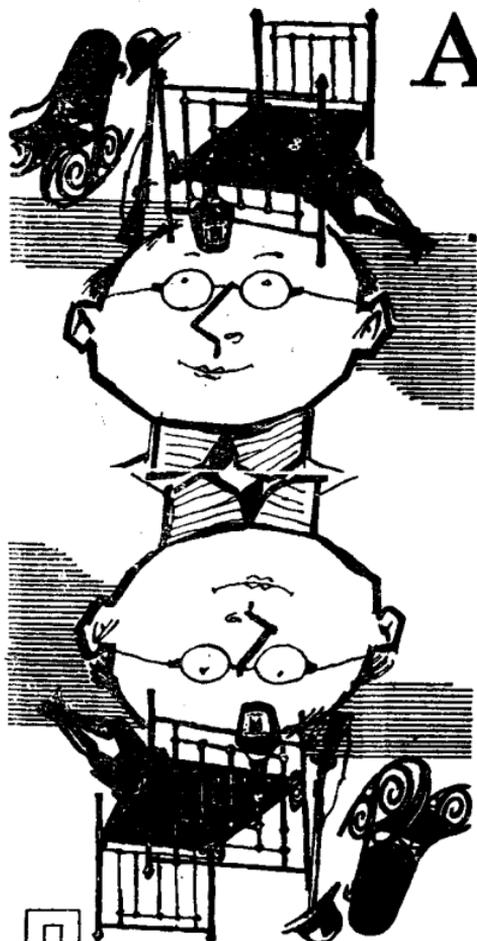
АВТОРСКОЕ членение прозаического текста на абзацы — один из важных элементов композиции художественного произведения. Абзац несет определенную смысловую и стилистико-экспрессивную нагрузку, помогает выделить существенное, подчеркнуть какую-либо деталь.

Внутри абзаца предложения объединены по смыслу, а также различными лексическими и грамматическими средствами связи.

Между абзацами в составе целого текста тоже существует тесная связь. Основную связующую роль играют начальные и конечные предложения абзаца, что свидетельствует об их своеобразной организующей роли. Способы связи между абзацами в основном те же, что и между предложениями внутри абзаца (лексические и грамматические), но наряду с ними существуют и более отвлеченные, логические, где главное внимание обращается на расположение материала, на смысловое наполнение слов и целых выражений.

У замечательного мастера рассказа А. П. Чехова начальные и конечные абзацы выполняют различные функции. Так, начальный абзац, являющийся

экспозицией (или ее частью), не только представляет читателю действующих лиц, указывает на место или время действия, но и создает определенный социально-психологический, бытовой или пейзажный фон.

«Полюса»

СХОДЯТСЯ

О связи начального и конечного абзацев в рассказах А. П. Чехова

Конечный абзац еще более значим. Известно, что А. П. Чехов одним из первых писателей XIX века возвел в канон рассказ «без конца», без традиционной развязки, хотя на самом деле заключительному моменту своих произведений он придавал очень большое значение. Именно в концовках рассказов с большой силой ощущается тот особый, «глубинный» смысл каждого факта, каждой детали, который составляет неотъемлемую специфику чеховской манеры повествования.

Начальный и конечный абзацы в рассказе — это как бы два полюса. Но если внимательно прочитать только первые и последние абзацы многих чеховских рассказов, то оказывается, что эти «полюса» сходятся. Несмотря на специфические функции, на различия в структуре, на удаленность, начальный и конечный абзацы в рассказе образуют некое сложное единство, между ними существует не только логическая, но и лексико-грамматическая связь. При этом степень спаянности различна.

Можно выделить три основные типа соотношений начального и конечного абзацев.

В одних рассказах обрамляющие его абзацы настолько тесно связаны по смыслу, что в конечном абзаце содержится как бы продолжение того, о чем говорилось в начальном. Естественно, что по своей структуре они почти однотипны и, значит, связаны между собой лексически и грамматически. Эта структурная однотипность — необходимый элемент композиции ранних чеховских рассказов — сценки, шутки. Многие из них строятся так, что начальный и конечный абзацы — это две основные авторские ремарки, между которыми помещен диалог или эпизод, составляющий содержание рассказа.

Вот начальный абзац рассказа «Драматург» (цитируется по изданию: А. П. Чехов. Собрание сочинений в 12 томах, М., 1960).

«В кабинет доктора входит тусклая личность с матовым взглядом и катаральной физиономией. Судя по размерам носа и мрачно меланхолическому выражению лица, личность не чужда спиртных напитков, хронического насморка и философии».

Затем идет диалог, из которого выясняется образ жизни драматурга. И вот конечный абзац:

«Тусклая личность закатывает глаза и вздыхает... Доктор начинает его выстукивать, выслушивать и ощупывать...».

Не трудно заметить, что эти обрамляющие рассказ абзацы связаны между собой не только повтором слов (*тусклая личность, доктор*), но и видо-временной соотнесенностью форм глагольных сказуемых *личность входит — доктор начинает его выстукивать...*

Такая же тесная структурная связь обрамляющих абзацев наблюдается и в других рассказах А. П. Чехова, например: «За-

куска», «Размазня», «Протекция», «Самообольщение», «Староста», «В аптеке».

Иногда конечный абзац лишь слегка варьирует содержание начального, чем создается комический контраст оценочных характеристик. В рассказе-сценке «Разговор» в первом абзаце говорится о том, как «сособы обоего пола... от нечего делать бранили докторов. Порешили так, что если бы на этом свете вовсе не существовало докторов, то было бы прекрасно; по крайней мере люди не так бы часто болели и умирали».

Затем идет обмен мнениями, и вот заключительный абзац-итог: «И докторов стали хвалить; говорили, что без них никак нельзя, что если бы на этом свете не было докторов, то было бы ужасно. И решили в конце концов так, что если бы не было докторов, то люди болели бы и умирали гораздо чаще».

Почти полное совпадение лексических и синтаксических конструкций при антонимической замене некоторых слов: *бранили — стали хвалить, было бы прекрасно — было бы ужасно* подчеркивает комизм рассказа, в котором высмеивается болтовня обывателей.

В другой группе рассказов А. П. Чехова начальный и конечный абзацы тоже представляют собой композиционно-смысловое единство, но эти абзацы различны по своей структуре, а связь между ними держится в основном на лексических повторях, на конкретизации значений слов и выражений.

Глубокое раскрытие нравственной эволюции героев требует усложнения способов организации целого текста. Начальный абзац в таких рассказах нередко становится лишь частью экспозиции, то есть вступительные сведения содержатся в 2-х — 3-х первых абзацах, расширяя, усиливая тот социальный или психологический фон, который обуславливает неизбежность конфликта. Финальный абзац несет большую композиционную нагрузку: дает углубленную авторскую характеристику того героя, о котором говорилось во вступлении.

Так, например, в рассказе «Печенег» в начальном абзаце дается портретная характеристика отставного казачьего офицера Жмухина, сообщается о том, что он ехал в вагоне домой, и «его не покидали грустные, серьезные мысли о близкой смерти, о суете сует, о бренности всего земного». Рассказывается о знакомстве с новым пассажиром. Повествование ведется в серьезном тоне и настраивает читателя на раздумчивый лад: хочется знать, какие же грустные мысли занимают человека.

И вот в финале рассказа старик Жмухин, сидя за столом, снова «размышляет». Даже не зная всего содержания рассказа, прочитав только его начальный и заключительный абзацы, мы вполне

могли бы представить себе героя-обывателя. А. П. Чехов уже в нескрываемой иронией конкретизирует содержание его «серьезных» мыслей, используя прием комического присоединения однородных членов.

«Старик, смущенный, не зная, как и чем объяснить этот странный неожиданный окрик гостя, не спеша пошел в дом. И сидя тут за столом, он размышлял долго о теперешнем направлении умов, о всеобщей безнравственности, о телеграфе, о телефоне, о велосипедах, о том, как все это не нужно, успокоился мало-помалу, потом закурил не спеша, выпил пять стаканов чаю и лег спать».

В этом абзаце лексические средства связи — синонимические замены (Жмухин — старик), но главное — конкретизация словосочетания из первого абзаца «грустные серьезные мысли», при помощи которой дается беспощадная углубленная характеристика обывателя, «печенега».

Совершенно иной тип соотношений между обрамляющими абзацами можно найти в поздних рассказах А. П. Чехова, которые отличаются сложным сюжетом, проблемной заостренностью, глубоким раскрытием внутреннего мира героев. Начальные и конечные абзацы в них очень различны и по содержанию и в структурном плане. В основе их взаимодействия обычно лежит контраст общего эмоционального тона, спокойного либо взволнованного. Выражено это взаимодействие не прямо, грамматическими или лексическими средствами, а целой гаммой логических и эмоциональных ассоциаций.

Построение заключительных фраз многих чеховских рассказов рассчитано на создание у читателя восприятия, совпадающего с основным тоном, с основной мелодией рассказа (см.: В. Лакшин. Л. Толстой и А. Чехов. М., 1963).

Рассказ «Дама с собачкой» начинается так:

«Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама с собачкой». Далее автор представляет читателю главного героя Гурова и как бы через его восприятие дает беглый портрет героини — «молодой дамы невысокого роста блондинки в берете».

Начало очень спокойное, эпическое. Неопределенно-личное предложение («Говорили, что...») придает последующему изложению налет какого-то скучающего интереса к этому «новому лицу». Гуров будто разглядывает «даму с собачкой» просто так. И каким контрастом звучит взволнованный финальный абзац рассказа:

«И казалось, что еще немного — и решение будет найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко и что самое сложное и трудное только еще начинается».

В рассказе «В родном углу» эмоциональный контраст еще более ощутим. Начальный абзац — лирическое описание степи, картин «громадных, бесконечных, очаровательных своим однообразием», — это почти стихотворение в прозе. Образ степи, «безграничной и равнодушной», которая нагоняет дремоту, притупляет чувства, заставляет отказаться от борьбы, — это фон.

А конечный абзац рассказа — сухая констатация факта, выраженная в одном простом предложении:

«Через месяц Вера жила уже на заводе».

И это сообщение — не просто формальное завершение рассказа, не просто согласие Веры выйти замуж за безразличного ей доктора Нещапova, но и символ нравственного поражения героини.

Итак, мы видим, что начальный и конечный абзацы в составе одного рассказа, эти две вехи, оказываются единым сложным целым, внутри которого, в зависимости от жанра и содержания произведения, можно заметить либо тесную грамматическую и лексическую связь, либо связь более отвлеченную, логическую, позволяющую автору создать контрастное освещение для выявления основной мысли рассказа.

В. П. НИКОЛАЕВА
Рисунок Ю. Космынина

И благодаря своей искренности Чехов создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы писания, подобных которым я не встречал нигде. Его язык удивителен. Я помню, что когда я первый раз начал читать Чехова, то сначала он показался мне каким-то странным, как бы нескладным. Но как только я вчитался, так этот язык и захватил меня...

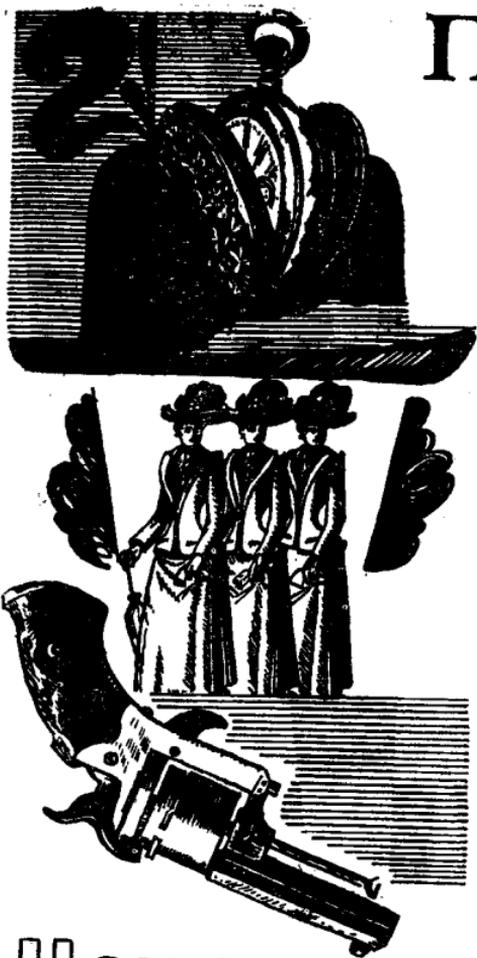
Л. Н. Толстой

...А. П. [Чехов] делился со мною наблюдениями над своим творческим процессом. Меня особенно поразило то, что он подчас, заканчивая абзац или главу, особенно старательно подбирал последние слова по их звучанию, ища как бы музыкального завершения предложения.

Г. И. Россолимо

Мне все же кажется, что, несмотря на то, что Чехов стоял в литературе уже высоко, занимая свое особое место, он все же не отдавал себе отчета в своей ценности.

И. А. Бунин

Чехов — Пародист

ПАРОДИЙНЫЕ произведения занимают существенное место в раннем творчестве А. П. Чехова. Их появление в первые годы (1880—1882) литературной деятельности писателя не случайно. Подлинный смысл своей работы Чехов-пародист видел в необходимости переоценить некоторые устаревшие в начале 80-х годов XIX века традиции предшествующей литературы. Ранние пародии Чехова были «...первыми литературными декларациями писателя, осуществленными в художественной форме» (М. Е. Елизарова. Творчество Чехова и вопросы реализма конца XIX века. М., 1958). В них Чехов, полемизируя с традиционностью, стремится к утверждению новой формы повествования в беллетристике.

Пародийное повествование Чехова — важный этап в эволюции стиля молодого писателя. Объектом пародирования служит не только стиль отдельного писателя или целого литературного направления, но и отрицательные общественные явления или определенные черты разных социальных групп людей.

Чтобы выявить специфику пародийного типа повествования в раннем творчестве Чехова, остановимся на некоторых языковых особенностях его произведений.

В литературной пародии автор берет за основу «чужое» слово, вкладывая в него новую смысловую направленность.

В ярко выраженной пародии «Тысяча одна страсть, или страшная ночь» Чехов утрированно воспроизводит шаблон романтического стиля. Пародированию подвергаются приподнятость,

фальшивая возвышенность романтических героев, с одной стороны, и стилистические штампы романтиков — с другой. Для романтического стиля характерны пейзажные зарисовки, полные необычных красок и звуков, вызывающие сильные ощущения. Чехов пародирует стилистические средства создания этой образности у романтиков: «На башне св. Ста сорока шести мучеников пробила полночь. Я задрожал. Настало время. Я судорожно схватил Теодора за руку и вышел с ним на улицу. Небо было темно, как типографская тушь. Было темно, как в шляпе, надетой на голову. Темная ночь — это день в ореховой скорлупе» (цитируется: А. П. Чехов. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 1, М., 1954).

В этом отрывке элементы пародийности есть в каждом предложении, в каждом словообразе; комически обыгрывается приподнятость романтического стиля; отрывистость, динамичность предложений создают атмосферу напряженного ожидания чего-то необыкновенного. Впечатление роковой важности тех событий, о которых дальше пойдет речь, поддерживается и семантикой глаголов: *задрожал, судорожно схватил руку* (ср. у Гюго: «Я до тех пор глядел на тебя, пока внезапно не дрогнул от ужаса: я почувствовал себя во власти чар!» В. Гюго. Собрание сочинений в 10-и томах. Т. 3. М., 1972). Языковые средства, «внешне» предназначенные для того, чтобы создать атмосферу таинственности, напряженности, в сущности служат средством пародирования. Комические сравнения в обрисовке ночного неба контрастируют с атмосферой напряженности, созданной нераспространенными предложениями, семантикой глаголов и наречия *судорожно*. Рядом с романтическими штампами (*пробила полночь, темная ночь*) оказывается обыденная действительность (*типографская тушь; шляпа, надетая на голову; ореховая скорлупа*).

Комический эффект постепенно усиливается прибавлением все новых структурно-образных моделей штампов: «Дождь и снег — эти мокрые братья — страшно били в наши физиономии. Молния, несмотря на зимнее время, бороздила небо по всем направлениям. Гром, грозный величественный спутник прелестной, как миганье голубых глаз, быстрой, как мысль, молнии, ужасающе потрясал воздух». Пародирование здесь достигается комической избыточностью образных средств: неожиданных сравнений (дождь и снег — мокрые братья; прелестная, как миганье голубых глаз, молния), гиперболизации (ужасающе потрясал).

Для раскрытия душевного мира романтических героев автор использует контрастные образно-эмоциональные ассоциации: «Сильный муж, ниспровергающий своего врага в кратер вулкана из-за прекрасных глаз женщины — величественная, грандиозная и поучительная картина! Недоставало только лавы!». Элементы

с «высокой» окраской (*муж, ниспровергающий*), эпитеты (*величественный, грандиозный*) направлены на создание и развенчание романтически возвышенного образа героя. Однако эти же слова приобретают ироническое звучание при контрастном столкновении с обыденно-прозаическим замечанием «недоставало только лавы». Комический эффект создает также эпитет *поучительный* (ассоциация с дидактикой), поставленный рядом с эпитетами *величественный* и *грандиозный*.

Неожиданный переход от неестественно сильных переживаний героев к обыденным явлениям действительности используется автором как пародийный стилистический прием. Это придает подчеркнуто сниженный оттенок изображаемому: «Загремел гром, и она пала мне на грудь. Грудь мужчины — крепость женщины. Я сжал ее в своих объятиях. Оба мы крикнули. Кости ее затрепали. Гальванический ток пробежал по нашим телам». Словесная образность здесь как бы заменяет действительность.

Особую экспрессивную роль в пародировании романтической приподнятости стиля играют комические афоризмы. В рассматриваемом произведении Чехова, состоящем из четырех страниц, 16 таких комических афоризмов. Например: «Взгляд есть меч души» (комические ассоциации — ср. зов сердца, зеркало души, крик души и т. п.); «Стон ветра — стон совести, утонувшей в страшных преступлениях» (необычное словосочетание — ср. угрызения совести); «Слезы восторга — результат божественной реакции, производимой в недрах любящего сердца» (антиобразность создается в результате употребления лексических элементов научного стиля).

Для романтического стиля характерно частое употребление личных местоимений в начале предложения (чаще всего простого, нераспространенного) с целью экспрессивной передачи возвышенности переживаний героев. Например, у Гюго читаем: «Я искал тебя. Я вновь тебя увидел. О горе! Увидев тебя однажды, я хотел тебя видеть тысячу раз, я хотел тебя видеть всегда». Чехов удачно пародирует эту черту романтического стиля: «Я промолчал. Он любил ее. Она любила его. Я должен был убить его, потому что любил больше жизни ее. Я любил ее и ненавижу его». В результате «нагнетания» большого количества местоимений в разных падежных формах фразы постепенно теряют смысл и превращаются в бессодержательные построения.

В произведении «Тысяча одна страсть...» Чехов блестяще пародирует композиционные приемы романтического стиля: эффектное начало, необыкновенные пейзажные зарисовки с целью подготовить читателя к восприятию исключительных переживаний героев и трафаретный эпилог: герой женится, он счастлив, а по-

том кончает жизнь самоубийством. Гротескность эпилога реализуется благодаря сниженно-бытовому плану изображения.

В качестве образца внелитературной пародии проанализируем произведение «Скверная история» (1882). Подзаголовок *нечто романообразное* подсказывает его пародийный характер.

Героиня рассказа, почерпнувшая свои идеалы о жизни из буржуазно-бульварной литературы, едко высмеивается автором. Ее сокровенное желание — выйти замуж. Но на балах на нее уже не обращают внимания, и поэтому: «Злоба ее достигла апогея. Голубые глаза обволоклись влагой, губы задрожали. Слезы готовы были брызнуть... Чтобы не показать профанам своих слез, она отвернулась к темным вспотевшим окнам, и — о чудный миг, это ты! — у одного из окон увидела прекрасного юношу, который не спускал с нее глаз. Юноша изображал из себя картину умиленную, колющую как раз в самое сердце. Поза его была шик, глаза полны любви, удивления, вопросов, ответов; лицо грустное. Леля моментально ожила».

В этом отрывке пародируются штампы романтического стиля: внутреннее восклицание героини («О чудный миг, это ты!»); поза юноши описана шаблонными фразами, притом это описание дается через субъективное восприятие героини. Фразы этого описания как бы почерпнуты из псевдоромантических романов. Эта условно-авторская речь построена с налетом возвышенности, приподнятости, как будто речь «автора» принаравливается к речи героини: достиг апогея; глаза обволоклись влагой. Формально словообразы *прекрасный юноша; умиленная картина, колющая как раз в самое сердце; грустное лицо* и т. п. не оформлены как элементы несобственно-прямой речи, но их эмоционально-экспрессивная окрашенность (*шик* — разг., *профан* — книж., неодобр.) ассоциируются скорее с восприятиями героини, чем с авторским отношением к изображаемому. Так комические эффекты в повествовании реализуются благодаря наличию разностильных элементов, авторская ирония проходит через эти различные стилевые слои.

Героиня — существо ограниченное, без поэзии в душе, а только с видимостью поэзии. Это раскрыто с помощью элементов несобственно-прямой речи. Так авторская ирония приобретает несколько скрытый характер: «Она заметила, что они [мужчины] перестали обращать на нее внимание. Они стали неохотно плясать с ней. Мало того. Идет, каналья, мимо — и не посмотрит даже, как будто бы она перестала уже быть красавицей. А если и взглянет какой-нибудь нечаянно, невзначай, то взглянет не с удивлением, не платонически, а так, как глядят перед обедом на сдобный расстегай или поросенка».

Претензия героини на романтичность (платонический взгляд) комически контрастирует с просторечными элементами (*каналья*) и сниженно-бытовыми ассоциациями (смотреть как на сдобный расстегай или поросенка). Формально авторская речь построена так, что эти элементы и ассоциации можно отнести как за счет внутренней речи героини, так и за счет «автора». Условный «автор» говорит это серьезно, сочувствуя героине, а собственно автор смеется и над условным «автором» и над героиней.

В повествовательном тексте комически чередуются заявки на романтичность и их ироническое разрушение: «На другой день после бала Леля сидела в своей комнате у окна и, торжествуя, глядела на улицу. По улице, перед ее окнами, взад и вперед блуждал Ногтев. Ногтев блуждал и запускал глазенана на ее окна. Он глядел, точно помирать собирался: грустно, томно, нежно, огненно». В стилистическом отношении формально авторская речь сильно расходится с собственно-авторской речью. Это расхождение сводится к наличию просторечных элементов (*запускал глазенана, помирать собирался*) и художественно немотивированных повторений синтаксических конструкций, которые говорят о бедности языка и мысли (*блуждал Ногтев, Ногтев блуждал*). В тексте нет прямых указаний на то, что это элементы несобственно-прямой речи, но само построение отрывка косвенно указывает на то, что картина изображена через восприятие героини.

«Отголоски» речи героини в формально авторском повествовании передают, с одной стороны, ее душевный примитивизм, грубость, а с другой — ее претензии, фальшь, ложную возвышенность переживаний. Так получается комический контраст между тем, что она есть на самом деле, и тем, чем пытается вообразить себя.

Пародийность характера персонажа усиливается пейзажем, в котором Чехов блестяще обыгрывает шаблонные описания природы: «Был тихий вечер. В воздухе пахло. Соловей цел во всю ивановскую. Деревья шептались. В воздухе, выражаясь длинным языком российских беллетристов, висела нега... Луна, разумеется, тоже была. Для полноты райской поэзии не хватало только г. Фета, который, стоя за кустом, во всеуслышанье читал бы свои пленительные стихи». В этом описании есть все поэтические пейзажные атрибуты: тихий вечер, соловей, нега, луна. Пародийный тон поддерживается некоторыми грамматическими нарушениями: *в воздухе пахло* — ненормативное употребление глагола без дополнения; *петь во всю ивановскую* — разрушение фразеологизма (ср. кричать, горланить, и т. п. во всю ивановскую).

Стилистическая структура рассказа раскрывает ироническое отношение автора к персонажу и причины, породившие его. Автор

не может не иронизировать над иллюзиями героини, но последняя фраза и заглавие — «Скверная история» — звучат многопланово. Конфликт, показанный в рассказе комически, имеет и свою драматическую сторону. Рассказ кончается с пеной объяснения: «Леля вытянулась, готовая пасть в объятия. Сердце ее застучало. — Будьте моей...

Художник схватил ее за другую руку. Она покорно склонила голову на его плечо. Слезы счастья блеснули на ее ресницах... — Дорогая моя! Будьте моей... натурщицей!».

В подобном изображении человеческого характера уже проявляется талант будущего художника-психолога. Чехов глубоко чувствует и драматическую сторону жизненных явлений, хотя и остается верен юмористической манере изображения.

Ранние пародийные рассказы А. П. Чехова, их стилистическая структура очень важны для понимания развития художественного мастерства писателя.

Д. И. ДАМЯНОВА-ДОЛМОВА

В. Тырново, НРБ

Рисунок Ю. Космынина

Я перечитывал Чехова. В чем был секрет его живых слов? За каждой фразой — живой человек, мало того — тип, мало того — эпоха...

А. Н. Толстой

Главное же — просто писать, как Чехов в языке... — без кокетства, без вывертов...

Как стилист, Чехов недосягаем, и будущий историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов.

...мягкости языка, его точности можно поучиться у Чехова: короткая фраза, совершенно отсутствуют вводные предложения. Этого он всегда избегал с огромным умением.

А. М. Горький

...Чехов — покажет вам, что такое диалог, как в действительности говорят живые люди, научит строить фразу, предложение — кратко и точно.

Чехов как стилист — единственный из художников нашего времени, в высокой степени усвоивший искусство писать так, «чтобы словам было тесно, мыслям просторно».

А. М. Горький

Я не хочу сказать, что он [А. П. Чехов] *искал*, подобно многим другим писателям, моделей. Но мне думается, что он всюду и всегда видел материал для наблюдений, и выходило у него это поневоле, может быть, часто против желания, в силу давно изоощренн^{ой} и никогда не искоренимой привычки вдумываться в людей, анализировать их и обобщать. В этой сокровенной работе было для него, вероятно, все мучение и вся радость вечного бессознательного творчества.

И он [А. П. Чехов] сам неустанно работал над собой, обогащая свой прелестный, разнообразный язык отовсюду: из разговоров, из словарей, из каталогов, из ученых сочинений, из священных книг. Запас слов у этого молчаливого человека был необычайно громаден.

Язык Толстого напоминает постройку, возводимую великанами: чтобы о ней судить, нужно глядеть на нее издали. Язык Чехова — нежное и тонкое плетение, которое можно рассматривать и в лупу.

...пройдут годы и столетия, и время сотрет даже самую память о тысячах тысяч живущих ныне людей. Но далекие грядущие потомки, о счастье которых с такой очаровательной грустью мечтал Чехов, произнесут его имя с признательностью и с тихой печалью о его судьбе.

А. И. Куприн

«ЗВЕЗДА ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ»

«В плеяде великих европейских драматургов Чехов сияет как звезда первой величины даже рядом с Толстым и Тургеневым».

БЕРНАРД ШОУ

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ положил начало «новой эре» русской драмы. В его замечательных пьесах — простота и жизненность отражения действительности, а в переживаниях его героев — драма личности в современном обществе.

Чеховская «Чайка» дала жизнь новому, Московскому Художественному театру, эмблемой которого стала летящая чайка. Пьесы Чехова не сходят со сцены и в нашей стране, и во всем мире.

Редакция обратилась к народному артисту РСФСР Олегу Валерьяновичу Басилашвили — одному из ведущих артистов Ленинградского Большого Драматического театра имени М. Горького, на сцене которого в постановке главного режиссера Г. А. Товстоногова с большим успехом шла пьеса А. П. Чехова «Три сестры», где О. В. Басилашвили исполнял роль Андрея Прозорова.

— Как Вы, Олег Валерьянович, относитесь к творчеству А. П. Чехова и что Вас больше всего привлекает в нем?

— Мне запомнилась та особая атмосфера, которая царилла за кулисами на репетициях, когда наш театр работал над пьесой А. П. Чехова «Три сестры». Люди стали относиться друг к другу с большим теп-

лом, добрее, речь их стала, на мой взгляд, благороднее, не засорялась привычными словечками. Видимо, таково было влияние Антона Павловича Чехова на всех, кто соприкасался с его творчеством, оно делало нас чище, лучше. Я по себе замечаю, что

соприкасаясь с творчеством того или иного драматурга или режиссера, попадая в круг его чувств и мыслей, всегда приобретаю для себя нечто новое, что незаметно входит в плоть и кровь, становясь как бы моим.

Помню, как с приятелями-мальчишками еще в военные годы мы хохотали от души над маленькими рассказами Чехова, читая и перечитывая старые, растрепанные тома его Полного собрания сочинений под редакцией Маркса. Обращаясь к произведениям писателя позднее, я обретал новое понимание их и всегда открываю для себя что-то новое, так как А. П. Чехов безгранично емок.

А. П. Чехов в русской литературе, на мой взгляд, явление уникальное и по своему таланту, хотя был окружен такими великими писателями-современниками, как Л. Толстой, М. Горький, И. Бунин, и по обаянию своей личности.

Его уникальность и во внутренней правде человеческих переживаний. Чехов пишет просто, доступно, ясно. Когда мы читаем или смотрим на сцене чеховскую пьесу, то чувствуем, что автор не покидает нас, его мысли и чувства, мнения о людях и событиях сказываются во всем: и в репликах персонажей, и в их отношениях, и во всей обстановке. Пьесы Чехова проникнуты неповторимым лиризмом. Творчество его всеобъемлюще, он писал о тех проблемах и вопросах, которые очень долго будут жить и будут современны. Так же, как не умрет Ромео и Джульетта, так не умрет «Палата № 6», так же, как будет жить в веках «Война и мир», будут жить и чеховская «Попрыгунья» и его прекрасные пьесы.

И каждый раз новое поколение режиссеров, актеров, зрителей будет открывать что-то свое, потому что Чехов всегда современен и интересен, так как у него настоящее человеческое отношение к жизни.

Творчество Чехова, как и Пушкина, является энциклопедией русской жизни, по которой можно изучать, как жили люди, что их интересовало и вздрагивать при ощущении того, как интересы, мысли и чувства тех людей родственны сегодняшним.

Когда я выходил на сцену в «Трех сестрах» в роли Андрея Прозорова, мне всегда было приятно от сознания того, что я передаю в зал мысли и чувства этого человека.

— *Расскажите, Олег Валерианович, как Вы работали над созданием образа Андрея Прозорова и как помогла Вам в этом речевая характеристика героя?*

Пьеса «Три сестры», как и все пьесы и рассказы Чехова, погружает нас в самую обычную жизнь, Но в этой привычной по-

вседневности писатель открывает сложные, часто трагические противоречия человеческих судеб.

В «Трех сестрах» Ольга, Маша, Ирина, Андрей Прозоровы, их друзья и знакомые, их семьи встречаются, разговаривают, радуются, горюют, влюбляются, расстаются, то есть живут обычной жизнью. Но безотраднa их судьба. На наших глазах пошлость, бессмыслица окружающей жизни губят сестер и их брата. Переживания персонажей у Чехова, как правило, скрыты в подтексте их монологов и диалогов. Особое значение приобретают интонация, мимика, жест, вся обстановка разговора — они говорят иногда больше, чем прямой смысл слов.

В начале пьесы перед нами Андрей Прозоров — восторженный, влюбленный молодой человек. Его речь насыщена восклицаниями, музыкальна, похожа на стихи.

А н д р е й. «О, молодость, чудная, прекрасная молодость! Моя дорогая, моя хорошая, не волнуйтесь так!.. Верьте мне, верьте... Мне так хорошо, душа полна любви, восторга... О, нас не видят! Не видят! За что, за что я полюбил вас, когда полюбил — о, ничего не понимаю. Дорогая моя, хорошая, чистая, будьте моей женой! Я вас люблю, люблю... как никого никогда...»

Большинство героев пьесы «Три сестры» духовно родственны и дороги автору, поэтому им близка природа и музыка, как и самому Чехову. Так, за сценой слышна скрипка Андрея, но его жену, не понимающую и не любящую музыку, раздражает игра Андрея: «В твою комнату я велю поселить Андрея с его скрипкой — пусть там пилит!» — говорит Наташа Ирине. В этом словечке «пилит» вся торжествующая пошлость Наташи. А для Андрея его скрипка — единственная отдушина, кусочек того мира, в котором ему уже не быть.

И в конце пьесы Андрей говорит откровенные гневные слова о городских обывателях: «Только едят, пьют, спят, потом умирают... рождаются другие и тоже едят, пьют, спят и чтобы не отупить от скуки, разнообразят жизнь свою гадкой сплетней, водкой, картами, сутяжничеством, и жены обманывают мужей, а мужья лгут...».

Эта пошлая жизнь губительна для человека с живой душой. Характерен монолог Андрея в последнем действии: «Жена есть жена. Она честная, порядочная, ну, добрая, но в ней есть при всем том нечто принижающее ее до мелкого, слепого, этакого шаршавого животного». Предельный лаконизм фразы «жена есть жена» задает определенный ритм всему монологу.

А сравнение жены с «этаким шаршавым животным» очень точно передает ту неровность и «шероховатость», внутреннюю

«Три сестры».
Андрей
Прозоров —
О. Василашвили

нечистоплотность, пустоту и пошлость, которая свойственна мещанской сути Наташи.

По-моему, Чехов отличается от многих писателей еще и тем, что точность, ясность, поэзия его слова вызвана к жизни необъяснимым ощущением мира вокруг себя, который он очень любил и безумно жалел.

— Олег Валерианович, Вы не только артист театра, но и популярный киноактер и Вам приходилось играть в фильмах, снятых по произведениям А. П. Чехова. Как Вы работали над созданием этих образов?

— Мне повезло, я играл сравнительно много вещей Чехова. На телевидении я участвовал в инсценировке повести Чехова «Моя жизнь», затем в телефильме под названием «Отцвели уж давно хризантемы в саду», где были объединены три чеховских произведения: бытовая драма «Злоумышленник», гротескная трагикомедия «Дорогая собака» и водевиль «Жених и папенька». Также я снимался в фильме М. Швейцера «Смешные люди», где играл две роли: следователя в «Злоумышленнике» и мужа в рассказе «Невидимые миру слезы».

Работая над образами Чехова, я всегда очень внимательно вчитываюсь в текст и стремлюсь точно передать все нюансы его слова. Встреча с гением А. П. Чехова, со «звездой первой величины», как назвал его Бернард Шоу, для меня всегда очень значительна и волнующа.

Беседу вела М. А. ГАЛМАНОВА

ПЕРЕКЛИЧКА

В кинокомедии «Усатый нянь» заведующая детсадом так представляет главного героя Кешу Четвергова его будущим подопечным «бармалейчикам»:

Марина Борисовна — Ребята, этот дядя будет у вас ночной няней.

Четвергов — Какой няней?!

Марина Борисовна — Ночной.

Четвергов (пытаясь убежать) — Какая из меня няня?!

Марина Борисовна (торжественно) — Ребята, он будет у вас... ночной нянь!

Нарочитое непонимание заведующей вопросов возмущенного Кешы и новое экспрессивное название необычной для мужчины профессии создают комичность данной ситуации.

Соотносительная форма мужского рода к слову *няня* была использована еще Маяковским в IV главе поэмы «Хорошо!». «Усатый нянь» — так сатирически охарактеризован здесь лидер кадетской партии Милюков, выслушивающий «любовные признания» мадам Кусковой, предметом страсти которой оказался премьер-министр Керенский. Смешное и выразительное индивидуальное образование в поэме появляется не сразу. «Пе Эн Милюков» сначала предстает перед читателями профессором «с умишкой хилым» и «усастой няней». И только в кульминационный момент, когда обнажается сущность политических интересов Милюкова и правой социал-демократки Кусковой, поэт изменяет грамматический род существительного, давая в нем авторскую оценку изображаемого:

«Оставь меня,
я влюблена.»

.....
Смахнувши

слезы

рукавом,

взревел усатый нянь:

— В кого?

Да говори ты нараспашку! —

С МАЯКОВСКИМ

«В Керенского...»

— В какого?

В Сашку? —

И от признания

такого

лицо

расплýлось

Милюкова.

В поэме нянь назван «усатым», так как Маяковский предпочел литературному прилагательному разговорно-просторечное, обозначающее «с большими усами». В. В. Маяковский широко вводил в свои произведения окказионализмы — индивидуальные поэтические новообразования. Они во всем своем разнообразии оказывали и оказывают влияние на словотворчество последующих поэтов, писателей и публицистов. «Слова-краски» заимствуются другими авторами как средство художественной образности и проникают в литературные произведения, на страницы газет, в научные статьи, на экраны, демонстрируя свою жизненность и образную силу.

Юного Кенжу Четвергова из кинокомедии можно назвать лишь «усатый нянь», «усатая няня». Индивидуально-авторское словопотребление, контекстно обусловленное в поэме В. Маяковского, обрывает новым словесным окружением, усиливающим его принадлежность к категории мужского рода: *усатый нянь, ночной нянь*.

Интересно, что само выражение *усатый нянь* бытовало сначала в семье будущего поэта: так шутливо называли здесь лезгина-объездчика Имриза Раим-оглы, заботливого друга детей Маяковских. И только потом оно, преобразовавшись, стало элементом художественной системы поэмы, то есть перешло из разговорной речи в художественную.

У В. Маяковского встречается также новообразование *обезьян* (вместо общезыкового существительного женского рода обезьяна) в детском стихотворении, где оно относится к животному и используется в ряду обновленных названий зверей — жирафка, жи-

рафенок, и в одном из писем, где это слово имеет переносное значение и несет экспрессию фамильярности: «...ехал с нами в поезде большой престарелый обезьян. Обезьян сидел в окне и все время жевал».

В романах Юрия Германа «Дело, которому ты служишь» и «Дорогой мой человек» употребляется это же новообразование Маяковского. Отрицательный персонаж романа Е. Ф. Маркелов называет так проводника: «— Да уйди ты, обезьян,— улыбаясь отмахнулся Егор Фомич, но Володя заметил, что улыбка была какая-то словно бы и робкая». Оно зафиксировано и в несобственно-прямой речи. Двое раненых обратились за помощью не к медсестре, а к врачу Володе Устименко, который упрекает их в бестактности по отношению к еще не очень опытной медсестре, но: «Азбелев угрюмо промолчал, а Трубицын, нарочно громко охая, сказал, что он „не обезьян“ и „не позволит над собой всяким девчонкам обучаться, как в лаборатории“».

Особенно широко используются окказионализмы Маяковского в поэтических произведениях. Включенные в новый контекст, они вносят в него определенную стилистическую окраску, образность и эмоционально-экспрессивный заряд.

Так, немало окказиональных образований В. Маяковского можно встретить в произведениях Николая Асеева. Творческая близость Асеева и Маяковского естественно вытекает из их человеческого и поэтического «содружья» (это слово также отмечено в стихах обоих поэтов).

В стихотворении «Бронза» (1960) Асеев пишет о царь-колоколе и царь-пушке, привлекая существительное Маяковского *многопудье* (ср.: «Мне наплевать на бронзы многопудье...»):

Расчет был на их многопудье,
угрюмый, старинный расчет...
Не бьет это чудо-орудье,
и колокол-чудо не бьет.

.

А все ж их хулить не годится —
не ихняя в прошлом вина.

Н. Асеев заимствует из произведений Маяковского несколько притяжательных прилагательных. Изображая революционные события, он обращается к поэме «Хорошо!». Прилагательное *Авророва* переходит из поэмы Маяковского в стихотворение Асеева

Приведенные примеры не исчерпывают всех случаев заимствований индивидуальных словообразований В. В. Маяковского и показывают, что окказионализмы не привязаны раз и навсегда к тому контексту, в котором они родились.

Нередко поэты творчески преобразуют неологизмы Маяковского.

Так, у В. Маяковского есть емкое по образности и насыщенное метафорической игрой слов стихотворение «Пернатые», где, в частности, путем контаминации создается новое прилагательное: *слово + пулеметный = словометный*:

Разливая огонь словометный,
пойдет пулеметом хлестать линотип.

А Александр Безыменский в стихотворении «Типы ораторов» включает окказиональное существительное *словомет*, сатирически характеризующее человека:

Вот патентованный
оратор-словомет.
Вертя машинку
разума тупого,
Он может говорить
и час, и день, и год,
О деле не сказав ни слова.

У Ю. Германа встречается сложное прилагательное *огнеглазые* («Дело, которому ты служишь»), созданное по аналогии с окказионализмами Маяковского — *огнегубые, огнедымые, огнегневый, радугоглазая*. Это соответствие поддерживается всей метафорой: «Из юрт струились дым, кони с буйными гривами, с вьющимися по ветру длинными хвостами, огнеглазые, долго бежали перед грузовиком».

Подобные образования, наряду с другими выразительными средствами, играют важную художественную роль в литературных произведениях. Но не только поэты и писатели берут на вооружение «оружие» Маяковского — его окказиональные слова и словоформы. Они используются и в газетно-публицистическом, и в научном стилях речи.

Пафос статьи М. Стоянова «Опровержение пророков», посвя-

щенной юбилею принятия нашей страной первого пятилетнего плана, поддерживается употреблением строк из стихов В. В. Маяковского и двух его известных окказионализмов — *громадьё* и *шаги саженъи*. Второе словосочетание практически неделимо, поэтому оно целиком включается в контекст статьи, изменяя при этом падежную форму: «Потребовались десятилетия, чтобы безапелляционные прогнозы гибели «большевистской России», провала ее пятилетних планов сменились под воздействием наших шагов саженых трезвыми оценками» («Московская правда», 8 мая 1979). Окказиональное существительное входит в несколько новых словосочетаний: *громадьё поражающих смелостью планов*, *громадьё осуществленных дел* и, наконец, *громадьё пятилеток*. Автор не просто увеличивает сочетаемость этого слова — он расширяет его значение: теперь оно символизирует не только величественность планов, но и мощь их реализации; передает уже не только размах самых первых народнохозяйственных заданий, но и могучую поступь советской страны за все прошедшее время. М. Стоянов употребляет слово *громадьё* в творительном падеже: «...идя «сквозь револьверный лай», знали, придет эта, сегодняшняя весна громадьем осуществленных дел и поражающих смелостью планов». Оно усиливает заключительный «аккорд» статьи: «Трудно узнать нашу столицу, нашу страну, преображенную громадьем пятилеток. Величественных, дерзновенных, реальных».

В. К. Фаворин, — один из исследователей творчества В. В. Маяковского, иллюстрируя нетрафаретность его языка, писал: «Что же касается поэтико-языковых достижений Маяковского, то и сейчас уже несомненно, что творчество Маяковского, двигая вперед развитие поэзии, заряжало и заряжает огромное «многочислие» поэтов (не только молодняка, но и таких сложившихся, больших поэтов, как Безыменский, Асеев, Кирсанов...)».

В это *многочислие* (кстати, это новообразование Маяковского) следует включить и некоторых наших современников — поэтов, писателей, публицистов, в произведениях которых окказионализмы Маяковского продолжают свою жизнь, наполняясь новым содержанием.

Т. Б. ВОРОБЬЕВА

НОВО- ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЗЕ Ю. М. НАГИБИНА

Принято считать, что преобразованием, «изобретением» новых слов занимаются главным образом поэты. Действительно, хорошо известны авторские неологизмы В. Маяковского, Н. Асеева, М. Цветаевой, С. Есенина, Л. Мартынова, А. Вознесенского, Е. Евтушенко и других. Однако словотворчество присуще и многим прозаикам, в частности, талантливому советскому новеллисту Ю. М. Нагибину.

Писателю свойственно пристальное внимание к слову. В очерке «Размышления о рассказе», в новеллах «Немота» и «Машинистка живет на шестом этаже» много страниц посвящено мучительным и радостным поискам слова точного, выразительного и единственно пужного. Нагибин обладает тонким языковым чутьем, что проявляется в склонности его к созданию новых слов, которые всегда несут на себе отпечаток свежести, первозданности, заставляют читателя внимательнее вглядываться и вслушиваться в авторский текст.

Примечательно, что среди новообразований писателя относительно немного отвлеченных существительных на *-ость*, мотивированных прилагательными, которые так характерны для поэзии. Это — *дымность*: «полупрозрачная дымность бегущих туч» (Сон о Тютчеве); *фиалковость*: «Хозяйка цвела устами, фиалковостью глаз, телом, предвкушающим счастье» (Неринга); *лиловость*: «...во всю щеку малиновый в лиловость от ветра и холодных брызг крепкий румянец» (На кордоне). Сюда же относятся *жаркость*, *обманность*, *особость*, *приставучесть*.

Поскольку в современном литературном языке, особенно в книжной его разновидности, существительные на *-ость* можно образовать почти от каждого прилагательного, они, как правило, не несут печати необычности. Выделяется среди названных лишь *приставучесть*, которое, вместо обычной для существительных на *-ость* книжной или нейтральной окраски, имеет явно разговорно-просторечный характер.

Редко прибегает писатель и к образованию новых слов с помощью суффиксов субъективной оценки. Слова такого типа особенно характерны для разговорной речи, в которой они возникают как бы непреднамеренно, стихийно и из которой они легко проникают в художественную литературу. Можно назвать увеличительное существительное *громщице*, несколько уменьшительно-уничтожительных: *дарованьщице*, *мученьщице*, *темнотца*, *чувствишки*. Обычно такие образования помогают автору усилить экспрессию высказывания, подчеркнуть его тональность. Так, филолог Лунин из рассказа «Машинистка живет на шестом этаже», на редкость взыскательно оценивающий свои творческие способности, иронизирует над собой: «Как может истерзать человека слабое *дарованьщице*, когда на свете столько простых и серьезных вещей, ради которых стоит жить». Или размышления юного геолога Четунова: «Нет, надо решительно вытравлять в себе все эти дрянные мелкие *чувствишки*. Быть простым и сильным — вот линия моей жизни» (Четунов, сын Четунова).

*

К излюбленным же типам авторских новообразований следует отнести изменения глаголов и существительных. Среди глагольных отметим прежде всего такие, как *вклещивалась*, *спетлил*, *забисерил*, *паучилась*, *радужилась*. Объединяет эти авторские слова яркая образность, основанная на скрытом в каждом из них, как бы «спрятанном» сравнении. Например: «Знакомая боль с тупым однообразием *вклещивалась* в грудную кость» (На кордоне). *Вклещивалась* — то есть боль, как клещами, сдавливала грудь. Или: «Огромный полуметровый угорь выметнулся из воды и рухнул на мосток возле самых ног Валькова. Он *спетлил* тело и рванулся вперед к другому краю плотины» (На тихом озере), *спетлил* — свернулся петлей. «Я начал складывать слова, и сразу мозг охватила тупая-тупая усталость. Я знал, что потеряю все это, если *не закапканю* словами, но голова стала как оловянная» (Немота). *Закапканить* — здесь означает необходимость поймать и закрепить свои впечатления словами, как схватывают капканом добычу, слово образовано по модели «заарканить». Или: «Потом дождь участился, помельчал и наклонно *забисерил* в окна, скрыв простор» (Неринга), то есть мелкие дождевые капельки, как бисеринки, били в окна. «Не орудовский красный кирпич, — свастика, символ мирового зла, *паучилась* перед ним» (Гибель пилота), то есть распласталась, как паук, перед ним. «Мутная, затянутая пленкой вода не отражала неба и потому чужда была

переливам сини и золота, разве что слегка *радужилась* у гранитных берегов» (Пик удачи). *Радужилась* — становилась разноцветной, как радуга.

Другие глагольные новообразования создаются Нагибиным как варианты употребительных в литературном языке глаголов. Это такие слова, как *назадали* (по модели *нарасказали*), *насамовольничала* (*напроказила*), *заяснили* (*забелели*), *заславословят* (*захвалят*), *выжалобиться* (от просторечного глагола *жалобиться* по типу *выплакаться*). С помощью префиксов автор, не увеличивая, так сказать, «текстовой площади», меняет видовую принадлежность глагола и добивается нужного ему семантического сдвига. Так, *ва-славословят*, *на-самовольничала*, *на-задали*, *вы-жалобиться* — получили явственный оттенок доведения действия до его предела.

Эти глаголы воспринимаются читателями особенно легко еще и потому, что очень часто в тексте рядом с ними стоят общелитературные слова, по типу которых они образованы. «А затем сумеречный, веющий сыростью и прелью ольшаник и вовсе сошел, светло, молочно *забелели* березы, жемчужно *заяснили* сосны, под нами шелково натянулась густая, низкая, трава» (Заброшенная дорога).

Несколько более неожиданное новообразование *объуютит* также не затруднит читателя, так как оно подготовлено в тексте общеупотребительным глаголом *обживет*: «Жги, уничтожай города, стирай их с лица земли,— а людская цепкость, привязанность к „старому порогу“ вновь поставит их на том же месте, *обживет*, *объуютит* густотой косного быта, населит человеческой молодью» (Сентиментальное путешествие).

Достаточно ясна и структура созданных автором причастий *изморщивенные* и *опрозрачневшая* от окказиональных глаголов *изморщивиться* и *опрозрачнеть*: «Королева сидела у туалетного столика и кончиками пальцев медленно и задумчиво втирала крем в *изморщивенные* подглазья» (Среди профессионалов); «Когда, к примеру, глядишь в окно, открытое на осенний сад, то видишь не мир вообще,— такого мира не существует, разве что в абстракции,— а поникшие, пожухлые травы, *опрозрачневшую* листву деревьев, как бы размытую голубизну неба» (Размышления о рассказе).

Далеко не так прост окказионализм *обессловился*, созданный Нагибиным в рассказе «Немота». Однако в контексте (а только в нем следует рассматривать и оценивать авторские новообразования) значение его оказывается достаточно ясным и вместе удивительно емким. В этой новелле повествование ведется от первого лица, герой ее — писатель потерял способность к твор-

честву, так как растерял все слова. Растерял настолько, что банальные фразы лекторши-гида привели его в восторг: «Я настолько *обессловился*, что ее заученные фразы показались мне чудом образного мышления, а несложные определения — верхом художественности». *Обессловился* — здесь *остался без слов*, образовано по модели *обескровиться* — *остаться без крови*.

Иной раз с помощью глагольно-префиксального образования Нагибин освежает ставшее уже стертым в разговорном языке сравнение: «Гуцин тут же *отпулеметил* несколько десятков названий, не скупясь на адреса как существующих, так и умерших зданий» (Срочно требуются седые человеческие волосы). Здесь *отпулеметил* вместо привычного «произнес быстро, как пулемет». Или же создает как бы метафорический неологизм, по выражению В. В. Виноградова: «Дожди *отслезились* в начале ноября» (Смерть на вокзале).

Еще чаще, чем к глагольным новообразованиям, Нагибин прибегает к преобразованиям имен существительных. Особенно характерны для него два вида авторских образований: существительные с суффиксом *-je* и существительные с нулевой аффиксацией (безаффиксные). Среди первых назовем такие слова, как *предсонье*, *вневременноье*, *привычье*, *угрюмье*, *укромье*, *всхолмье*, *межрамье*, *междуэтажье*, *погорелье*, *полуподвалье*.

Обращение к большинству из них прежде всего означает значительную экономию речевых средств: «Порой, особенно ночью, в *предсонье* или полуяви пробуждения, его пронизывала вера, что главные, необыкновенные люди еще появятся, что он просто забыл о них в кошмаре болезни или умирания» (Чужое сердце). В *предсонье* — насколько это лаконичнее, чем, к примеру, — «в состоянии, предшествовавшем сну», или «перед засыпанием», «перед тем, как заснуть». Тот же лаконизм вносит в текст и авторская лексема *привычье*: «Вырванный из *привычьа*, он обрел свободу и подсознательно в нем свершилась переоценка ценностей» (Пик удачи). Это слово здесь заменяет сочетания *привычная жизнь* или *привычная обстановка*, *привычные условия*, *все привычное*, внося вместе с тем оттенок некоторой обобщенности, собирательной неопределенности. Этот же семантический оттенок можно обнаружить и в слове *всхолмье*: «Пройдя железнодорожный мост, Кравцов оглянулся. На малом *всхолмье*, над старыми вязами обрисовалась темная крыша больницы» (Ты будешь жить). Конечно, вместо «на малом *всхолмье*» можно было бы сказать «на небольшом холме», но Нагибина в данном случае, видимо, не удовлетворило существительное *холм* с его конкретностью, точно очерченными пределами. По модели народных,

теперь устаревших слов типа *всполье, взгорье, замаячье* и т. п., он создает *вскольме*, которое имеет собирательно-обобщенное значение с оттенком некоторой неопределенности.

Ю. М. Нагибин любит и умеет находить зримые, точные детали. Его описаниям обычно свойственна конкретность, осязаемая вещественность. Но он же мастерски умеет создать атмосферу зыбкой неопределенности, передавать смутные, переходные, трудно уловимые впечатления, ощущения, настроения. И авторский прием преобразования слов играет, видимо, в этом свою роль.

*

Другой разряд новообразований писателя — безаффиксные существительные — также один из древнейших словообразовательных типов русского языка, сохранившийся отчасти в диалектах. В современном русском языке, как указывал В. В. Виноградов, они используются в поэтической речи и в художественной прозе. Среди нагибинских новообразований этого типа есть и адъективные: *непроглядь, зрूपь, проголубь, прочернь, прижелть* и т. п., и отглагольные: *взвень, назмур, распах, выблеск, высверк, просверк, отсверк, обста* и т. п.

Разнообразны семантико-стилистические функции, которые присущи этим авторским словам. Одни из них способствуют краткости, лаконичности текста: «Меж тем наступила ночь... За окнами зверем притаилась черная *непроглядь*» (Приезд). Не «непроглядная ночь», а краткое *непроглядь*, которое заметно меняет ритм повествования, укорачивая фразу, делая ее более «мускулистой».

С помощью других лексем Нагибин, рисуя картины природы, воссоздает множество ее оттенков и полутонов: «Но вот последние хлопья тумана улетели ввысь, в слабую *проголубь* раннего неба» (На тетеревов). Именно не в голубизну, а в *проголубь* — слово, созданное автором по модели *седина — проседь, синева — просинь*. Передавая живую, изменчивую прелесть природы, Нагибин описывает «мертвенно-зеленоватые *выблески молний*» (На тихом озере), «золотистый *отсверк* воды» (Где стол был яств...).

Передаче тонких нюансов цвета служат и такие образования, как *прижелть* (небольшая желтизна) и *призолоть* (слегка золотистый оттенок): «За окнами кабинета тускнел серый с *прижелтью* кудрый декабрьский денек, что выгорает к трем пополудни, так и не вспыхнув» (Смерть на вокзале). Или: «Тут я увидел в двух шагах от себя, на ветке чернотала, зеленый, с *прижелтью* пушистый шарик и не сразу узнал чижа» (Выстрел). «Прическу

она [любимая учительница] носила гладкую, с тугим пучком; густые, пушистые, с *призологой* волосы нарушали порядок и обводили голову зыбким контуром, загоровшимся на солнце наподобие нимба» (Как трудно быть учителем).

Отглагольные имена с нулевым суффиксом создает писатель, рисуя мгновенные изменения в душевном состоянии человека, воспроизводя отдельные движения, жесты. Его привлекает в этих словах энергичная краткость звучания. Этим безаффиксным словам присуща особая динамика: «Редкий, но сильный дождевой *охлест* прибил пыль» (Страницы из жизни Трубникова).

По способу образования к этому кругу слов примыкает и новообразование *обстае*, который автор использует очень часто. Образует он это слово, видимо, от устаревшего глагола *обстаить*, *обстаить* со значением 'обступать кругом, окружать'. Так, автор рассказывает о футбольном поле в Сырмятниках: «Поле, чуть укороченное против обычного, находилось в *обстае* старых дубов и вязов» (Почему я не стал футболистом). В том же значении — и в повести «Когда погас фейерверк». Несколько иную семантику обнаруживает эта лексема в очерке Нагибина о японском режиссере Якире Куросаве: «Меня удивляла математическая точность *обстае* наших встреч. В дальнейшем я убедился, что это основа основ японского стиля работы в любой области: в офисах, на предприятиях, в журналистике, на транспорте, в сфере обслуживания». В этом контексте *обстае* — скорее церемониал, ритуал. Иногда же писатель использует это слово просто как синонимическую замену существительного *обстановка*: «Он [Рахманинов] глядел на Скрябина, а краем глаза безотчетно ухватывал бедную обстановку, и этот скудный *обстае* красноречивее всяких слов говорил о подвижнической жизни человека, так странно и бессмысленно уложенного на обеденный стол» (Где стол был яств...).

Войдут или не войдут те или другие новообразования Ю. М. Нагибина в общелитературный язык — не известно. Созданные в полном соответствии со словообразовательными нормами языка, с его тенденцией к экономии речевых средств, эти новообразования, несущие в себе семантическую емкость и стилистическую выразительность, удачно вписываются в контекст нагибинской прозы, своеобразно окрашивая ее.

Э. Л. ЛЬВОВА
Ваку

И. А. НОВИКОВ

Две встречи

Встречался я с Антоном Павловичем Чеховым всего два раза, но обе эти встречи дали ощущение живого Чехова и, более того, помогли понять его как писателя, хотя беседа велась совсем не о литературе. Я тогда лишь немного начинал печататься, но в этом ему не признался, а сам Чехов, как большинство настоящих писателей, думается, рад был вести разговор не «писательский», а просто — житейский. Я никак не затрагивал вопроса и о его произведениях. Я ехал тогда на голод в Бессарабию и по этому именно делу к нему и зашел.

Заговорили, конечно, и о любимой Чеховым Москве. Несмотря на январь, в Ялте было тепло, все ходили по-летнему, по каменным стенам вились маленькие пушистые розы, цвели и какие-то еще розовые цветы с плотными блестящими лепестками; все это было зимою несколько призрачно. И грусть по морозной Москве — запрещенной — была как нельзя больше понятна. В кабинете, совсем небольшом, очень простом, постепенно сгущались синие сумерки; огня не зажигали. Антон Павлович говорил не спеша, раздумчиво, больше расспрашивал — о Москве, о студенческих наших делах, немного всегда беспокойных. Кстати, когда передают речь Чехова, всегда пестрит частица «же», которую он будто бы прибавлял чуть не к каждому слову; получается впечатление сугубо провинциального местного говора, почти комического. Правда, пишут это люди, знавшие Чехова долго и хорошо, но если и была в его речи такая особенность (я ее вовсе не ощутил), то во всяком случае передающие слова А. П. ею злоупотребляют. Он говорил, как писал, короткими фразами, подумав,

несколько скупы и очень определенно; так же скупы и выразительны были и его жесты, едва намеченные и, одновременно, вполне законченные.

Я не помню подробностей этого первого разговора, да и не в них дело, но тогда же я отчетливо почувствовал, как Чехов был пристально внимателен к другому человеку — совсем для него случайному. И это не был интерес специфически писательский, а именно человеческий. Пожалуй, в этом была и доброта, но не такая теплая и конкретная, какая присуща была Владимиру Галактионовичу Короленко, которого увидел я много позже. У Чехова любовь, эта была как бы несколько *далекою*: не данный сидящий перед ним человек сам по себе, а он же, но лишь как один из тех живых существ, что именуются человеком. У Чехова, несомненно, присутствовала всегда свойственная ему органически дума о людях, о человеке, о жизни. И вот он сидел в сумерках и говорил, с паузами, покашливая, спрашивал что-нибудь, и так это воспринималось: точно хочет проверить себя, прикинуть свое «издали» на этом вблизи сидящем, приехавшем оттуда — из всегда молодой Москвы.

Чехов был человеком конкретностей и писал живых людей, может быть как никто, но эти конкретности он давал по-особому, на широком и спокойном горизонте своего раздумья. Так иногда, на фоне заката, увидишь стебли полыни или дикой рябинки, они такие же, как и те, что у тебя под ногами, но и не те, ибо конкретность их дана с гравюрною четкостью, и даны расстояние, простор и грань горизонта, и теплая желтизна уходящего неба. Это сочетание конкретности и дали, живого быта и длительного раздумья, оно и является основным в творческой манере Чехова.

Какого же рода было это раздумье? Несомненно, оно было очень разнообразного свойства: и философского, и социального — тому имеется много свидетельств. Во вторую свою встречу с Чеховым я очень остро почувствовал именно этот социальный интерес писателя и притом не отвлеченный, соловной, а напротив — живой, исполненный настоящего человеческого тепла.

Я увидел Чехова на одной из выставок картин в Москве. Он был один, но я не подходил к нему, стесняясь напомнить о нашем случайном знакомстве, однако он сам, взглянув и помедлив секунду, узнал меня.

— Да, хорошо написано,— сказал он о портрете какого-то генерала, перед которым как раз я стоял,— но кому это нужно, зачем?

Портрет привлекал общее внимание, и мастерство художника было налицо. Но Чехов не захотел углубить свою мысль, и она приобрела всю свою значительность лишь в порядке противопоставления.

— Вы это еще не видали?

Не рассеянно, но очень быстро прошел он ряд других полотен и надолго остановился затем перед одной небольшою картиной.

— Вот,— сказал он,— вот что я вам хотел показать. Это хорошо.

Я не помню, чья это была картина, но передо мной встают и теперь — фабричные задворки, вечер, лиловатая мгла и молодой рабочий с ребенком на руках; он держит его очень неловко и очень бережно, со скуповатою, может быть, чуть-чуть стыдливою, нежностью, которую не хотел бы показать. Чем-то родственно этому сочетанию чувств было и само восприятие Чехова, и молчание его было для меня выразительно полно: сам он писал не потому лишь, что умел отлично писать и хорошо знал человека, но и потому, что он человека любил и жалел, и думал, по-своему, об устройении его неустроенной жизни.

*Печатается по изданию:
А. П. Чехов в воспоминаниях современников,
М., 1947*

Точен и скуп на слова был он [А. П. Чехов] даже в обыденной жизни. Словом он чрезвычайно дорожил, слово высокопарное, фальшивое, книжное действовало на него резко: сам он говорил прекрасно — всегда по-своему, ясно, правильно. Писателя в его речи не чувствовалось, сравнения, эпитеты он употреблял редко, а если и употреблял, то чаще всего обыденные, и никогда не щеголял ими, никогда не наслаждался своим удачно сказанным словом.

И. А. Бунин

ТЕКСТО- ЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА А. И. КУПРИНА

Александр Иванович Куприн — великолепный мастер художественной типизации и реалистического изображения быта. Достигал этого мастерства писатель кропотливой работой над словом. Рассмотрим рассказ «Мирное житие», посвященный тем же проблемам общественной жизни, о которых говорил великий обличитель пошлости и мещанства А. П. Чехов.

Во многом похож на чеховского Беликова главный герой рассказа И. В. Наседкин, описание поведения и психологии которого позволило писателю вновь обнажить то социальное зло, которое несут обществу представители мещанства, своей «деятельностью» обрекающие людей на «беспросветное», «болотное» прозябание.

Рассказ интересен с лингвистической стороны, так как сохранившийся в ЦГАЛИ (фонд 240) черновой вариант рукописи показывает, как шел писатель к изображению этого «собираемого типа» — мещанина и склочника, какие индивидуальные особенности авторской манеры письма особенно ярко проявились в его работе над текстом.

Правку автора можно подразделить на два типа: номинального характера, нацеленную на углубление и уточнение самого содержания описания, и стилистическую, показывающую работу писателя над выбором выразительных средств, способствующих выпуклости изображения, более полному отражению идеи произведения.

Правка производилась и в авторской речи, и в речи персонажей.

В основном же, писатель работал над образом главного героя произведения Наседкина, стараясь раскрыть его внутренний мир, его психологию не в описаниях, а в последовательно приводимой коллекции фактов — действий, поступков, событий, само

перечисление которых развенчивает героя как личность. (Сравните аналогичный метод характеристики в произведениях А. П. Чехова «Смерть чиновника», «Хамелеон», «Мелюзга» и др.)

А. И. Куприн включает в текст новые слова и сочетания, углубляющие сказанное, показывающие, что в Наседкиных страшна не только их страсть к доносам, но и та нравственно-гражданская подоплека, которой они оправдывают свои поступки.

Черновой вариант

Ну, положим, я свою каплю добра несу на пользу общую, кого надо остерегу, предупрежу, стараюсь исправить их путь...

Ханжеская благочестивость героя, несовместимая с его «делами», оттеняется введением слов и сочетаний, подчеркивающих его усердие при выполнении церковных ритуалов.

Черновой вариант

Боже, милостив будь ко мне, грешному,— шептал он, умильно покачивая склоненной на бок головой...

...он с чувством прошептал, умильно покачивая головой: «Слезы блудницы и аз предлагаю».

И я тоже, и я, господи...— со смиренным унижением подумал Иван Вионорович.

Исправленный текст

Ну, положим, я свою каплю добра несу на пользу общую, кого надо остерегу, предупрежу, *открою глаза, наставляю на путь...*

Исправленный текст

...шептал он, умильно покачивая склоненной на бок головой и *крепко надавливая пальцем на лоб, на живот и плечи.*

...он *еще раз* с чувством прошептал, *растроганно* покачивая головой: «Слезы блудницы и аз предлагаю».

...со смиренным *самоунижением* подумал Иван Вионорович.

Одной из особенностей повествования А. И. Куприна (как и А. П. Чехова) является стремление автора остаться в тени, положиться на активность читательского восприятия, на объективную логику того, что происходит в жизни героя, поэтому он не комментирует, не оценивает и разъясняет изображаемое, а тщательнее работает над серией самих «записей» «для памяти» анонимщика, пополняет их новыми стержневыми словами, напо-

минающими и подсказывающими суть очередного доноса; заменяет собственное имя на нарицательное, что позволяет подчеркнуть семейное и социальное положение очередной жертвы доноса, усилить подтекст:

Черновой вариант

Не забыть о Сергее Платоновиче...

Семинарист Элладов. Ну, Вы, пожалуй, подождите, господин семинарист.

А Елена Никитична...

Исправленный текст

Не забыть о Сергее Платоновиче с нянькой.

Семинарист Элладов. Вы, пожалуй, подождите, господин либеральный семинарист.

Землемерша...

Автор включает в текст новые комментарии и «резюми» самого героя, говорящие о бюрократической четкости его «работы»:

Черновой вариант

Священник... Злотодеев (о. Никодим) на Святки упился. Танцевал и потерял крест.

Говорят, Куз. корреспондирует в какую-то газету.

Исправленный текст

Священник... Злотодеев (о. Никодим) на Святки упился. Танцевал и потерял крест. Довести до свед. Его Преосв. Исполнено. Вызван для объяснения 21 февр.

Говорят, Куз. корреспондирует в какую-то газету!
Узнать.

Иронизируя над многолетней практикой анонимщика, установившего, что «на купцов действовал слог высокий и витиеватый», на обманутых мужей и жен — другой, автор подчеркивает стремление героя писать разными стилями и подводит текст его писем к той квалификации стиля, которая «определена» героем в отношении адресата.

В доносах официального характера появляются новые книжные слова и сочетания, конкретизирующие общие понятия, а, по сути дела, придающие обвинению политический смысл.

Черновой вариант

Опимахов...побуждает... к разрушению добрых нравов, к возбуждению пагубных страстей, к низвержению авторитета властей.

Особа женского пола... не посещает храмов Божиих и, как бы глумясь над достоинством человека, ходит по улице с папиросками и с короткими, как бы у диакона, волосами...

В доносах частного характера очевидно стремление героя к нейтральности стиля и точности (констатации фактов), в которой зачастую скрывается и его легкая ирония.

Черновой вариант

...благоверного Вашего..., наверно, не будет дома.

Не имея высокой чести знать Вас лично...

...в тот же вечер отправляйтесь к прелестной Зое вечером неожиданно, чем, конечно, доставите ей приятное развлечение...

Автор не забывает сказать о внешних проявлениях душевного состояния злобствующего анонимщика и настойчиво работает над предложениями, в которых передаются его угрозы в адрес очередных жертв, дополняет их экспрессивными обращениями, восклицаниями, повторяющимися словами, в фонетически точной записи которых оттеняется и мелодика произношения:

Черновой вариант

Для всех правосудие! Вы думаете как: нашкодид и в ку-

Исправленный текст

...к разрушению добрых нравов, к возбуждению *политических* страстей, к низвержению авторитета власти.

...не посещает храмов Божиих и, точно глумясь над *христианскими чувствами публики*, ходит по улице с папиросками и с короткими, как у диакона, волосами...

Исправленный текст

...супруга Вашего..., наверно, не будет дома.

Не имея *отличного удовольствия* знать Вас *близко*...

...в тот же вечер *так часов, так около 9-ти нанесите прелестной Зое визит*, чем, конечно, доставите ей весьма приятный *сюрприз*.

Исправленный текст

Для всех *придет* правосудие, *для все-ех!*.. Вы думаете как!

сты. Не-ет, отцы мои. Есть над вашим безобразием зоркие глаза, они все видят.

Ну, это еще рано. Но не беспокойтесь, придет и ваша очередь.

С этой же целью писателем вставляются новые обстоятельственные слова, комментирующие действия героя, передающие его мимику, жесты:

Черновой вариант

— До всех доберемся, до всех, мои миленькие,— шептал он вслух по старческой привычке.

Номинальные правки авторского текста, как мы уже отмечали, нацелены на выявление доминирующих черт характеристик и описаний, что позволяет писателю представить картины и образы в нужном ему аспекте. В частности, Куприн много раз находит повод напомнить читателю о возрасте героя (старый, старческий), о его солидности (степенный), высоком мнении о себе (честный, добрый), но при подготовке рукописи к печати, он вновь дополняет текст, используя характерную многозначность слов.

Так, характеризуя почерк доносчика, Куприн не скупится на определения: «прекрасный писарский почерк», «круглый, без нажимов красивый», но, перечитав рукопись, он вставил еще одно определение — *равнодушный* (вместо *невзрачный*), и текст сразу стал объемным, зримым, обнажился человек-машина:

Черновой вариант

Почерк у него был круглый, без нажимов, красивый и невыразительный — такой, каким пишут военные писаря.

нашкодил и в кусты. Не-ет, драгоценные. Есть над вашим безобразием зоркие глаза, они, брат, все видят.

Ну, это еще рано. Но вы не беспокойтесь, придет и ваша очередь.

Исправленный текст

— До всех доберемся, до всех, мои миленькие, *кривя губы*, шептал он вслух по старческой привычке.

Исправленный текст

Почерк у него был круглый, без нажимов, красивый и *равнодушный* — такой, каким пишут военные писаря.

Мирную жизнь городка и «труды» «благочестивого героя» автор рисует на фоне церковных служб и звона колоколов, чем как бы подчеркивает противоречивость христианских чувств и «дел» мещанина.

Характерна в этом отношении позже написанная вставка и поправки в ней, внесенные А. И. Куприным.

Черновой вариант

Низкий одинокий удар колокола тягучей волной заколебался в воздухе... Иван Вионорович привстал, перекрестился.., но тотчас же сел и продолжал писать, несколько торопливее, чем раньше.

Слова *тяжелый, тяжело*, как символы, включаются в описание. Чувство тяжести, холода усиливается и другими, внесенными позднее, качественными словами:

Черновой вариант

Собор был полон таинственной черной тьмы.

Пахло ладаном, свечкой и гарью и еще той особенной сыростью древнего храма, которая всегда напоминает смерть.

Эта же тенденция — создание темно-серой гаммы — прослеживается при описании тяжести окружающей среды:

Черновой вариант

Широкая улица, вся исполованная мокрыми колеями.

Сугроб снега осел...покрылся сверху черным налетом.

Исправленный текст

Низкий одинокий удар колокола *тяжелой* волной *задрожал* в воздухе...

Исправленный текст

...Собор был полон таинственной, *тяжелой* тьмы.

Пахло ладаном, свечкой, гарью и еще той особенной *холодной, подвальной* сыростью древнего храма, которая всегда напоминает смерть.

Исправленный текст

...мокрыми *темными* колеями.

...покрылся сверху *серым* налетом.

...В голых ветках деревьев чувствовался могучий черно-зеленый тон.

...в голых ветках деревьев уже *смутно* чувствовался могучий *темно-зеленый* весенний тон.

Для усиления звукового впечатления, автор заменяет нейтральный глагол *звучал* просторечным *вякать*.

Черновой вариант

Исправленный текст

Ему отзывались другие колокольни: сипло, точно простуженный, звучал надтреснутый колокол у Никиты Мученика.

Ему отзывались другие колокольни: сипло, точно простуженный, *архиерейский бас*, *вякал* надтреснутый колокол у Никиты Мученика.

Аналогичны поправки, углубляющие намеченные автором характеристики, и объясняющиеся стремлением к реалистичности и объемности изображения.

Усиливается автором, например, и экспрессивная сторона описаний путем включения в текст слов, уточняющих степень признака.

Черновой вариант

Исправленный текст

[Шербачев] ...был крепок здоровьем.

...был *необычайно* крепок здоровьем.

[Он] стегал кнутом прекрасное тело жены, обратив его в кусок кровавого мяса.

Он стегал кнутом ее прекрасное тело, обратив его под конец в *сплошной* кусок кровавого мяса.

Шлифуя стиль произведения, автор заменял некоторые категорические утверждения, включая в текст неопределенное местоимение, сравнительный союз и т. д.

«Сильная натура молодой женщины *каким-то* чудом выжила» (вместо «просто выжила»). «Жена Шербачева *точно* отказалась от людей» (вместо *заперлась*).

Исправлял автор отдельные стилистические неточности, например, заменял повторяющиеся слова:

Черновой вариант

Хор замолчал и вслед за ним тотчас же замолкли невидимые хоры в углах и в куполе церкви.

Регент... тонким голосом, точно сообщая певчим какую-то нежную тайну, задал тон.

Исправленный текст

Певчие замолчали и вслед за ними тотчас же замолкли невидимые хоры в углах и в куполе церкви.

Регент... тонким голосом, точно сообщая *хору* какую-то тайну, задал тон.

Анализ текста, над которым А. И. Куприн работал в 1904 году, уже позволяет говорить о наличии специфически купринской манеры письма, сложившейся под влиянием того прекрасного, чему учился и продолжал учиться он у своих великих предшественников и современников.

Авторская правка показывает постоянное стремление писателя вместить огромный жизненный материал в наиболее сжатую по размерам и объемную по значению форму, ставшее в дальнейшем характерной чертой его творчества.

В. Н. АЙДАРОВА
Тбилиси

К молодым, начинающим писателям Чехов был неизменно участлив, внимателен и ласков. Никто от него не уходил подавленным его огромным талантом и собственной малозначительностью.

Заслуга его [А. П. Чехова] в том и заключается, что он, не переставая, учился языку, где только мог. И нельзя утверждать, что эта незримая работа давалась ему очень легко. Юношеские его рассказы далеко не свободны от южнорусских оборотов и речений, между тем как последние произведения изумительны по чистоте языка. Чеховские корректуры свидетельствуют наглядно о громадной, терпеливой обработке стиля. Впрочем, поглядите также и на рукописи Пушкина.

У Чехова еще долго будут учиться языку русские писатели.

А. И. Куприн

СОРУ
ИЗ
ИЗБЫ
НЕ
ВЫНОСИТЬ

Читатель из Ужгорода
И. П. Иванов спрашивает:
«Почему широкоизвестная
и широкоупотребляемая
поговорка
«Не выноси ссору из избы!»
всегда толкуется как совет
не выносить из избы сор,
мусор?
Ведь очевидно, что речь идет
не о соре, а ссоре,
иначе в конце концов вся
изба станет полной мусора.
Ссору же не выносят на люди,
чтоб не осудили».

Попытки объяснить нашу поговорку на основе слова *ссора*, а не *сор* известны давно. Некоторые популяризаторы русской фразеологии возводят ее к древнему княжескому указу, строгонастрого запрещавшему мужу и жене и вообще всем родственникам, живущим в одном доме, ругаться меж собой. Если кто-либо доносил о таком «погрешении», то на виновных налагался высокий денежный штраф. Поэтому якобы в старой Руси ссориться старались без лишнего шума, а самое главное — без свидетелей, «не вынося ссору из избы».

Существует и иное историческое толкование поговорки, опирающееся на поверье, существовавшее у русских крестьян. Его предложил В. И. Даль, возражая тем толкователям этого выражения, которые объявили его бессмыслицей лишь на том основании, «что нельзя же, хоть изредка, не выметать сору и хороша-де будет изба, коли из нее никогда сору не выносить». Приведем далевское толкование целиком уже потому, что оно ярко и исчерпывающе описывает бытовые детали крестьянской жизни, на основе которых эта поговорка могла сложиться: «У крестьян сор никогда не выносится и не выметается на улицу: это, через полуаршинные пороги, хлопотно, да притом сор стало бы разносить ветром и недобрый человек мог бы по сору, как по следу, или *по следку*, насрать порчу».

Сор сметается в кучку, под лавку, в печной или стряпной угол; а когда затапливают печь, то его сжигают. Когда свадебные гости, испытывая терпение невесты, заставляют ее мести избу и сорят вслед за нею, а она все опять подметает, то они приговаривают: «Мети, мети, да из избы не выноси, а сгребай под лавку да клади в печь, чтоб дымом вынесло» (В. Даль. Пословицы русского народа).

Это толкование было поддержано в прошлом веке известным этнографом, знатоком русских народных суеверий С. В. Максимовым и выдающимся языковедом А. А. Потебней. Последний в работе «Из лекций по теории словесности» на вопрос, почему сор нельзя выносить, отвечает так. Во-первых, без определенных приспособлений это сделать не так просто, ибо пороги в рубленых домах были весьма высоки. Во-вторых, по народным поверьям в мусоре как бы сохраняется частичка живущих в доме людей: она является их следом, а след отдает человека во власть других. Вот почему с точки зрения суеверных русских крестьян рекомендация «не выносить сору из избы» была весьма мудрым житейским правилом.

В дальнейшем это правило стало частью свадебного обряда и превратилось в поэтическую поговорку. На следующий день после свадьбы невесте устраивали различные испытания; ей говорили иронически: «Мети избу, да не выметай сора, а мы соберем толоку (т. е. соседей, знакомых, — В. М.) да разом и вывезем его». В этом обряде суеверный обычай уже превращается в наказ невесте: не посвящать в семейную жизнь посторонних, не открывать семейных тайн чужим.

*

Обратимся к фактам языка. Прежде всего, посмотрим, нет ли в русских народных говорах других вариантов на нашу поговорочную тему. Вот некоторые из них: *сор за порог не выносить* (омск.), *высорить сор из избы* «забыть, выбросить из головы, не думать о плохом, дурном» (горьк.), *все на улицу выносить* «разглашать домашние тайны» (горьк.). Особенно интересны те варианты, в которых *сор* заменяется другими словами: *Смеття из хаты не выноси* (курск.); *Хату мяги, а сметяте за ворота ни выбрасывай и Шумба за окно не выкидывай, а в печь; Не кидай шуму за порог* (смол.). Диалектные слова *смеття* и *шум* значат то же, что и *сор* «мусор». Наличие вариантов значительно повышает вероятность этнографического толкования поговорки: ведь в курской и смоленской поговорках звукового сходства слов *смеття* и *шум* со *сорой* уже нет.

Но может быть, перед нами — узколокальные диалектные варианты поговорки *не выносить сору из избы*, ее случайные ре-

чевые искажения? Отвергнуть такое сомнение позволяет материал славянских языков. В белорусском языке нашей поговорке соответствуют *выносіць смецце з хаты, выносіць смяццё з хаты* и *вынасіць мусар з хаты*; в украинском — *вносити сміття з хати*. В последнем известен и оборот *носити [свое] сміття під цію хату* «желать кому-нибудь зла». Белорусское *смецце* (*смяццё*) и украинское *смiття* значат «сор, мусор». Данные слова родственны польск. *Śmieci* и словацк. *smet'*. Характерно, что в этих языках мы тоже находим близкие по смыслу и форме пословицы и поговорки: польск. *Swoich śmieci na cudze śmietniki nie wunoś; Nie wunoś śmieci za próg; Brudy pierz w domu* (дословно «Своего сору на чужие мусорные кучи не выноси», «Не выноси сору за порог»; «Грязь стирай дома»); словацк. *kto by mi vymietol a smeti odniosol, dala by mu tol'ko, sobu neuniesol* («Кто бы вымет у меня в хате, и унес мусор, того бы я так поколотила, что он бы едва ноги унес»).

Показательно, что у славян, в языках которых существуют приведенные пословицы и поговорки, есть и поверья, очень близкие к русскому. Так, у поляков в ночь на праздник святого Штефана был обычай смецованя (*śmiecowanie*): парни ходили к девушкам «на смеце» (*śmiecie* — «сор, мусор»). «Прийти на мусор» значило показать девушке свое расположение. Дорожка от дома парня к дому девушки обычно посыпалась соломой, «замусоривалась». Если девушка ждала парня, она сразу же после полуночи начисто выметала пол и притворялась спящей. Не найдя мусора, выметенного девушкой, парень разбрасывал сор, принесенный им самим, и делал вид, что хочет его поджечь. Тогда девушка вскакивала с постели и быстро доставала бутылку водки — «залить» мусор. Парень же в свою очередь угощал своей водкой родителей и родственников девушки (Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники. М., 1973).

Древние обычаи, связанные с сором, помнят в наших сибирских деревнях. На Средней Оби, например, одним из элементов свадебного обряда является «сорить пол», то есть одаривать молодых деньгами. Но это не простое одаривание: гости действительно «сорят» на пол — бросают солому, деревянные чурки и прочий мусор, в котором есть и деньги. Невеста выметает сор, выбирая из него деньги, и отдает их своей будущей свекрови.

Показательно то, что в некоторых диалектных вариантах нашей поговорки, нередко превращающейся в пословицу, отражается более полное предостережение не выносить мусор: *Из избы сору не выноси, а под лавку копи — да в печь*. В говорах встречаются краткие образные выражения, почти порвавшие связь с суеверным обычаем. Так, иркутские *сор возить, сор ложить, сор бирать труху* значат «сплетничать».

Итак, связь поговорки *сору из избы не выносить* с суеверным обычаем сжигать мусор в печи не подлежит сомнению. Ее следы, например, сохраняются в одном из грамматических вариантов этой поговорки, который никак не может быть связан с «ссорой» — *сора из избы не выносить*.

Следы оживления первичного смысла поговорки можно встретить в языке современной печати, например: «В Горно-Алтайске не захотели выносить сор из избы. Веночком-веничком растолкали его по углам» («Литературная газета», 1975, № 56).

Такое употребление нашей поговорки свидетельствует о том, что древний смысл ее не забыт.

В. М. МОКИЕНКО

Рисунок С. Гавриловой

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

«У нас в коллективе зашел спор по поводу выражения *накрывать стол*. Некоторые утверждают, что правильнее писать и говорить *накрывать на стол*, — пишет Н. Смыкалов из г. Певека Магаданской области

Обе формы выражения равноценны.

«Меня заинтересовало слово *куратор*. Моя подруга занимает должность *инженера-куратора*. А ведь куратор — это студент-медик, наблюдающий за больными в клинике», — пишет москвичка Е. Евсеева.

Латинское слово *куратор* «заботящийся, не оставляющий без внимания» известно русскому языку с XIX века в значениях: «опекун над имением несостоятельного должника», «название попечителя университета», «студент, надзору которого вверяется больной». В последнее время значение слова *куратор* стало более широким: «лицо, которому поручено наблюдение за какой-либо работой».

РУССКОЕ УДАРЕНИЕ

Продолжение. См.: 1979, №№ 1—3

IV

Никто сегодня не станет, пожалуй, отрицать, что глаголы являются наиболее сложной для усвоения грамматической категорией слов. Это в полной мере относится и к глагольному ударению. Именно здесь мы ощутимо сталкиваемся со следами древних интонационно-акцентологических особенностей, значительным влиянием диалектов и неоднородным воздействием аналогии, что приводит к разнонаправленным тенденциям в развитии ударения у глаголов. В самом деле, если для форм инфинитива на *-ить* характерно историческое смещение ударения с корня ближе к концу слова (было: *удѣть, рыхлѣть, разоружѣть*, стало: *удѣть, рыхлѣть, разоружѣть*), то у многих форм настоящего времени наблюдается как раз противоположное развитие ударения (было: *варѣтъ, курѣтъ, дружитѣ*, стало: *варѣтъ, курѣтъ, дружитѣ*).

Трудности освоения глагольного ударения увеличиваются еще и в связи с тем, что указания некоторых нормативных пособий нередко слишком категоричны и резко расходятся с реальной речевой практикой. Например, «Словарь ударений для работников радио и телевидения» (М., 1967) рекомендует говорить только: *на́лил, отпи́л*. Статистика же свидетельствует об ином. В книге «Русский язык по данным массового обследования» (М., «Наука», 1974) указывается, что ударение *на́лил* (а не *на́лил*) является более распространенным: 70 процентов информантов из разных социально-профессиональных групп предпочло этот вариант. То же выяснилось и при обследовании речи студентов ЛГУ в 1974 году. Во фразе «Больной с трудом отпи́л из стакана» 204 человека высказались за *отпи́л* и лишь 37 — за *отпи́л*.

Такое расхождение между показаниями словаря и практикой, естественно, не является случайностью. Оказывается, тенденция переноса ударения в формах прошедшего времени с приставки на

корень (*на́лил*→*нали́л*, *прбжил*→*прожи́л*, *отдал*→*отда́л* и т. п.), проявившаяся уже в русском литературном языке XIX века, сейчас резко усилилась. Не только данные массового обследования, но и наблюдения над современным поэтическим творчеством (где в принципе дольше сохраняется литературная традиция) свидетельствуют о стремительном вхождении накоренного ударения в тех формах прошедшего времени, где прежде ударение падало только на приставку:

Дождь на́лил водицы за ночь...
Урожаю будет прок.

Ж а р о в. Варя Одинцова

Ты давно уже не знаешь,
Сколько лет в пути прожи́л,
И соседей вспоминаешь,
Как заправский старожил.

С и м о н о в. Вагон

Эта ярко выраженная тенденция к ударению на корне в приставочных формах прошедшего времени делает теперь сомнительным и строгое смысловое разграничение акцентных вариантов (для многих пособий характерно, например, такое указание: *проб́ил дверь*, но только *пробил час*). Современные поэты и во втором случае свободно применяют ударение на корне:

Черные дни миновали,
Час искупленья проб́ил.

Р а д и н. Смело, товарищи, в ногу!

Куранты медленно проб́или,
Проплыл ночной протяжный гул.

Д у д и н. Красная площадь

Хочешь знать, как все это было?
— Три в столовой проб́ило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила...

А х м а т о в а.

«Хочешь знать, как все это было?..»

Очевидно, современная акцентологическая норма не может в этих случаях быть слишком жесткой. Вспомним, что в XIX веке были широко распространены варианты с ударением на приставке (*на́звал*, *сб́рвал*, *прб́спал*), теперь окончательно утраченные литературным языком. Причем смягчение нормативных указаний и

признание накоренного ударения касается в особенности тех слов, у которых наблюдается стечение согласных звуков на стыке приставки и корня: *отпил* и *отпи́л*, *отплыл* и *отпи́л*. Кстати, ударение *отплыл* еще признавалось нормативным в академической «Грамматике русского языка» (т. I, М., 1953), сейчас же его вряд ли можно считать реальным фактом современной речи.

Акцентная норма инфинитива часто отражается на других глагольных формах, поэтому изучение ударения здесь особенно важно. Для форм инфинитива характерно главным образом историческое смещение ударения ближе к концу слова: *умалить* → *умалы́ть*, *загормозить* → *загормозы́ть*, *искриться* → *искри́ться*, *гнездиться* → *гнезды́ться*, *багробеть* → *багрове́ть*, *лилбеть* → *лилове́ть* и т. п. Однако это лишь самое обобщенное представление о развитии ударения в формах инфинитива и к тому же ограниченное кругом слов на *-ить*, *-иться*, *-веть*, где с особой силой действует фактор аналогии (дело в том, что большинство, например, глаголов па *-ить* имеет ударение на последнем слоге). Впрочем, среди таких глаголов наблюдается и сейчас конкуренция между традиционным ударением (*пригуби́ть*, *принуди́ть*, *приструни́ть*, *ржаве́ть*, *индеве́ть* и др.) и новым (*пригуби́ть*, *принуди́ть*, *приструни́ть*, *ржаве́ть*, *индеве́ть* и др.). Хотя большинство словарей и нормативных справочников и продолжает рекомендовать накоренное ударение (*пригуби́ть*, *ржаве́ть* и т. п.), сила формальной аналогии «грызет» старую норму. Современные поэты все охотнее пользуются новыми акцентными вариантами (*пригуби́ть*, *ржаве́ть* и т. п.):

Мы тогда бы вдаль отбили:
Точка. Точка. И тире...
«Стопки мы не пригуби́ли
На том праздничном столе!».

Винокуров.

«И тогда приходит старость...»

В забытом окопе, затянутом ныне
твоими наплывами, луг,
ржаве́ет засевший в зеленой дернине
оплавленный танковый люк.

Гордейчев. После боя

Однако главная сложность заключается отнюдь не в том, что между многими вариантами продолжается острая борьба за существование. Это общее и неотъемлемое свойство живого литературного языка. Оказывается, для некоторых глаголов (причем даже с формой инфинитива на *-ить*) характерно как бы встречное акцентологическое развитие, то есть историческое смещение уда-

рения на корень или ближе к корню: *удвоить* → *удвобить*, *уменьшить* → *уменьшить*, *продолжить* → *продблжить*, *ускорить* → *ускбрить*. Видимо, причинами оттяжки ударения в этих случаях послужили укрепление словообразовательных ассоциаций и влияние ударения в формах настоящего — будущего времени: *удвобю*, *удвобишь*; *ускбрю*, *ускбришь* и т. п. Некоторые исследователи полагают, что иногда не исключено и влияние диалектов или даже близкородственных языков (украинского и белорусского): *баловать* → *блловать*, *клеить* → *клéить*. Хотя и не все словари признают такое ударение литературным, оно все чаще встречается в живой речи и современной поэзии: *блловать*, *клéить*. Например:

А вспомнив, должен ты понять,
Что врозь или вдвоем
Всё можно склб́ить и спаять,
Покуда мы живем.

Борисова. Самаркандский базар

Примечательно, что при обследовании речи студентов ЛГУ в 1974 году большинство высказалось как раз за осуждаемый словарями вариант *блловать* (в заданной фразе «Нельзя блловать сына»: *блловать* — 195, *баловать* — 52).

Особенно заметно смещение ударения с последнего слога на третий от конца у глаголов на *-ировать*. Так, в словарях XIX века признавалось правильным: *абонировать*, *аккомпанировать*, *рецензировать* и т. п. Сейчас уже все говорят: *абонировать*, *аккомпанировать*, *рецензировать* и т. п. Причины этого исторического перемещения ударения до конца не установлены. Мнение о решающем воздействии произношения немецких глаголов с суффиксом *-ieren* может быть принято лишь с существенными оговорками. Во-первых, образование русских глаголов на *-ировать* шло разными путями, и, во-вторых, многие из тех слов, которые были действительно заимствованы непосредственно из немецкого языка, в период вхождения имели ударение, не свойственное языку-источнику. Здесь, видимо, следует учитывать и формальные признаки слова, то есть количество слогов. Как известно, у пяти-шестисложных слов ударение на крайних слогах весьма неустойчиво и часто перемещается ближе к центру слова. Примечательно, что и в этом случае оттяжка ударения с последнего слога на третий от конца коснулась в первую очередь многосложных глаголов: *аккомпанировать* → *аккомпанировать*, *балансировать* → *баланси́ровать* и т. п.

Но как бы то ни было, постепенно в сферу действия нового типа ударения включаются другие глаголы на *-ировать*, что, естественно, приводит к колебаниям и неустойчивости нормы. Дейст-

вительно, в наши дни можно услышать: *нормировать* и *нормировать*, *костюмировать* и *костюмировать*, *премировать* и *премировать*. Относительно таких вариантов нередко возникают горячие споры. Нужно сказать, что освоение нового ударения происходит неравномерно. Если уже трудно возражать против *нормировать* (ср. в производном слове *ненормированный*), то не следует спешить с окончательным признанием литературных прав за вариантом *премировать*. Опрос общественного мнения свидетельствует о предпочтительности традиционного *премировать*. Наблюдения над живой речью даже высококвалифицированных филологов показывают, что в условиях утраты самоконтроля новое ударение *премировать* является отнюдь не редким фактом. Поэтому можно полагать, что в будущем автоматизм живого говорения, воздействие аналогии и могучая сила привычки постепенно устранят эстетическую неполноценность нового ударения и в этом слове.

В научной и научно-популярной литературе уже неоднократно указывалось на последовательное и сравнительно быстрое изменение акцентологической нормы у глаголов IV продуктивного класса (на *-ить*) в формах настоящего — будущего времени. Сейчас кажется уже странным и даже неестественным произносить *варит*, *грузит*, *дружит*, *курит* и т. п. Между тем еще в начале нашего столетия некоторые ревнители чистоты русского языка считали такое ударение более правильным, чем обычное для нас *ва́рит*, *гру́жит*, *дру́жит*, *ку́рит* и т. п. В поэзии же первой половины XIX века господствовало наконецное ударение:

Иногда

Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит,
Или чиновник посетит,
Гуляя в лодке в воскресенье,
Пустынный остров.

Пушкин. Медный всадник

Вот ваши сестры — как хотят;
А ведь Ворон не жарят, не варят...

Крылов. Ворона и Курица

Сидят наездники беспечно,
Курят турецкий свой табак.

Лермонтов. Измаил-Бей

Не все исследователи единодушны в объяснении причин изменения ударения у глаголов на *-ить* и образования трех акцентологических типов: 1) с постоянным ударением на корне: *ва́рит*,

вѣрю, вѣришь; 2) с постоянным ударением на конечном гласном: *казнѣть, казнѣю, казнѣшь*; 3) с подвижным ударением: *варѣть, варѣю, вѣришь*. Однако спор идет главным образом о древних различиях в интонации гласного *и* и связанных с ними акцентологических преобразованиях. Что же касается бурного развития подвижного ударения, начавшегося во второй половине XIX века, то это явление справедливо связывают с усилением влияния южно-великорусских говоров (у носителей северных диалектов и сейчас еще можно услышать архаичное ударение: *косѣт сѣно* и т. п.). Впрочем, предпосылки данного акцентологического процесса заложены в самой системе литературного языка и связаны, видимо, с удобством разграничения грамматических значений посредством ударения. Ср.: *Вы кѣрите? Не курѣте! Вы грѣзите вещи? Грѣзите быстрее!*

С каждым десятилетием подвижное ударение у глаголов на *-ить* расширяет сферу своего действия и укрепляет позиции в отношении к литературной норме. Его принимают уже не только глаголы, свойственные обиходно-разговорной речи (*включѣит, ворѣбит, окѣтит*), но даже слова с длительной поэтической традицией. Словари еще рекомендуют *повторѣшь, повторѣт*, но в современной поэзии уже встречается вариант *повтѣрит*:

Твой памятник — восторженный мой стих.

Кто не рожден еще, его услышит.

И мир повтѣрит повесть дней твоих,

Когда умрут все те, кто ныне дышит.

М а р ш а к. «Тебе ль меня придется хоронить...»

Выло бы, однако, неверным считать, что продуктивное подвижное ударение получило всеобъемлющие права литературной нормы. Многие глаголы книжного характера устойчиво сохраняют окончное ударение: *водрузѣт, воскресѣт, отлучѣт, предопредѣлѣт, учредѣт* и т. п. Кроме того, для закрепления в качестве нормы даже весьма распространенного речевого факта необходимо социальное признание его эстетической полноценности. Характерным проявлением общественного вкуса в этом плане служит, например, отрицательное отношение современной интеллигенции (во всяком случае, ее большей части) к ударению *звѣнит, позвѣнит*. В весьма остроумной форме оно было выражено писателем Л. Раковским. Вот что он пишет: «Патриарх ТЮЗа А. А. Брянцев рассказал мне об одном телефонном разговоре. Ему позвонили из школы: — Вам звѣнит преподавательница... — Не верю! — прервал Александр Александрович и повесил трубку на рычаг. Через минуту снова звонок и снова: — Вам звѣнит преподавательница... — Не верю! — и трубка опять повешена. В третий раз звонок: — Товарищ Брянцев,

Вам звóнит преподавательница... Почему Вы не верите? — Не верю, чтобы преподаватель мог неправильно говорить — звóнит, — ответил в последний раз А. А. Брянцев» («Звезда», 1962, № 2).

Думается, что, несмотря на продуктивность и значительную распространенность ударения *звóнит* (*позвóнит*), направленное общественное внимание и растущий престиж грамотной (культурной) речи дают сейчас основание сохранять в качестве литературной нормы традиционное ударение *звонít* (*позвонít*).

В краткой беседе трудно не только рассказать о всех сложных случаях глагольного ударения, но даже перечислить их. Очевидно одно: поскольку система ударения у глаголов претерпевает существенные изменения (причем акцентологическое развитие имеет разнонаправленный характер у различных слов и форм), поиски норм сопряжены здесь с особыми трудностями и предполагают необходимость постоянного обращения к авторитетным современным справочникам.

К. С. ГОРБАЧЕВИЧ
Ленинград

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Москвич А. Р. Палей пишет: «Лишние слова, ненужные для смысла, не только засоряют речь, они еще заразительны...

Совсем недавно кто-то невзначай обмолвился: «по счету». И пошло-поехало! То и дело в газетах: третий по счету дом на этой улице... Помножьте одно только «по счету» на миллион экземпляров центральной газеты: сколько лишних деревьев для него надо вырубить!».

Деревья жалко. Действительно, «по счету» часто употребляется не к месту, например: «Он в очереди по счету пятый». Но в случае, рассматриваемом читателем, «по счету» — нужное сочетание. Если мы его уберем, то одни люди будут отсчитывать третий дом, другие — искать дом с номером 3.

Отвечает

НОМЕРНОЙ — НУМЕРАЦИЯ, НОЛЬ — НУЛЬ

«Почему в прилагательном *номерной* мы произносим и пишем *о*, а в существительном *нумерация* — *у*? В каких случаях нужно говорить *ноль*, а в каких *нуль*?». Эти вопросы на первый взгляд касаются разных слов, однако в действительности они отражают одно и то же явление — наличие в языке так называемых фонематических вариантов. Существительные *номер* — *номер* и *ноль* — *нуль* так называют потому, что, совпадая во всех своих признаках, они различаются лишь фонемами, в данном случае — гласными *о* и *у* под ударением.

Номер — *номер*. Данное существительное появилось в русском языке в форме *ну-*

мер; по происхождению оно восходит к латинскому *numerus* — число. Однако произношение этого слова подверглось изменению — появился вариант *номер*. Уже в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1804) отмечено двойное произношение и написание: *номер* и *номер*. На протяжении XIX века (особенно в первой половине) соперничество между вариантами охватывает все значения слова. В этот период они одинаково нормативны и легко взаимозаменяемы, о чем говорит, например, их параллельное употребление одним и тем же писателем. У Пушкина: «Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17-м номере...» (Пиковая дама); «На другой день Чарский в темном и нечистом коридоре трактира отыскивал 35-й номер» (Египетские ночи).

Начиная примерно с середины прошлого столетия более новый вариант *номер* постепенно вытесняет традиционную форму *номер* из употребления: «И что если бы еще должны мы были уважать мнения Булгарина, Полевого, Надеждина? приходилось бы стреляться после каждого номера их журналов» (Пушкин. Письмо М. П. Погодину, 11 июля 1832); «Я вчера получил октябрьский номер — и, разумеется, тотчас прочел „Семейный суд“...» (Тургенев. Письмо М. Е. Салтыкову-

Щедрина, 28 октября 1875). Показательно, что уже в Словаре 1847 года данное существительное зафиксировано в форме *номер*, а в Толковом словаре В. И. Даля этот вариант отмечается как основной. Но, по-видимому, не во всех значениях устаревание традиционного варианта проходило равномерно. Например, в 1914 году В. И. Чернышев в книге «Правильность и чистота русской речи» указывал на различие в значениях вариантов: *номер* — выпуск журнала, *номер* — комната в гостинице. Однако уже в конце XIX века форма *номер* и во втором значении постепенно становится преобладающей:

«Жил я на песках, в меблированных комнатах, в номере десятом. Там все мы у хозяев и у прислуги значились под номерами, и даже сами так к этому привыкли, что и друг друга заочно называли не именами и фамилиями, а номерами комнат» (Куприн. Наташка, 1897). Автор известного «Опыта словаря неправильностей в русской разговорной речи» (Одесса, 1886) В. Долпчев, приводя наименования для неправильных, по его мнению, образований *номерант* и *номерантка*, также использует вариант *номер*: «*Номерантка* — номерная горничная (в гостинице при номерах). *Номерант* — номерной (лакей в гостинице при номерах)».

В современном русском ли-

тературном языке *номер* — устаревшая форма существительного во всех его значениях. Однако встретиться с подобным написанием и произношением можно не только в литературе относительно недавнего прошлого, но и в современном литературном языке, в частности в словах с основой *номер*. Одно из таких слов — *нумерация*; оно восходит к латинскому *numeratio* — счисление (от *numero* — считаю) и до сих пор устойчиво сохраняет свою первоначальную форму. Из латинского языка пришло и существительное *нумератор* (*numerator* — счетчик). Латинская основа представлена также в глаголе *нумеровать* и производных от него словах: *нумеровальный* (например, *нумеровальный аппарат*), *нумеровка*, *нумеровщик*. Правда, еще В. И. Даль указывал на возможность варьирования формы этого глагола: *нумеровать* и *номеровать*.

Допускают колебания и современные словари. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах наряду с *нумеровать*, *нумеровка* представлены *номеровать*, *номеровка*. Замена гласной в этих словах объясняется устареванием формы *номер* в самостоятельном употреблении. Прилагательное *номерной* образовано в русском языке от *номер*. Вполне естественно, что и при образова-

нии новых слов существительное *номер* также используется в этой форме: *номерабира-тель*.

Таким образом, различие в произношении и написании слов с основой *номер- нумер* имеет свои исторические причины и не противоречит нормам современного литературного словоупотребления.

Ноль — нуль. В отличие от вариантов *номер — нумер* слова *ноль* и *нуль* в одинаковой степени употребительны в современной литературной речи, хотя чаще используются в разных ее стилистических разновидностях или имеют фразеологическую закреплённость (то есть выступают в разных устойчивых словосочетаниях).

Ноль (от латинского *nullus* — никакой) употребляется в терминологии точных наук: *абсолютный ноль*, *нуль функции*, *нуль глубин*, *нуль-индикатор*, *нуль-пункт*. Эта форма преимущественно используется и в температурных обозначениях (*нуль градусов*, *ниже нуля*), хотя в обиходно-разговорной речи в подобных сочетаниях допустимо употребление варианта *ноль*. Применительно же ко времени суток, напротив, единственно нормативной формой является *ноль*: *ноль часов*, (*десять*) *ноль-ноль*, *ноль минут*.

Варианты *ноль* и *нуль* «распределены» в языке по разным устойчивым словосочета-

ниям (фразеологизмам): *ноль целых*, *ноль внимания*, *ноль без палочки*; *свести к нулю*, *довести до нуля*, *начать с нуля*, *равно нулю*. Как видно из приведенных примеров, *ноль* чаще используется в оборотах с отчетливо выраженной сниженной стилистической окраской, обычно употребляемых в разговорной речи.

В некоторых значениях и сочетаниях допустимы оба варианта, например при обозначении цифрового знака «0», но и здесь в строгой терминованной речи предпочтение следует отдавать форме *нуль*. Определённое преимущество имеет этот вариант перед формой *ноль* и при употреблении слова в переносных значениях — «что-либо бесконечно малое» и — «ничтожный, не имеющий никакого значения человек»: «Мы почитаем всех нулями, А единицами — себя» (Пушкин. Евгений Онегин). Однако традиционно в этих значениях употребляется и вариант *ноль*: «Я давно уже знаю и давно говорю, что я ноль: с другими числами могу что-нибудь значить, один — ничего» (Вяземский. Письмо А. Тургеневу, 29 октября 1817). Наблюдаются колебания и в сочетании данного существительного со словами *стричь*, *стрижка*: *стрижка под нуль* и *под ноль*. Однако в целом, как мы видим, варианты *ноль* и *нуль* в современном русском литературном языке

имеют достаточно отчетливую и сочетаемостную закрепленность.

Производные слова образуются преимущественно от варианта *нуль*, что вполне естественно. Многие из этих слов сами являются терминами или входят в словосочетания терминологического характера: *нулевой меридиан, нулевой цикл, нулевая температура*. Основа *нуль*- представлена и в существительном *нуллификация* (от латинских *nullus* — никакой и *facio* — делаю). Не-

редко основа *нуль*- встречается и в тех производных словах, которые по употреблению соотносительны с *ноль*: *счет ноль-ноль, но нулевая ничья*.

Более подробно о вариантах *ноль* — *нуль*, *номер* — *номер* читатели могут узнать, познакомившись с заметками Н. И. Тарабасовой «Ноль и нуль», «Номер и номер», опубликованными в сборнике «Вопросы культуры речи» (вып. 1 и 2. М., 1955 и 1959).

С. И. ВИНОГРАДОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

М. Г. Колодина из г. Азова Ростовской области спрашивает: «Как склоняются сложные слова *запрос-заявка, наряд-заказ*?».

Сложносоставные слова, с тесно слившимися частями, склоняются только во второй части: *в запрос-заявке, в наряд-заказе*.

«Как писать и говорить: *санаторская школа, вещь, санаторские учителя, ученики* и т. д. или *санаторная (-ые)*?» — спрашивает Р. В. Дюсметова из села Горка Нуримановского района Башкирской АССР.

Слово *санаторский* обычно относится к людям, которые живут и работают в санатории; словом *санаторный* называют то, что присуще, принадлежит санаторию.

Следует писать и говорить: *санаторная школа, вещь; санаторские учителя, ученики*.

На орбите космической и языковой

Как известно, язык — явление социальное: это средство общения всех людей, всех народов. Но насколько социален сам язык, насколько социально каждое его слово — над этим мы не всегда задумываемся. А между тем наша жизнь постоянно отражается в слове. Возьмем одно, но яркое явление нашей жизни — изучение и покорение космоса.

Как бы подталкиваемый неязыковыми событиями растет словообразовательный ряд с корнем *стык-*: *стыковать* — *стыковать* —

ся — стык — стыковка — пристыковка — отстыковка... Смысловое развитие слов *стык — стыковка* представляет интересную цепь взаимовлияний. Космический термин *стыковка* вышел в широкую печать во второй половине 60-х годов нашего века: «Стыковка кораблей на орбите Земли» («Комсомольская правда», 11 февраля 1966). Однако вскоре сфера функционирования глагола *стыковаться*, термина *стыковка* и их производных (как в прямом, так и в переносном, образном употреблении) расширяется, становится почти безграничной:

«...В воскресенье произведут стыковку большого коллектора подземных коммуникаций» («Вечерняя Москва», 23 октября 1971); «...Водяной пояс, который двумя концами стыкуется с рекой» («Вечерняя Москва», 30 июля 1974); «...Сцены снов... не стыкуются с остальной довольно прозаической тканью киноповествования» («Известия», 1 марта 1972); «По мере того как идет, как движется фильм... обнаруживается некая, что ли нестыкованность событий производственного ряда с событиями личного плана» («Советский экран», 1973, № 1); «Двенадцать стыкованных фильмов... Состыковавшись в одном московском кинозале в те июньские дни, когда мир следил за иной стыковкой, там, в космосе... дали почувствовать состояние кинематографа и общества, из которого пришли» («Советский экран», 1975, № 20). Космический «отблеск» сообщает словам *стыковаться — стыковка* и др. определенную образность и выразительность; этим объясняется их широкое переносное употребление.

В сентябре 1978 года было опубликовано сообщение «Перестыковка на орбите»: «Центр управления полетом. 7 сентября (ТАСС). В соответствии с программой полета орбитального научно-исследовательского комплекса „Салют-6“ и „Союз-31“ сегодня осуществлен технический эксперимент по перестыковке космического корабля „Союз-31“» («Правда», 8 сентября 1978). В речевой обиход входит сочетание *перестыковка корабля* и синонимичные ему, но уже более «земные» выражения *перестройка на орбите*, *перестройка орбитального комплекса*. Терминологический неологизм *перестыковка* дал жизнь синониму *перестройка*. Это слово — обычное в земных ситуациях, напоминающих действия, которые совершались в орбитальном комплексе. Смысловая замена *перестыковка — перестройка* связала космическую ситуацию с земной, позволила более наглядно, привычно представить впервые совершенный эксперимент. Описания и пояснения космических опытов, жизни и работы космонавтов переносят «земной» лексикон в новую — космическую — среду.

Повторение эксперимента создает терминологические сочетания *повторная стыковка*, *периодические пристыковки*. Возникают

и новые образные сравнения. Операция на орбите сравнивается с *переформированием, перестройкой поезда*, но уже *космического поезда*: «Владимир Коваленок и Александр Иванченков осуществили перестройку космического поезда „Салют-6“ — „Союз-31“» («Вечерняя Москва», 8 сентября 1978).

Наблюдается интересное скрещение сочетаний *космический поезд* и *космический корабль*: космический поезд состоит из кораблей. Первое наименование, созданное еще К. Э. Циолковским, функционирует в современном космическом речевом обороте как образное имя; второе — общепринятый термин. Слово *корабль* не допускает сочетания с глаголами *ехать — ездить, лететь — летать*. Корабль *движется, идет, выходит, проходит, подходит, отходит*; слово *корабль* выводит в космический оборот свое привычное словесное окружение — *причалить, отчалить, причал, швартоваться*. Ср.: «„Дельта“ начнет отмечать еще и координаты... того места, над которым в этот миг пролетает комплекс» («Комсомольская правда», 12 июня 1979).

Глаголы *причалить-отчалить* синонимичны собственно космическим терминам *пристыковаться — отстыковаться*: «На корабле они отчалили от станции и после автономного полета снова пристыковались к ней, но уже с противоположной стороны» («Вечерняя Москва», 8 сентября 1978). Сохраняет свое значение — прикрепляться к причальным приспособлениям — и «морской» глагол *швартоваться*: «Ведь любая стыковка... имеет свои индивидуальные особенности — по условиям освещенности, по параметрам орбиты, по тому, к какому узлу станции швартуется корабль» («Правда», 24 марта 1979).

Однако *космический корабль* все же особый корабль: его не ведет капитан, а пилотирует летчик-космонавт. Отсюда, вероятно, и двойные ассоциативные связи слов *плыть* и *лететь*, обозначающих вместе с обобщенным глаголом *двигаться* — «перемещения в невесомости самих космонавтов»: *легишь к столу* в помещении „Салют-6“ («Правда», 1 июня 1979); «в космический дом *вплывает* Валерий Рюмин» («Известия», 27 февраля 1979).

Слово *корабль* позволило и такие синонимические замещения. Когда в космос был выведен корабль особого транспортного назначения «Прогресс-1», то тут же возникли обычные «земные» замены: *транспортный корабль — грузовой корабль — грузовик — танкер*.

В газетных и радиотехнических информациях, рассчитанных на самую широкую аудиторию, оказываются необходимыми терминологические выражения: *задействовать, задействованный* — *пустить, привести в действие, приведенный в действие*. Здесь выделяется не только значение «начало действия», но и «совершен-

ность действия» (ср.: *зашишь, заделай*). Таково осмысление и глагола *задублировать*: «Еще во время создания установки, как и положено в космической технике, конструкторы схему задублировали. Станция способна эффективно функционировать, если из трех баков будет работать два или даже один» («Правда», 17 марта 1979).

Интересна вышедшая в массовую «космическую» информацию осмыслимость слов *надежно, нормально, штатно*. *Надежно* — крепко, прочно; это очень важная в космических экспериментах характеристика — «не подведет, есть гарантия, работает с гарантией»: «[Тренажер] действовал надежно» («Правда», 15 марта 1979). Закрепляет свои позиции в оценочной функции слово *норма* и его производные *нормальный, нормально*: «...все спокойно, все нормально» («Правда», 15 апреля 1979). В *норме, нормальное функционирование, функционируют нормально* — эти слова были особо выделены как наиболее точные по смыслу для характеристики состояния космонавтов, их действий и работы в одной из телепередач, посвященных космосу («Время», 4 мая 1979). Стремление выразить запланированность действий, состояний, новые решения обусловило выход за пределы специальной речи слов *штатный, штатно* — *нештатный, нештатно*: *штатный режим; маневр идет штатно, все идет штатно; штатные и вновь созданные радиотехнические средства; различные «нештатные» ситуации* («Правда» 23 января 1978; «Комсомольская правда», 25 марта 1979; «Правда», 25 марта 1979; «Правда», 13 апреля 1979).

И еще один новый синонимический ряд не может не привлечь наше внимание — *рутинный* — *заурядный*: «— Можно ли считать, что работа с „Прогрессами“ [транспортными космическими кораблями] стала рутинным делом?...— Рано относиться к этому событию как к заурядному делу» («Комсомольская правда», 15 марта 1979). Слово *рутина* в значении «установившийся обычай, порядок» воспринимается в современном русском языке как устарелое, Основное же значение производного прилагательного *рутинный* — «отсталый, косный» — восходит ко второму общепринятому значению существительного *рутина* — рабское следование заведенному шаблону, боязнь нового; консерватизм. В 60-е годы перевод английского слова *routine* — установленный режим, порядок в работе, заурядность — расценивался как ошибка. Вот анализ такого перевода: «Замечание об установленном режиме, порядке работы (*routine*), сделанное героем рассказа Р. Бредбери, космонавтом по профессии..., превращается в переводе в приписывание этим [космическим] полетам консерватизма и косности: — Скажи, как там в космосе?.. — Да нет, ничего особенного. Рутин» (Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика».

М., 1969, с. 374—375). Однако соприкосновение с англо-американской космической терминологией пробуждает устарелое для современного русского языка значение *ругина* — установившийся порядок, отсюда *ругинный* — обычный, заурядный.

В космический обиход все более настойчиво и определенно входят слова и словосочетания, обычные в «земном» общении: *космическая командировка, космические будни, рабочий день на космической станции, день активного отдыха, день инвентаризации, медицинские дни, в ходе дня* (в течение рабочего периода на орбите). Особую образность получают «земные» слова в сочетании с «космическими»: *орбитальный дом, долгожитель космоса, обживать орбиту, сделано на орбите.*

Так неязыковые — социальные, жизненные — причины порождают определенные языковые движения, смысловые обогащения отдельных слов и новые словосочетания.

■

Присмотримся теперь к самому процессу словотворчества, созданию новых наименований. С одной стороны, как мы могли заметить, даются названия-обобщения, которые отмечают общий родовый признак предмета или явления: *комплекс, станция, аппарат, установка, модуль, отсек, емкость (емкости), объемы, узел, соединение, действие, движение, касание (есть касание — при стыковке кораблей), покидание (метод покидания станции)...* С другой стороны, наблюдается прямо противоположный процесс — уточнение, дифференциация, сужение значений и образование видовых наименований с помощью определений: *космическая научно-исследовательская станция, переходный отсек, жилой отсек, рабочий отсек, бытовой отсек, стыковочный узел, разъемные соединения, чистая невесомость, в хорошей физической и рабочей форме (ср.: быть в форме), объединенная двигательная установка, душевая установка, специальная емкость, емкость корабля, резервные объемы, регулирующие аппараты, контролирующие аппараты, исполняющие аппараты, спускаемый аппарат, возвращаемый аппарат.*

Наименования, состоящие из определений и определяемых, обусловили рождение различных сокращений: *мехзахват* — механический захват (при стыковке кораблей), *матобеспечение* — материальное обеспечение, *ОДУ* — объединенная двигательная установка, *ЦУП* — центр управления полетом.

Старые слова или словосочетания могут служить моделью, образцом и «строительным материалом» для создания новых наименований. 24 марта 1979 года впервые орбитальный научно-иссле-

довательский комплекс не только вел телепередачи с орбиты, но и принимал телевизионное изображение с Земли на орбиту, на орбитальную станцию. На экранах телевизоров появился окказионализм *телецуповидение* — телевидение центрального управления полетом. Тут же возникли новые актуальные наименования: *космическое телевидение* — *космовидение* — *космическое землевидение*. Появились и образные синонимы: *телевизионный мост*, *телемост «Земля — орбита»* (Телепрограмма «Время», 24 марта 1979; «Правда», 25 марта, 27 марта, 10 апреля 1979).

Слова с общим родовым значением обычно выбирают для первоначального наименования нового предмета или явления. Реальная действительность определяет характер и дифференцирует их впоследствии: *парашют — основной, тормозной, (парашют) увода*; *комплекс — космический научно-исследовательский, «наземный» командно-измерительный, поисково-спасательный*; *экипаж — международный космический, (экипаж) посещения*.

Как можно заметить, новые наименования — это не всегда новые слова в буквальном смысле, как, например, *космонавт* или *лунноход*. И старые слова способны наполняться новым содержанием, по-новому проявлять свое значение. В развивающейся многозначности слова отражаются целые эпохи. *Звездный* — относящийся к звезде, звездам; это прямое значение относительного прилагательного получает в наше время переносные осмысления: *звездные братья* — космонавты, совершившие совместный полет в космосе; *Звездный городок* — городок космонавтов. Переносные употребления слова базируются на его основном значении: *звездный свет* — *звездный час* (счастливейший час) — *звездные братья*.

Шагают дети матери одной,

Богатыри советского народа,

Герои звездной жатвы и земной,—

это строки из стихотворения Раима Фархади «В тот миг у Байконура...» («Известия», 6 ноября 1978). Ассоциативные и синонимические связи слов отражают представления, сложившиеся и складывающиеся в процессе нашей жизни, нашей истории или текущих дней: *жатва* — это урожай, плоды работы, труда, любой деятельности («что посеешь, то пожнешь» — гласит старая пословица); *земной* — относящийся к Земле-планете и земле-полю; *звездный* — теперь это слово значит не только «относящийся к звездам», но и значительно шире — «относящийся к космосу». Сохраняется и приподнятость, свойственная переносному образному значению слова *звездный* в сочетании *звездный час*.

Связь между словами, смысловую аналогию может осуществить не только словообразующий корень, но и суффикс. Сравним ряд *аргонавт — космонавт*. *Аргонавты* — античные герои, отправив-

пиеся в неизвестные страны. Общая часть слов *аргонавт* — *космонавт* хранит это значение. Первая же часть неологизма *космо-*специализирует наименование — «отправившиеся в космос». Обратим внимание на то, что между старым словом *аргонавт* и неологизмом *космонавт* существовало зафиксированное словарями, ныне устаревшее слово *стратонавт* — воздухоплаватель, совершавший полеты на стратостате: «Отважным стратонавтам... В республиканском краеведческом музее открыта экспозиция, посвященная героям покорения стратосферы» («Известия», 30 января 1974). Тем самым эта словообразовательная модель связывалась с героями-летчиками, героями-первооткрывателями и, естественно, была использована в слове *космонавт*.

В новых наименованиях можно обнаружить и особый тип слов, сложенных из частей разных слов: «Водоворот космизации стремительно ширится... Идет разработка и совершенствование „космического языка“ — линкоса» («Вокруг света», 1971, № 3). Слово *линкос* составлено из *лин-* от латинского *lingua* (лингва) — язык и *кос-* — от *космос*. Каждая из частей сохраняет значение целого «язык космоса — космический язык». Но, может быть, самое интересное явление в словообразовании — это углубление значения старого слова: *корабль, экипаж, комплекс, звездный*.

Жизнь слова, как мы стремились показать, зависит от его социального осмысления и способности воспринимать новое содержание, развивать на основе старого новые употребления и значения. Тем самым жизнь языка неразрывно связана с жизнью человека, народа, общества, с уровнем науки, техники, культуры. Значение слова — это отражение нашей жизни. Только не всегда подобное отражение прозрачно, не всегда ощущается непосредственно, без специального анализа. Связь слова и времени порождает своеобразную летопись нашей истории и наших дней, хранимую в значении самого же слова. Вот почему определение «язык социален» имеет такой глубокий смысл.

А. А. БРАГИНА

Рисунок В. Толстоногова

НАРЯДУ С ИМЕНЕМ

В художественной литературе и публицистике собственные имена могут выполнять определенную стилистическую задачу, служить выразительным средством. Так, в художественных произведениях употребляются имена-характеристики (Скотинин, Иудушка), иногда намеренно подчеркивается нарицательное значение собственного имени (*Карамазов* — Черномазов, от тюркского *кара* — черный). Личные имена часто заменяются описательным оборотом — перифразом. В этом обороте подчеркивается какой-либо признак, который принадлежит только данному лицу. Перифразы могут быть настолько яркими и точными, что становятся широко распространенными, и употребляются наряду с собственными именами.

Некоторые из таких выражений принадлежат определенным авторам. Например, известное изречение *солнце русской поэзии* (об А. С. Пуш-

кине) впервые было употреблено В. Ф. Одоевским 30 января 1837 года. Вот как об этом пишет А. А. Сурков: «...В одном из небогатых дворянских домов Москвы родился человек, которому история отвела почетное место родоначальника новой русской литературы, которого младший современник и друг поэта назвал солнцем русской поэзии...» («Правда», 5 июля 1974); «Солнцу русской поэзии» — так озаглавлено интервью И. Андроникова «Литературной газете» (28 мая 1975).

М. Горькому принадлежит выражение *Гомер XX века*, которым он назвал дагестанского поэта Сулеймана Стальского: «Чудесно назвал А. М. Горький ашуга Сулеймана. „Гомер XX века“, — сказал он в своем заключительном слове...» (К. Федин. К 40-летию I Всесоюзного съезда советских писателей. — «Литературная газета», 14 августа 1974). Наблюдения над употреблением обо-

рота *самый человеческий человек* из поэмы В. Маяковского „Владимир Ильич Ленин“ показывают, что он все больше и больше становится независимым от контекста. Это выражение каждый отнесет только к великому В. И. Ленину: «Его [Бонч-Бруевича] воспоминания о В. И. Ленине — бесценный историко-литературный документ. Они написаны так просто, так проникновенно, что у читателя создается впечатление личного участия во всех событиях, о которых идет речь, впечатление личного общения с „самым человеческим человеком“» («Неделя», 1973, № 27).

По способу образования, синтаксической структуре рассматриваемые описательные обороты представляют собой сочетание существительного с согласованным или несогласованным определением. Главным, опорным словом может быть имя хорошо известного, знаменитого человека, в один ряд с которым по какому-либо общему для них признаку ставится обозначаемое данным перифразом лицо: *Гомер XX века* — С. Стальский, *польский Пушкин* — Адам Мицкевич. «Я знаю переводы Берга, но не знаю стихотворений Мицкевича. Когда-то я думал, что знаю этого „польского Пушкина“: я читал переводы

Берга» (В. Дорошевич. Инфлюэнца).

Чаще же опорным словом является нарицательное существительное. В этой функции в некоторых группах оборотов используется слово *отец*. С помощью данного слова образованы описательные обороты, которые обозначают основателей, родоначальников направлений в науке, технике, литературе и т. д. Приведем примеры. *Отец русской науки* — М. В. Ломоносов: «Дальнейшие поиски окончательно определили все этапы необычной судьбы библиотеки отца русской науки» («Известия», 2 ноября 1972); *отец русской авиации* — Н. Е. Жуковский: «На владимирской земле, в деревне Орехово, жил и работал „отец русской авиации“ Н. Е. Жуковский» («Правда», 26 ноября 1973); *отец истории* — Геродот; *отец медицины* — Гиппократ; *отец трагедии* — Эсхил; *отец комедии* — Аристофан.

Сюда же следует отнести образования, которые еще не получили широкого распространения, но употребляются для обозначения только данных лиц. *Отец русской агрохимии* — Д. Н. Прянишников: «Состоялось открытие памятника отцу русской агрохимии» («Правда», 15 августа 1973); *отец кибернетики* — Норберт

Винер: «„Отец кибернетики“ Норберт Винер высказал однажды мысль, что люди играют в шахматы только потому, что точно не знают, как в них правильно играть» («Литературная газета», 6 августа 1975).

Известны перифразы, каждый из которых имеет свое, не повторяющееся в других оборотах опорное слово. Таковы, например, сочетания *рыцарь революции* — Ф. Э. Дзержинский: «Мы говорим — „чекист“, и перед нашим взором возникает образ железного рыцаря революции Феликса Дзержинского» («Известия», 5 февраля 1976); *буревестник революции* — А. М. Горький: «Тбилисцы свято чтут память о великом писателе М. Горьком. Свидетельство тому — открытый тут памятник буревестнику революции» («Правда», 29 апреля 1974).

Через описательные наименования выражается отношение к людям, известным своей деятельностью в той или иной области — государственной, общественной, научной, литературной и т. д. Поэтому такие средства выражения придают обозначаемому лицу положительную оценку: *солнце русской поэзии*, *буревестник революции*, *рыцарь революции*.

От рассматриваемых периф-

разов следует отличать сочетания, состоящие из собственного имени человека и присвоенного официально или неофициально определения-эпитета. Между ними есть сходство: те и другие несут оценочную функцию в сфере личных собственных имен. Например: *Петр Великий* — Петр I, *Алексей Михайлович Тишайший* — русский царь Алексей Михайлович, *Александр Великий* — Александр Македонский, *Филипп Красивый* — французский король Филипп IV, *Август Сильный* — польский король и курфюрст Саксонский Август III. Приведенные образования все-таки не описательные обороты в полном смысле этого слова; в них определение-эпитет может стать как бы фамилией при имени (а может и не стать, например: *кеистовый Виссарий* — В. Г. Белинский), но в отличие от настоящих фамилий не переходит по наследству.

Перифразы со значением определенного лица чаще всего употребляются в публицистике. Требования газетных жанров вызывают к жизни и индивидуально-авторские сочетания, которые создаются по образцу сложившихся в русском языке описательных оборотов.

Н. Ф. ШУМИЛОВ

ТЕРМИН В ГАЗЕТЕ

Среди многих вопросов, которые разрабатывают языковеды по проблемам культуры русской речи, особое место занимает терминологическое (и нетерминологическое) словоупотребление. Журнал «Русская речь» публикует такие материалы регулярно.

В предлагаемой статье освещается одна из сторон этой проблемы — проникновение специализированных терминов в общее, литературное употребление через газету и те трудности, которые на этом пути встречаются.

Газетные тексты не могут обойтись без использования терминов и профессионализмов. Этому способствует само назначение газеты — оперативно отзываться на важнейшие события в развитии промышленности и сельского хозяйства, науки, культуры и искусства. Когда автор газетного текста (в любом жанре) использует термины, он облегчает себе задачу в выборе слов, что обеспечивает ему точную передачу мысли, способствует конкретности разговора (или сообщения). Одна-

ко всегда ли насыщение газетных текстов терминами достигает цели?

Основная авторская задача в газете не просто оперативно и правильно осветить взятую тему, но и привлечь внимание массового читателя к затронутым в публикации вопросам. Термин в газетном тексте должен быть понятен читателю, содержательно раскрыт. И надо признать, что большинство терминов в газете этим требованиям отвечает.

Общепонятную терминологическую лексику в газетных текстах составляют прежде всего те специализированные слова, которые утвердились в общелитературном употреблении; часто они не получают в толковых словарях литературного языка никаких помет: *бульдозер, зародыш, операция, рефлекс, снегоочиститель, траулер* и под. Не требуют специального истолкования и такие термины, смысл которых

ясеи из-за прозрачного словообразовательного строения: *высев* (злаков, семян), *глубокоснежье*, *деревообработка* — *деревообработчик*, *древесностружечные плиты*, *заиление* (реки), *кормность угодий*, *кормозаготовительные бригады*, *маловодья* (рек, морей), *плодожорка*, *разнотравье* и др. Сюда же примыкает группа терминов-приложений: *машина-автомат*, *машина-двигатель*, *машина-мостокладчик*, *машина-снегокат*, *машина-укладчик*, *навоз-сыпец*, *пруд-накопитель* (навозной жижи в животноводстве) и т. д.

Термин в газете становится понятным и тогда, когда он возник путем метафорического преобразования. Многие из таких терминов содержат разную выразительность: *продуктивность гектара водного зеркала*, *зеленое ожерелье* (лесонасаждения вокруг городов) и мн. др.

■

Специальные слова в газете — это своеобразные «цитаты» из языка специалистов. Чтобы избежать возможные неясности, неточности или двусмысленности при введении терминологической лексики в язык прессы, используются разные приемы раскрытия терминов.

Одним из наиболее принятых приемов раскрытия содержания специализированно-

го слова в газете является его «перевод» на литературный язык. В пределах одного контекста приводится всем понятный синоним: «Значит ли это, что конфликт уже неостановим и неуправляем? Отнюдь нет. При одном условии, что *рекультивация*, то есть *восстановление* почвенного слоя, пойдет сейчас в нашей стране энергично, ибо время терпит» («Комсомольская правда», 29 марта 1975); «*Импринтинг* (*запечатлевание*) — явление примечательнейшее. Суть его в установлении *связи* (*запечатлевании*) детеныша на определенном этапе жизни с объектами внешней среды (родитель, кормилец, местность). Так возникает родственная связь между кукушкой и трясогузкой — приемной матерью...» («Литературная газета», 29 марта 1977); «Теперь Минчермет извещает... заинтересованные ведомства о том, чтобы они в ближайшее время обесфеноливающей установки не ждали. И *гидроциклонов* (*мощных очистителей*, работающих по тому же принципу, что и молочные сепараторы) при прокатных станах тоже не ждали...» («Литературная газета», 30 января 1974).

Пояснения термина нередко вводятся в текст по несколько раз. Этот композиционный прием, особенно широко используемый в жанре газетного очерка, способствует

освоению незнакомого слова-термина, его запоминанию читателем. Обычно такие многократные описания встречаются тогда, когда объект, названный термином, является главным в газетной статье (очерке, репортаже). Приведем пример со словом *полой* (*полои*) – низменное место, затопляемое во время половодья: «Если смотреть на дельту с самолета, то в глазах рябит от бесчисленных узких протоков – ериков, от тихих мелководных заливов – ильменей. В апреле они взбухают внешними водами и заливают плоские равнины между протоками – *полои*. Насколько сильно будут залиты *полои*, настолько успешно пройдет нерест и восстановится рыба поголовье»; «Это удивительное творение природы – *полои*. Отутюженные, словно мощным катком, выровненные по точке, гладкие, как стол, они тянутся на десятки километров, испокон веков весной выращивая рыбу, а затем летом превращаясь в превосходные луга»; «...Наш „козлик“ трясется по усыпанной гравием дороге: едем по дамбе вододелителя. Слева тянутся *полои*, которые и осенью благодатно зеленеют травами. Высокие стога сена, пасущийся скот – идиллическая картина плодородия и покоя» («Литературная газета», 5 января 1977).

Синтаксически раскрытие термина может происходить в

обратном порядке: сначала птермин, затем термин; один из синонимов, обычно понятный читателю, уточняет содержание термина: «...включения, инклюдзии, очень ценились в древности» («Советская Россия», 12 февраля 1975); «...и рыбаки споро и ровно начинают выбирать *нижнюю, донную* сеть» («Литературная газета», 8 октября 1966).

Добавление поясняющих фраз к терминам-синонимам в пределах одного контекста служит не только точной и полной характеристике предмета описания, но выполняет определенную стилевую нагрузку: все повествование оживляется, лишается однообразия. Характеристика-описание в газете, подчеркивая броские и поэтому запоминающиеся детали, не просто усиливает впечатление, но и делает сам предмет изображения понятным и зримым для читателя: «В студеной Сибири текут теплые опасные реки. Опасные, да еще как! В самую сильную стужу у них бывают *пропарины*, когда над теплой водой смерзается снежная корка: занесенная снегом, она неотличима от льда, но в отличие от него хрупка, как сахар» («Литературная газ.», 31 марта 1976).

Иногда в статье приводится терминологический словарь.

Вот один пример (статья о групповой акробатике парашютисток в воздухе): «Для начала, уважаемый читатель, немного парашютной терминологии...

медуза – вытяжной парашют, открывающий основной купол;

кабрировать – передвигаться назад по горизонту в свободном падении;

всплывать – замедлять скорость в свободном падении;

отцепка – освобождение в воздухе от основного купола и ввод в действие запасного парашюта;

ТЭК – оптические трубы для наблюдения прыжков, а „трубачи“ – судьи на трубах. Ну и „запаска“ – парашют запасной. Это понятно» («Комсомольская правда», 12 ноября 1976).

Объяснения термина синонимами, энциклопедическими описаниями в газете сочетаются и с такими пояснениями, в которых рядом с характеризующими деталями подчеркивается значимость описываемого предмета. Это особенно важно, когда статья призвана активно вмешаться в жизнь, осуществить определенного рода воздействие на читателей. Пример такого рода встретился нам в газете «Ленинское знамя» (26 июня 1977, рубрика «Обращаясь к напечатанному»). Корреспондент проверяет поступившее в газету опровержение. В ре-

зультате этой проверки выяснилось, что на обменные пункты поступают в бракованном виде распределители (необходимая деталь в тракторе). Вот описание распределителя: «Распределитель в наше время – это необходимая составная часть гидросистемы каждого трактора. Без него не поднимет трактор сеялку, плуг, не опрокинет тележку, не включит в работу жатку. Без него бессильным окажется стогомет. Как видим, деталь эта очень важная». Автор заметки подчеркивает значимость распределителя в механизме (этому способствует ряд с отрицательной конструкцией – *без него не...*).

Разные комментарии специализированной лексики помогают читателю-неспециалисту лучше и точнее воспринять содержание того или иного текста. Надобность в них отпадает в отраслевых газетах и фабрично-заводских многотиражках, так как основная масса читателей этих газет – специалисты. Сложившееся использование специализированной лексики в отраслевой и фабрично-заводской печати распространяется на прессу областную и районную. Это вполне правомерно тогда, когда какая-либо определенная производственно-экономическая деятельность преобладает в хозяйственном профиле той или иной области, края, района. Например,

освещение разных проблем текстильного производства в Ивановской областной газете «Рабочий край».

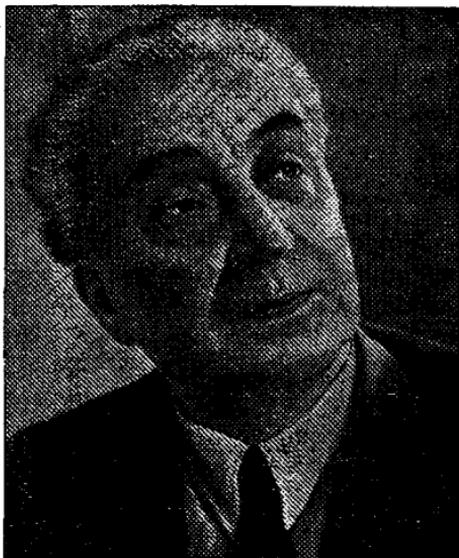
В настоящей статье специально подобраны примеры, относящиеся главным образом к так называемым «своеязычным» терминам. Это слова и словосочетания с исконно русским корнем и ясным словообразовательным строением. Как говорилось выше, подобные термины должны быть понятны читателю. Однако эта понятность относительна: не понимается главное — строгая специализация такого термина; он смешивается с обычным словом. В гидротерминологической сфере зафиксирован термин *припай* — массив прибрежного льда. Он начал входить в литературный язык, хотя широкого признания пока не получил. Помехой этому являются ассоциации со словами одного гнезда: *паять* — *припаявать* — *пайка*. Мы провели небольшой эксперимент-опрос. Из пятнадцати лингвистов-русистов лишь пять слово *припай* связывают со льдом; остальные десять считают его производным существительным от *припаявать* — *паять* (в действительности же таким словом является *припой*).

Можно ли рассчитывать, что слово *припай*, введенное в текст без пояснения, будет понятно читателю? Вряд ли! Например: «Вода, как ей и положено, грянула внезапно. В субботний полдень начался прилив. Подточенный оттепелю, лед не выдержал. *Припай* раскололся от острова Русский до Академгородка. Слабая поземка к 15 часам обратилась в шквальный юго-восточный ветер до 7 баллов. Огромное ледовое поле сразу же погнало в открытое море — через 15 минут льдина отошла от основного *припая* на 300–400 метров» («Комсомольская правда», 12 января 1979).

Близкие по смыслу к обычным, общепотребительным словам «своеязычные» термины как бы освобождают пишущего от специального их пояснения в тексте, а воспринимающего от усилий понять их со всей доскональностью и точностью. Ведь и для того, и для другого «примерно», «в общем» они понятны. Однако использование подобных терминов в газетном языке, если они не сопровождаются специальным комментированием, приводит не только к речи сухой и маловыразительной, но и к речи неточной, приблизительной.

Т. С. КОГОТКОВА

*К 85-летию
со дня рождения*

**Виктор Владимирович
ВИНОГРАДОВ**
1895—1969

С именем В. В. Виноградова связан большой этап в развитии советской филологической науки, у руля которой он находился долгие годы — как академик-секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, как директор Института языкознания, затем Института русского языка АН СССР, главный редактор журнала «Вопросы языкознания», участник различных комиссий и советов, как заведующий кафедрой русского языка МГУ имени М. В. Ломоносова и других вузов, руководитель и консультант крупнейших лингвистических изданий, многочисленных докторских и кандидатских диссертаций.

Литературное наследие В. В. Виноградова огромно: за полстолетия напряженного научного поиска он опубликовал около тысячи печатных листов; завершаемое издание «Избранных трудов» учебного содержит пять объемистых томов. Это наследие в силу свойственного В. В. Виноградову постоянного обновления, углубления и пересмотра материала и выводов, характерного для него возвращения к раз исследованной теме — весьма сложно, а может быть, и внутренне противоречиво. Оно требует специального историографического изучения и, видимо, допускает разные толкования.

Несомненно, однако, что в его основе лежит стройное представление о характере и специфике развития русского языка и задачах науки о нем.

Эта единая концепция базируется на тщательном анализе колоссального фактического языкового материала и учитывает отечественную и мировую лингвистическую традицию. Неоднократно уже отмечалось, что В. В. Виноградов, как редко кто другой, знал работы предшественников, изучал и использовал их. Ему, кстати, принадлежат и многочисленные статьи и очерки о творчестве М. В. Ломоносова, А. Х. Востокова, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, А. А. Шахматова, А. М. Пешковского... — поистине всех значительных русских лингвистов. В совокупности эти работы и сейчас служат признанным пособием по истории русских лингвистических учений.

В. В. Виноградов был удивительным знатоком фактов русского языка, умел и любил кропотливо их собирать и исследовать. В то же время он был самобытным мыслителем, выдвигавшим новые теоретические точки зрения и новые объекты лингвистического исследования. Развивая традиции А. А. Шахматова и Л. В. Щербы, он стремился к максимальному соответствию лингвистической мысли реальным процессам конкретных языков; призывал к историческому и функционально-социальному осмыслению языковых фактов, к их анализу в связи с развитием общества и его культуры; настаивал также на нормативном подходе к языку.

Изучение состава и системы языка у В. В. Виноградова распалось на «грамматическое учение о слове» (показательный подзаголовок монографии «Русский язык»), и на лексикологическое учение о слове. Связь этих учений неоднократно прокламировалась самим автором, повторявшим, что изучение грамматического строя языка без учета лексической его стороны невозможно. Их раздельность позволяла в то же время сосредоточиться на специфических явлениях и обнаружить новые объекты. В грамматическом учении о слове исследовались В. В. Виноградовым такие, например, темы: части речи, формы слова, омонимия, модальность и модальные слова, предикативность, синтагма. Нередко вскрывались и новые общие связи: так, «учение о словообразовании», выделившись в самостоятельный отдел, открыло новые связи между русской грамматикой и лексикой.

В лексикологическом учении о слове главным было исследование истории и значений отдельных слов и их типов. Именно здесь родилось прославившее имя В. В. Виноградова направление «история русских слов и выражений». Оно дает возможность особенно наглядно связать лингвистические наблюдения с историей языка, историей общества и страны, быта, литературы, куль-

туры. Сам В. В. Виноградов изучил таким образом около полутора тысяч отдельных слов!

В поисках исследовательского метода, соответствующего неповторимости каждого отдельного слова, возникли концепции о фразеологических единицах, о типах лексических значений слов, об основном словарном фонде и др. Учение В. В. Виноградова о фразеологических единицах имело, пожалуй, наибольший резонанс в советской русистике и вообще в советской лингвистике. В. В. Виноградов был также и лексикографом-практиком — одним из составителей и редакторов «Толкового словаря русского языка» под общей редакцией Д. Н. Ушакова, ответственным редактором «Словаря языка Пушкина», участником ряда других словарных работ.

Разработка состава русского литературного языка служила В. В. Виноградову базой для изучения его функционирования, как современного, так и исторического. Требование нормативного подхода к языку ученый осуществил в ряде статей о культуре современной русской речи и о задачах его преподавания в нерусской, иностранной аудитории. Однако основное внимание в изучении функционирования языка В. В. Виноградов сконцентрировал на стилистике, в которую включалась вся речевая деятельность людей, но прежде всего главных творцов языка — писателей и поэтов.

Этой тематике посвящены такие замечательные книги и статьи, как «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», «Язык Пушкина», «Стиль прозы Лермонтова», «Стиль Пушкина», «О художественной прозе», «О языке художественной литературы», «Проблема авторства и теория стилей», «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика», «Сюжет и стиль», «О теории художественной речи». В. В. Виноградов исследовал язык и стиль Гоголя, Л. Толстого, Достоевского, Крылова, Ахматовой, Федина... Во всех этих работах, наряду с задачей изучить творческую индивидуальность авторов, ученый преследовал и цель изучить их вклад в развитие русской языковой системы, пути развития самого русского литературного языка. Принципиальным в этом смысле было внимание В. В. Виноградова к языку В. И. Ленина и к высказываниям В. И. Ленина о языке.

Изучение функционирования языка связывалось В. В. Виноградовым также с проблемой формирования национальных литературных языков в общем языковедческом плане (прежде всего у славянских народов), с такой собственно теоретической проблемой, как понятие внутренних законов развития языка. Но важнее всего то, что В. В. Виноградов верил в неиссякаемые возможности русского языка, его великое предназначение, залогом чего служит

славное прошлое нашего языка, его связь с народным речевым богатством, его шлифовка выдающимися писателями, учеными и общественными деятелями всемирного значения.

Самобытность, оригинальность, многосоставность, выразительность и другие признанные качества русского языка В. В. Виноградов представлял научно, выводя их из связи прогресса языка с прогрессом общества, из наблюдений в ходе строгого лингвистического анализа, как неоспоримое свидетельство «великих жизненных сил русского народа, его оригинальной и высокой национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы». Эта цитата взята из написанной в трудные годы Отечественной войны книги «Великий русский язык», являющейся торжественным гимном нашей удивительной по звучности и гибкости, свободе, правдивости и смысловой емкости русской речи.

Владение таким великим языком налагает на человека и великую ответственность: в неумелых руках, в бездумном употреблении беспредельные богатства и возможности оборачиваются косяязычием, жаргоном, штампом. К этому был В. В. Виноградов непримирим: ведь русский язык рисовался ему в живой неразрывной связи с историей и современной жизнью советского народа, их олицетворением. И всем нам стоит задуматься, отчего последнюю свою прижизненно опубликованную статью «Слово о русском слове» («Комсомольская правда», 24 августа 1969) В. В. Виноградов закончил такими словами стихотворения Валерия Брюсова «Родной язык»:

Мой верный друг! мой враг коварный!

Мой царь! мой раб! родной язык...

Имя Виктора Владимировича Виноградова вписано в историю отечественной культуры. О нем напоминает мемориальная доска на доме в старомосковском Калашном переулке, в котором он жил последние годы, и «Виноградовский кабинет» в Ленинградском Пушкинском доме, разместивший для всеобщего пользования богатейшую личную библиотеку и некоторые вещи, переданные государству Н. М. Малышевой, вдовой В. В. Виноградова. Ежегодно в январе, месяце его рождения, проводятся «Виноградовские чтения», на которых выступают крупнейшие советские ученые. В Зарайске, где он родился, есть улица его имени. Моря бороздит теплоход, названный в его честь... Но, конечно, главный памятник неутомимому труженику науки — его книги и статьи, которые читаются, издаются и переиздаются, его мысли, которые живут и действуют.

В. Г. КОСТОМАРОВ

АНТОН АЛЕКСЕЕВИЧ

БАРСОВ

1730—1791

Крупный деятель русской науки и культуры второй половины XVIII века, профессор А. А. Барсов, 250-летие которого исполняется в этом году, принадлежит к славной плеяде ученых, воспитанных М. В. Ломоносовым.

Антон Алексеевич Барсов родился в 1730 году в Москве. Отец его — один из образованнейших людей своего времени — был управляющим Московской синодальной типографией. Начальное образование А. А. Барсов получил в Славяно-греко-латинской академии. В 1748 году по рекомендации В. К. Тредиаковского он был принят в университет при Петербургской Академии наук. Будучи студентом Академического университета, Барсов проявил блестящие способности как в гуманитарных, так и в точных науках. Словесник В. К. Тредиаковский и философ И.-А. Браун называли его первым среди своих слушателей, а Г.-В. Рихман писал, что он являет собой «редкий образец математического дарования». В 1753 году при содействии Ломоносова А. А. Барсов в числе четырех лучших выпускников университета произведен в магистры. Это были первые русские ученые, получившие звание магистров в России.

*

С именем Барсова связаны первые шаги Московского университета (учрежден в 1755 году), в стенах которого прошла вся педагогическая и общественная деятельность ученого.

Академия наук направила в помощь университету трех своих лучших питомцев: Н. Н. Поповского, Ф. Я. Яремского и А. А. Бар-

сова. Первые шесть лет Барсов читал курс математики, а в 1761 году в звании профессора был переведен на кафедру словесности, которую он занимал в течение 30 лет (до самой смерти, последовавшей 21 декабря 1791 года). Молодой ученый отдавал новому университету все свои силы и знания. Обстановка, в которой ему приходилось работать, была чрезвычайно трудной: долгое время Барсов был единственным русским профессором в университете и в Конференции — органе университетского управления. По отзывам современников, Барсов «в университетском правлении имел великое влияние и уважение...».

Одним из первых ученых ввел в университете курс русской литературы и особое внимание уделял разбору поэтических произведений М. В. Ломоносова. А. А. Барсов читал лекции по риторике, русской литературе и русской грамматике. Первым он начал читать лекции на русском языке, что вызвало сильный протест со стороны некоторых профессоров (занятия в то время в университете велись на латинском языке). С 1768 года, когда в Московском университете было уже шесть русских профессоров, лекции стали читаться на русском языке. Большая заслуга в этом принадлежит Барсову, который «всех более содействовал тому, чтобы наука в университете заговорила чистым русским языком» (С. П. Шевырев. История имп. Московского университета. М., 1855).

Круг научных интересов А. А. Барсова был обширен, деятельность в Московском университете разнообразной. Он был деканом одного из трех факультетов, созданных в самом начале, — философского; заведовал кафедрой словесности; был инспектором двух гимназий, в которых получали начальную подготовку будущие студенты университета. Антон Алексеевич Барсов был в центре университетской общественной жизни. Современники запомнили его человеком добрым и скромным, неутомимым тружеником. Один из его студентов писал: «Таких людей, каков был г-н Барсов, во всяком царстве и веке немного, и он в сословии ученых был отлично уважаем». К. Ф. Калайдович, тоже студент Барсова, вспоминал: «Память его почтена не по одной обширной учености, которою ознаменованы все сочинения его, но и по возвышенной душе, исполненной честности и добродетели, которые таились под суровою наружностью, свойственною твердым характерам. Он столько любил науки, занимаясь ими всю жизнь свою, что не хотел променять их на блистательные почести, и доказал это на самом опыте».

Продолжая дело М. В. Ломоносова, Барсов видел свою задачу в подготовке кадров ученых и специалистов. Под его руководством выросла целая плеяда крупнейших деятелей русской нацио-

нальной науки и культуры: Д. И. Фонвизин, Н. И. Новиков, Н. М. Карамзин и др. Барсов сделал большой вклад в развитие просвещения в России. В университетской типографии под его редакцией выходит первое издание сочинений Ломоносова; А. А. Барсов составлял и редактировал первую московскую газету «Московские ведомости», был цензором журналов «Сатирический вестник», «Городская и деревенская библиотека», «Московский журнал». Барсов — один из инициаторов создания и бессменный секретарь Вольного русского собрания, учрежденного при университете в 1771 году, цель которого — «распространение наук для пользы отечества, исправление и обогащение российского языка». Под его редакцией издавался «Опыт трудов» этого собрания (с 1774 по 1883 год вышло шесть томов). В 1789 году в Москве основано «Собрание любителей российской учености», председателем которого был Барсов. В составлении «Словаря Академии Российской» ученый принимал самое непосредственное участие. А. А. Барсов — член Российской Академии (с 1783 г.), был также избран почетным членом Латинского общества в Йене.

Ученый известен как автор, издатель, переводчик многих произведений: написал «Азбуку церковную и гражданскую, с краткими примечаниями о правописании», выдержавшую свыше 10 изданий; он издал «Собрание 4291 древних русских пословиц», составил несколько тетрадей «Свода российских летописей с 1224 года»; в 1762 году перевел латинскую грамматику Геснера, которой до 1787 года пользовались в гимназиях Московского университета, «Генриаду» Вольтера, отрывки из знаменитой «Энциклопедии просветителей» и др. В литературных кругах ученый был известен как автор торжественных речей, произнесенных им в Московском университете (девять речей опубликовано отдельным изданием в 1788 году). Многие работы Барсова до нас не дошли: личный архив и шесть томов записок погибли во время пожара Москвы в 1812 году.

*

Основным трудом А. А. Барсова, итогом его научной деятельности в области изучения русского языка явилась «Российская грамматика», над которой он работал в течение пяти лет (1783—1788). Н. М. Карамзин, близко знавший Барсова, назвал его «великим мужем грамматики», который «живет единственно для склонений и спряжений, божится родами, видит во сне наречия». По свидетельству самого автора, общий объем грамматики составил 60 тетрадей. «Российская грамматика» не была издана при жизни ученого. Предполагают, что определенную роль в этом

сыграло затруднительное материальное положение, в котором находились в то время народные училища. Но главную причину следует искать в том, что она резко отличалась от всех известных в то время грамматик. Комиссию испугали смелые нововведения автора, стремившегося сблизить правописание с живым языком народа. А. А. Барсов предлагал, например, уничтожить лишние буквы в русском алфавите: «ять», «фиту», «ижичу», твердый знак в конце слов и т. д. Грамматика существовала в рукописи, известны три списка общим объемом 1150 страниц (два списка хранятся в библиотеке Московского университета, третий — в Ленинградской Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина). Несмотря на наличие трех списков, «Российская грамматика» до нас дошла в неполном виде: из 60 тетрадей мы располагаем лишь 40.

Этот труд А. А. Барсова составил новый этап в теории русской грамматики после Ломоносова. Барсов не только развил основные положения ломоносовской грамматики, но и впервые сформулировал ряд новых правил. Грамматика составлена по строго продуманной системе: сам автор одним из достоинств своего труда считал строгую последовательность в изложении материала. Знание письменных источников древнерусского языка и грамматических сочинений предшественников помогли Барсову в его исследованиях.

В основу своих грамматических наблюдений автор кладет явления литературного языка и живой народной речи. А. А. Барсов закрепляет нормы литературного произношения, установив в качестве его основы говор Москвы. В грамматике представлены важные сведения по московскому произношению последней четверти XVIII века. Особенно интересны частные замечания, исключения из правил, наблюдения над употреблением отдельных форм, которые позволяют судить о некоторых особенностях разговорного языка, не зафиксированных ни одним литературным произведением того времени.

«Российская грамматика» А. А. Барсова — выдающееся явление в истории русской филологии, свидетельство высокого уровня развития русского языкознания второй половины XVIII века. В настоящее время издательство Московского университета готовит к печати этот труд А. А. Барсова.

М. П. ТОБОЛОВА
Калуга

**РУССКИЙ ЯЗЫК
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ**

«Я ДУМАЮ ПО-РУССКИ»

**Русский язык
во Вьетнаме**

Советский Союз занимает особое место в сердцах вьетнамцев. Для них наша страна — «это родина Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества, это — родина Ленина, гениального вождя мировой революции, Советский Союз — это страна, где первый вьетнамский коммунист товарищ Хо Ши Мин увидел путь к спасению своего народа и своей страны», — такими словами выразил чувства вьетнамского народа к Советской стране первый секретарь ЦК КПВ товарищ Ле Зуан во время посещения СССР в июле 1973 года. Русский язык вьетнамцы по праву называют «ключом к знаниям». Сейчас, когда каждый день несет с собой что-то новое, русский язык помогает осмыслить, понять этот поток информации, он укрепляет политические, научно-технические и культурные связи двух дружественных государств. Вот почему во Вьетнаме русский язык преподается в качестве обязательного учебного предмета в более чем 30 вузах гуманитарного и естественно-технического профиля. Основными центрами изу-

чения русского языка являются университеты в Ханое и Хошимине, где готовят лингвистов [срок обучения 5 лет] и преподавателей для вузов [срок обучения 4 года].

В 1979—1980 учебному году открыто отделение русского языка и в университете в Гие. Пединститут иностранных языков в Ханое, педагогические институты в Хайфоне, Вине, Гие, Ня Чанге имеют уже сложившиеся традиции преподавания русского языка. Министерство просвещения СРВ открыло 12 отделений русского языка при высших педагогических училищах, где учащиеся приобретают специальность — преподаватель русского языка школ II ступени (6—8 классы). Всего в педучилищах русский язык изучает около 2500 человек.

В республике за годы независимости вырос значительный отряд преподавателей русского языка, работающих в средних и высших учебных заведениях страны. Более 20 русистов Вьетнама успешно закончили аспирантуру и защитили диссертации в Советском Союзе. Получив высокую научную и методическую подготовку в СССР, они возглавили факультеты и кафедры филологии в вузах СРВ. Именно на них в настоящее время возлагаются ответственные задачи по повышению квалификации выпускников русских отделений вузов СРВ, внедрения в педагогическую практику новейших достижений советской лингвистической и методической школы.

Успешно решается в стране вопрос и о повышении профессионального уровня вьетнамских преподавателей русского языка, получивших образование в отрыве от языковой среды, об увеличении приема учащихся на русские отделения педвузов, об обеспечении учащихся всеми необходимыми учебниками и методическими пособиями. В решении этих сложных задач большую помощь университетам и другим высшим учебным заведениям оказывают государственные органы народного образования СРВ и СССР. Министерством просвещения СРВ организованы и действуют с 1970 года интенсивные (1,5-месячные) курсы повышения квалификации вьетнамских преподавателей русского языка. В работе курсов принимают участие и советские специалисты. В помощь вьетнамским преподавателям издательство «Русский язык» (СССР) выпустило учебники для школ II и III ступеней, составленные советско-вьетнамским авторским коллективом.

Ежегодно 10—12 вьетнамских аспирантов-филологов приезжают в СССР на стажировку и подготовку диссертаций. В 1979—1980 учебном году 150 выпускников институтов иностр-

ранных языков СРВ (русское отделение) проводят 10-месячную стажировку в нашей стране. Кроме того, от 50 до 100 вьетнамских преподавателей каждый год в течение 2—4 месяцев повышают квалификацию в высших учебных заведениях Советского Союза. Около 700 вьетнамских русистов учатся на заочном отделении Института русского языка им. А. С. Пушкина в Москве. В помощь изучающим русский язык в пяти городах Южного и Северного Вьетнама при высших учебных заведениях организованы консультационные пункты, работу которых обеспечивают вьетнамские и советские специалисты.

В настоящее время в СРВ широко практикуется изучение русского языка на курсах для специалистов, открытых при ведущих вузах страны. Здесь обучается более 2-х тысяч человек.

С 1978 года дважды в неделю проводятся уроки русского языка по радио и телевидению.

В общей сложности русский язык изучает сейчас свыше 100 тысяч вьетнамцев. С каждым годом растет число людей, желающих овладеть русским языком. И это понятно — знание русского языка помогает героическому вьетнамскому народу использовать опыт социалистического строительства, накопленный советским народом, помогает ускорить процесс построения нового общества, укрепляет веру в прекрасные идеалы человечества. «Лен соо» — советский! «Здравствуй, товарищ! Дружба!» — так обращаются к русским на улицах Вьетнама дети,

«Мы главное постигли с Вами:
Как надо родину любить,
Как долог путь к вершине
Знания,
Как надо дружбой дорожить»,—

так выражает свои чувства к нашей стране Чан Фу Тхует, получивший образование в Советском Союзе.

И это еще раз подтверждает ту неперемнную истину, что русский язык цементирует, сплачивает широчайшие массы трудящихся, разделенные пространством, но крепко спаянные общностью интересов и идеалов, служит углублению уз дружбы и взаимопонимания,

А. И. КУДРЯШОВ

РУССКИЙ ЯЗЫК

В родном Ханое
много улиц узких.
Брожу по ним
в весеннем сквозняке.
Брожу по ним
и думаю по-русски,
И говорю на русском языке.
На языке великого народа.
Сердца друзей,
как пламень горячи...
И Пушкин к нам приходит
через годы,
И музыка Чайковского
звучит.
И слышу я,
как выступает Ленин
На языке,
который всем знаком.
И зарево
Октябрьских сражений
Пылает
негасимым маяком!
...Я не бывал в лесах
прохладных ваших.
Не видел
ослепительных берез.
Но ваш язык,
что всех точней и краше,
Я в сердце
через жизнь мою пронес.
Над миром март.
Брожу средь улиц узких.
Мир надо мной
в весеннем сквозняке.
Шумит Ханой...
Я думаю по-русски
И говорю
на русском языке.

ЦЕННЫЙ ОПЫТ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ РУСИСТОВ

Хроника

В августе 1979 года в ЧССР состоялся международный семинар-конференция, посвященный развитию общественных функций русского языка в социалистической Чехословакии. Он был организован Институтом русского языка на общественных началах (директор проф. Й. Скацел) при педагогическом факультете в городе Остраве. Такого рода международные семинары становятся традиционными (предыдущий состоялся в г. Остраве в 1977 году).

Работа семинара проходила в городе Тржинеце, на базе крупного промышленного предприятия Чехословакии — Тржинецкого металлургического комбината имени Великой Октябрьской социалистической революции. Именно на этом комбинате комплексная междисциплинарная группа остравских языковедов-русистов, методистов-педагогов, социологов, историков и экономистов в течение ряда лет ведет работу по преподаванию русского языка на курсах и в кружках для рабочих и инженерно-технических работников.

Целью семинара было обсуждение материалов бюллетеня «Итоги исследования общественных функций русского языка в производственно-экономической сфере ЧССР» (г. Острава, 1979 год). Этот бюллетень является восьмой публикацией по теме и завершает собой описание первого этапа исследования общественных функций русского языка в ЧССР в связи с задачами социалистической экономической интеграции (в рамках СЭВ) на материале предприятий Североморавской промышленной области.

На первом этапе комплексного исследования было подготовлено научное лингвистическое, экономическое, социологическое и методикоорганизационное обоснование темы, намечена общая долготелая программа, проведены эксперименты и анкетирование на ряде промышленных предприятий.

Международный семинар собрал около 30 специалистов из ЧССР, ПНР, ГДР и СССР.

В ходе живого и плодотворного обсуждения результаты первого этапа научного исследования по теме получили высокую оценку. Группа под руководством профессора Й. Скацела наметила перспективы своей деятельности на новом этапе — в 1981—1985 годах — и определила ряд организационных мероприятий. В частности, решено продол-

жить практику международных рабочих семинаров, наладить широкий обмен научной информацией по всей проблематике, подготовить обобщающую монографию теоретико-прикладного характера — сделать ценный опыт чехословацких русистов и методистов достоянием других социалистических стран, членов СЭВ.

Участники конференции единодушно отмечали в своих выступлениях теоретическую важность и практическую ценность работы, проводимой группой остравских специалистов-энтузиастов, ее несомненный экономический эффект и общественно-политическую значимость.

В результате всестороннего комплексного исследования авторы приходят к важному выводу о том, что русский язык, его применение на практике приносит пользу развитию социалистического образа жизни, укрепляет дружбу между народами ЧССР и СССР. Он повышает силу стран социалистического содружества, увеличивает их взаимопонимание, расширяет выразительные возможности чешского и словацкого языков.

Глубокое понимание этих процессов и факторов лежит в основе работы остравских языковедов и педагогов, является залогом ее успешности и плодотворности.

Л. И. СКВОРЦОВ

В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА АН СССР

Институт русского языка АН СССР — ведущий в нашей стране центр по исследованию русского языка. Среди представленных здесь научных направлений главными являются: изучение процессов развития современного русского языка в связи с общественным прогрессом, разработка научных основ повышения речевой культуры и создание практических пособий по культуре речи, описание грамматического строя русского языка в его современном состоянии и истории, разработка теории лексикологии и создание словарей различного типа и назначения, показ места и

роли русского языка в современном мире и в межнациональном общении народов нашей страны и др.

В 1979 году план научно-исследовательских работ Института включал 63 темы. Многие из них относятся к числу фундаментальных, и их выполнение рассчитано на ряд лет. Научными сотрудниками Института закончены и утверждены к печати Ученым советом 15 работ. Большинство из них — это новые части (тома или выпуски) выполняемых Институтом капитальных работ, прежде всего многотомных словарей.

Крупным научным и культурно-общественным событием станет осуществление нового издания «Словаря современного русского литературного языка» в 19-ти томах (председатель редакционного совета К. С. Горбачевич). Словарь в его первом издании (1950—1965, 17 томов) был удостоен в 1970 году Ленинской премии. Это самый полный из наших толковых словарей, охватывающий русскую лексику и фразеологию от эпохи Пушкина до наших дней. В словарном секторе в этом году завершена переработка первого и второго томов для нового издания. Существенно обновляется словник (прежде всего за счет пополнения входящей в литературный язык научно-технической и культурной терминологии), пересматривается иллюстративный материал. Коренным образом перестраивается структура трех первых томов: вместо принятого здесь ранее полугнездового способа подачи материала теперь последовательно проведен алфавитный.

Полезным справочным пособием будет подготовленный к печати «Сводный словник словарей современного русского языка» (рук. Р. П. Рогожникова). Этот указатель поможет отыскать любое нужное слово в современных словарях различных типов (включая энциклопедические справочники).

Завершен 8-й выпуск (слова на букву X — по приспособленному для этого издания варианту латинского алфавита) «Этимологического словаря славянских языков (Праславянский лексический фонд)» (ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачев). Здесь исследуются древнейшие истоки словарного состава всех славянских языков. Такой словарь в нашей стране создается впервые.

Тем же научным коллективом подготовлен очередной (16-й по счету) том ежегодника «Этимология» за 1979 год (отв. ред. О. Н. Трубачев). В книге отражены результаты новейших этимо-

логических исследований отечественных и зарубежных ученых в области славянских и других языков.

Новыми выпусками пополнился цикл подготавливаемых в Институте многотомных исторических словарей, которые должны представить русскую лексику на протяжении всего исторического периода ее развития.

Утвержден к печати 8-й выпуск (слова на буквы *М, Н*) «Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.)» (отв. ред. чл.-корр. АН СССР Р. И. Аванесов). Словарь охватывает материалы ранней русской письменности. Его источники относятся к самым разнообразным сферам жизни древнерусской народности и государства.

Заканчивается работа над 8-м выпуском (слова на буквы *К, Л*) «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (гл. ред. чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин, ред. Г. А. Богатова), в котором особенно полно представлены материалы памятников XV—XVII вв. Этот словарь по замыслу авторов имеет более популярный характер по сравнению с названным словарем XI—XIV вв.

Важный период истории формирования лексики русского литературного языка охватывает «Словарь русского языка XVIII в.» (рук. Ю. С. Сорокин, Л. Л. Кутина): Закончен его 3-й том.

Крупное научное предприятие, которое осуществляется совместно почти всеми европейскими социалистическими странами,— «Общеславянский лингвистический атлас» (председатель комиссии ОЛА при Международном комитете славистов Р. И. Аванесов). В 1979 году к печати подготовлен новый выпуск атласа, в котором средствами лингвистической географии, на комментируемых картах, характеризуется славянская лексика, относящаяся к области животноводства.

Большое место в исследованиях ученых Института в 1979 году занимали вопросы культуры письменной и устной речи, нормализации литературного языка. Выполнены монографические исследования «Литературная норма в лексике и фразеологии» (рук. Л. И. Скворцов, Б. С. Шварцкопф) и «Русское сценическое произношение» (рук. С. М. Кузьмина).

Подготовлено несколько сборников статей, посвященных различным сторонам функционирования русского языка: «Проблемы лингвистической поэтики» (рук. В. П. Григорьев), «Современная русская лексикография. 1979» (рук. А. М. Бабкин, В. Н. Сергеев). «Диалектная лексика. 1979» (рук. Ф. П. Филин и Ф. П. Сороколетов), «Проблемы стилистики (литература XVIII в.)» (рук. Ю. С. Сорокин), «Функциональные стили в языке XVIII в.» (рук. В. В. Замкова).

ХОЖЕНИЕ

ЗА ТРИ МОРЯ

Афанасия
Никитина

Русский купец из Твери Афанасий сын Никитин более пятисот лет назад (1466—1472 гг.) совершил смелое путешествие в Индию, о богатстве и жизни народа которой распространялись тогда на Руси и в Западной Европе сказочные предания. До этого путешествия Афанасий Никитин побывал в других странах. Это был предприимчивый и энергичный купец, образованный, наделенный природным умом и дипломатическим тактом. Его интересовала не только торговля, но и жизнь других народов и стран.

Летом 1466 года в Москву прибыл Хасан-бек, посол Ширванского царства, находившегося на территории современного Азербайджана. Афанасий Никитин воспользовался этим обстоятельством и с разрешения московского великого князя Ивана III подготовился для торговой поездки Волгою в Прикаспийские страны и Персию.

Сначала путешественники не испытывали особых затруднений. Но под Астраханью вспыхнула жестокая схватка с татарами, напавшими на купеческие и посольские корабли. По договору город Астрахань должен был играть посредническую роль в торговле Московского государства с Прикаспийскими странами и Персией, однако договорное обязательство нередко нарушалось астраханским ханом, было оно нарушено и в этот раз.

Из всего каравана уцелело только два корабля, один из которых разбился во время шторма на Каспийском море, у Дагестанского побережья. В Дербенте русские купцы обратились к правителю Ширванша с просьбой помочь им вернуться на Русь, но получили отказ. Создалось крайне тяжелое положение. Афанасий Никитин вспоминает: «И мы заплакав разошлись кто куда, у кого что было на Руси, тот пошел на Русь, а кто был в долгах, тот пошел куда очи понесли; иные остались в Шемахе, а иные пошли работать в Баку».

Не мог вернуться на Русь и Афанасий Никитин: не оставалось средств, чтобы расплатиться за взятые в долг товары. Он отправился в Баку, а оттуда перебрался в Персию. Чем он занимался в этих местах — осталось неизвестным. Подробности пребывания в каспийском Закавказье и Персии он не описывает, а ограничивается перечислением лишь крупных городов, где ему пришлось побывать.

В Персии Афанасий Никитин находился около трех лет. Здесь он сблизился с местными купцами, которые оказывали покровительство обаятельному чужеземцу. Надо полагать, что именно здесь у него возникло намерение посетить вместе с персидскими купцами загадочную Индию.

На небольшом острове Ормузе (Гурмызе) в Персидском заливе Афанасий Никитин прожил месяц, подготавливаясь к плаванию. Этот маленький островок, несмотря на тяжелые природные условия, являлся важнейшим центром средневековой торговли. В городе были сооружены водные бассейны, благоухали искусственно созданные сады, где днем укрывались люди от зноя, а по ночам поселилась купеческая и феодальная знать. Ормуз утопал в роскоши. Но Афанасия Никитина не привлекала эта сторона феодально-купеческой жизни. Он указал лишь на страшную жару, господствовавшую на острове («варное солнце, человека сожжет») и на морские приливы, повторяющиеся дважды в день.

Весной 1469 года под именем Хаджи Юсуфа из Харасани он отправился в путешествие на парусном и весельном корабле (таву), благополучно пересек Индийский океан и прибыл к западному побережью Индии, в порт Камбат.

Индия не могла не поразить воображение нашего путешественника. Первое время он вращался среди торговых людей в той части страны, которая была завоевана мусульманами, в царстве Бахманидов, а затем перебрался в индусское государство Виджа-

янагар. Еще в столице Бахманидов Бидаре он познакомился с индусами, признался им, что он русский, христианин, а не мусульманин, и что имя ему не Юсуф Харасани, а Афанасий. После этого признания индусы не стали ничего от него скрывать, «ни о ястве, ни о торговле, ни о молитве, ни о других делах, ни жен своих не стали скрывать». Афанасий Никитин живет среди индусов, совершает с ними паломничество к религиозному индуистскому центру — Парвату, общается с людьми из социальных низов Индии, проникаясь уважением к народу и его быту, верованиям и правам, знакомится с ремеслами, с добычей и обработкой драгоценных камней, с религиозно-художественными памятниками.

Более трех лет Афанасий Никитин находился в Индии. Ранней весной 1472 года у него сложился план возвращения на Русь. Скорбно переживал русский путешественник, что на чужбине забыл христианский календарь: «А Великова дни воскресения Христова (Пасхи) не ведаю, а по приметам гадаю. Со мною нет никаких книг, а взятые книги с Руси пограбили, и я позабыл веры христианской все праздники... А возвращаюсь я на Русь с думою: погибла вера моя, постился я басурманским постом».

После шестилетнего странствования по чужим землям Афанасий Никитин всеми мыслями устремился на родину, но обстоятельства возвращения складывались неблагоприятно. Из портового индийского города Добыля (на западном побережье Индии) он более месяца плыл по Индийскому океану. Корабль попал в шторм, потерял ориентацию и был занесен к берегам Эфиопии.

Еще в Индии Афанасий Никитин узнал, что прежним путем возвращаться на Русь нельзя из-за начавшейся войны, вызванной раздорами между правителем объединения туркменских племен Ак-Койюнлу — Усун-Хасаном и султаном османской Турции. Скорбно записывает Афанасий Никитин:

«Иного пути нет никуда. На Мекку пойти, надо принимать веру мусульманскую, так как христианам доступ туда закрыт. Жить в Индустане — все средства исхарчуешь, потому что все дорого: я один трачу на харчи два с половиной алтына, а вина и сыта я не пивал».

До центральной Персии Афанасий Никитин продвигался прежним путем, затем свернул на северо-запад к одному из крупных экономических и культурных центров средневекового Ирана — Тевриз, и, пересекая Турцию, благополучно добрался до портового города Трапезунда, на Черном море. В Трапезунде он был задержан на пограничной заставе. Его посетили лазутчиком Усун-Хасана, обыскали и отобрали все то небольшое, что у него имелось. В своем «схождении» он так записывает: «А в Трапезунде мне шубаш и паша много зла учинили, хлам мой весь к себе отнесли в город на гору, да обыскали все — даже мелочь добренькую все отобрали, а искали грамоты, потому что пришел из орды Усун-Хасана». Такой интерес к грамотам позволяет предполагать, что записи, которые Афанасий Никитин мог вести во время путешествия, были отображены на пограничной заставе.

Третье море, Черное, Афанасий Никитин пересек на попутном корабле за сравнительно невысокую плату и 5 ноября прибыл в крымский портовый город Кафу (Феодосию), где встретился

с русскими купцами и с ними отправился на Русь. Однако добраться до Москвы ему было не суждено. В пути он заболел и под Смоленском скончался.

Афанасий Никитин обессмертил свое имя не только отважным путешествием, но в большей степени своими путевыми записками, названными «Хождение за три моря». Они стали известны на Руси уже в год возвращения Афанасия Никитина из Индии. В первую очередь ими заинтересовались русские купцы, которые по достоинству оценили «написание Офонаса Тверетина». Именно они бережно сохранили «его руки те тетради» (а возможно, и переписали), привезли их в Москву к дьяку посольского приказа Василию Мамыреву. Возможно, что это были те самые купцы, с которыми Афанасий Никитин добирался из Кафы на Русь, которые слышали его рассказы об Индии и похоронили русского путешественника где-то под Смоленском.

Не могли не заинтересовать путевые записки Афанасия Никитина и дьяка Василия Мамырева, одного из образованных людей того времени, знавшего цену подобным произведениям. Еще до Афанасия Никитина Василий Мамырев сам совершил путешествие по странам Ближнего Востока и составил описание этих стран («Хождение гостя Василия»). Надо полагать, что дьяк докладывал и о путешествии и о записках Афанасия Никитина царю Ивану III. Три года спустя, после возвращения Афанасия Никитина из Индии, когда составлялся московский летописный свод, летописец, пользовавшийся обычно великокняжеским архивом для этого дела, обнаружил рукопись «Хождения за три моря», заинтересовался ею, пытался узнать подробности о самой личности Афанасия Никитина и об обстоятельствах его путешествия, но сведений оказалось немного. Рукопись была переписана и включена в летописный свод под 1475 годом. При переписывании старались сохранить каждое слово, копировали даже непонятные иноземные фразы, особенно на языке хинди, который не был известен в то время на Руси.

Свой литературный труд Афанасий Никитин завершал на территории Руси, на пути от Феодосии к Смоленску, когда он уже миновал три моря. Не все его сочинение литературно обработано с одинаковой тщательностью. Первая половина, написанная с поразительным литературным мастерством, была подвергнута самим писателем редакционной правке (эта половина оканчивается описанием индуистского религиозного центра — Парвата). Вторая половина, а в особенности конец «хождения», писалась торопливо, видно, автор не успел их литературно обработать. В очерковых зарисовках, входящих во вторую половину, встречаются повторения и даже противоречивые сведения, иноязычные записи и фразеологические обороты — тюркско-арабско-хинди-персидские.

О том, что составление «хождения» как целостного литературного произведения проводилось на территории Руси, уже после возвращения Афанасия Никитина из путешествия, свидетельствует самое начало путевых записок, где упоминается «третье море Черное, доря Стемъбольская» как уже пройденное. В конце по-

вторяется: «Милостию же божиею преидох три моря». Следовательно, и начало и конец были написаны или обработаны по возвращении путешественника из-за морей.

Обращает на себя внимание одна стиливая особенность в его рассказах об Индии, не говоря уже о кратком описании маршрута по Персии, который мог менее всего удержаться в памяти путешественника,— обобщенность, возможная только при воспоминании о давних, устоявшихся событиях.

В очерках об Индии нередко встречаются числовые показатели. Однако на этих числовых показателях лежит печать округленности и той же обобщенности: это обычно цифры с нулями — 10, 20, 30, 40, 50, 100, 200, 300. Лишь в отдельных случаях числовые показатели точны: цена проданного жеребца («яложил на него 60 да 8 футунов»), количество вер в Индии («80 и 4 веры»), количество русских купцов, уцелевших после столкновения под Астраханью («да рукавов нас 10 головами, да в другом судне 6 москвич да 6 тверич»). Вторую половину своих записок Афанасий Никитин создавал торопливо и оставил в незавершенном виде. Возможно, он не мог их завершить по состоянию здоровья: создается впечатление, что смерть оборвала его работу на полуслове. Особенно такое впечатление возникает при чтении конца хождения — «Милостию же божиею преидох три моря», а затем идет фраза на арабско-тюркско-персидской языковой смеси, смысл которой значит: «Остальное бог знает и ведает». После этой фразы следует слово «аминь», обычно завершающее текст, однако здесь продолжается иноязычная запись, довольно бессвязная. Не является ли эта запись последним обращением, последним вздохом умирающего путешественника?

Описания и суждения Афанасия Никитина предельно кратки и точны. Ясность и четкость придает им особую убедительность. Повествование ведется без мелкого чувства личной обиды и запальчивости. Смысл и тон записей говорит о том, что речь ведет человек, который много знает, смотрит на окружающий мир глазами мудреца, лишённого религиозной ограниченности. Со страниц записок вырисовывается облик писателя широких взглядов, позволивших ему глубже понять на чужбине величие Руси и русского народа и вместе с этим проникнуться глубоким уважением к народам Востока, к их культуре, их обычаям и нравам.

Своим сочинением Афанасий Никитин не только расширил географические границы, но и дал новое представление о народах мира, о человечестве. Он открыл людям, что земли не оканчиваются пределами трех морей, они простираются и дальше. За этими морями лежат другие моря и другие страны. В них живут такие же люди, хотя они и отличаются по верам и обычаям друг от друга.

Во время путешествия у него сложилось убеждение, что человечество разобщено не только пространством и религиями, но и социальными, сословными перегородками. Сознывая, что подобное мнение не может быть одобрено на Руси, он скрывал свои мысли в записях на непонятной для русских людей языковой смеси. Этим обстоятельством, очевидно, объясняется та скрытая грусть, которую мы улавливаем в повествовании, несмотря на ка-

жущуюся объективность и эпически спокойный тон описаний. Затаенная скорбь звучит в его раздумьях о неустроенности народов на земле, в воспоминаниях о родине, в мечте о согласии и равенстве народов.

Перед его мысленным взором все время стояла родная Русь, ради интересов которой он предпринял «хождение за три моря». Рассказывая о природных богатствах чужих земель, он постоянно возвращался мыслью к родной стране: «Русская земля да будет богом хранима! Боже, сохрани ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя бояре в Русской земле несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость».

Хожение за три моря» принадлежит к числу ярких памятников древнерусского языка. В его основе лежит русская народная речь. По литературным взглядам того времени хождения должны отличаться простотой, точностью и ясностью изложения, риторический, приукрашенный стиль отвергался в подобных произведениях. Один из зачинателей жанра древнерусских хождений игумен Даниил в самом начале XII века провозгласил, что писать произведения подобного рода надо «не хитро, но просто». Впоследствии новгородцы Добрыня Ядрейкович (XIII век), Стефан (XIV век), Игнатий Смольняни (конец XIV века) и другие широко пользовались разговорной речью в своих путевых записках.

В хождении нет пословиц и поговорок, характерных для народной речи, или каких-либо фольклорных влияний, но, несмотря на это, записки Афанасия Никитина и по содержанию, и по языку относятся к произведениям народным, они пронизаны народными взглядами и написаны народным языком.

Афанасий Никитин избегает прямых оценочных эпитетов или оценочных определений. Лишь в единичных случаях встречаются определения типа «изгибло люду доброго». Особый интерес представляет использование в хождении иноязычной лексики и фразеологии. По подсчетам Ю. Н. Заводовского, арабских слов в записках Афанасия Никитина около 280, и все они употреблены как элементы иранской или тюркской речи. Индийские слова, по выводам исследователя, сравнительно редки, что дает возможность предполагать, что язык хинди Афанасий Никитин мог знать поверхностно. «Зато,— пишет Ю. Н. Заводовский,— Афанасий Никитин, видимо, хорошо владел разговорной татарской, таджикской и иранской речью» (Ю. Н. Заводовский. К вопросу о восточных словах в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина. Труды института востоковедения, вып. 3-й. Ташкент, 1954).

Иноязычная лексика и фразеология применяется с различными целями. Во-первых, иногда писатель вынужден был прибегать к ней, потому что не находил в русском языке адекватных слов, поскольку не было на Руси и тех предметов, которые встречал путешественник в восточных странах. При этом сказывалась и привычка к чужой речи, особенно после длительного пребывания в иноземной языковой стихии. Некоторые иноязычные слова стали

привычными Афанасию Никитину и вошли в качестве элемента его индивидуальной речи, хотя русскому читателю эти иноземные слова были непонятными, а писатель не счел необходимым их объяснить. Такие, например, фразеологические обороты вряд ли мог понять современный Афанасию Никитину читатель: «а гарипов (иностранцев.— Н. П.) не пускают во град», «то везде булгак (мятеж.— Н. П.) стал».

Во-вторых, иноязычные слова и фразеологические обороты используются в качестве сознательного литературного приема, предназначенного для того, чтобы придать изображаемому местный колорит. Это особенно видно в тех случаях, когда дается пояснение иноземным словам. «Поехали мимо Хазтаракан, а месяц светит, и царь нас видел и татарове нам кликали: «Качма, не бегайте»; слово «качма» точно переведено — не бегайте».

В-третьих, иноязычный текст предназначен для того, чтобы скрыть недозволенные мысли, своего рода шифровка. Так, Афанасий Никитин иноязычным текстом счел нужным выразить мысль о несправедливости бояр на Руси, о недостойном поведении женщин на постоялых дворах в мусульманской Индии и др. Этот прием, не встречающийся в других древнерусских путевых записках, характерен лишь для языка хождения Афанасия Никитина.

Иногда утверждают, что Афанасий Никитин принадлежит к числу древнерусских писателей, не получивших специальной выучки, что его записки по своему стилю «безыскусственны». Однако простота повествования, стиля и языка требовала не меньшего литературного умения, не меньшей выучки и мастерства, чем риторический, приукрашенный стиль типа «плетения словес». И здесь Афанасий Никитин достиг высокого совершенства.

Хожение за три моря» Афанасия Никитина не потеряло своего значения и для наших дней. Оно представляет несомненную ценность и как исторический источник для изучения средневековой Индии и Московской Руси, и как памятник живого русского языка XV века, и как произведение очерковой литературы, отразившее глубокий патриотизм русского народа и общечеловеческие, народные устремления к миру и согласию между людьми, независимо от их национальности и расовой принадлежности, осуждение грабительских, несправедливых войн, то есть те благородные чувства и побуждения, которые не могут отойти в прошлое вместе с эпохой. По глубине мыслей и чувств, по выражению народных и общечеловеческих чаяний, по простоте литературного оформления «Хождение за три моря» принадлежит к великим произведениям очерковой литературы древней Руси. Академик И. И. Срезневский имел все основания считать, что этот литературный «памятник в своем роде и для своего времени... в такой же мере единственный и важный, как и „Слово о полку Игореве“» (И. Срезневский. Хождение Афанасия Никитина за три моря. 1857).

Н. И. ПРОКОФЬЕВ
Рисунок Б. Захарова

НАШИМИ знаниями об отдаленных временах Киевской Руси XI—XIII веков мы во многом обязаны древнерусским летописям. Они донесли до нас рассказы о начале Русской земли, о древних русских князьях, их жизни и делах. Однако, как правило, биографические сведения попадали на страницы летописи лишь после смерти князей в качестве своеобразных некрологов. Поэтому в системе средневековых стилей образы князей нередко идеализированы, раскрыты в так называемой «житийной» манере.

«Такой идеализирующий, житийный стиль, который получил название *агиографического* (от греческого слова *агиос* — «святой»), отличался традиционным набором образно-выразительных средств и был свойствен большинству княжеских биографий. И все же в XI—XII веках нередко уже проступают сквозь литературную условность черты реального образа героя и современной ему действительности.

Особенности стиля ПОВЕСТИ ОБ УБИЕНИИ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО

Развитие повествовательного стиля в литературе древней Руси преодолевало рамки византийского житийного красноречия, книжной риторики. Древнерусские авторы смелее обращались к фактам, почерпнутым из жизни, к документальной точности рассказа о лице и событии. Подчас допуская свободу в трактовке литературных деталей, они стремились в целом уйти от вымысла, который неизбежен в собственно агиографии, где в качестве обязательного составного элемента рассказа выступает чудо.

Замечательный памятник конца XII века «Повесть об убиении Андрея Боголюбского» дошел до нас в составе Ипатьевской летописи, написанной в XV веке и найденной в прошлом веке в Ипатьевском монастыре около Костромы. Однако ученые считают, что повесть об Андрее Боголюбском была создана около 1200 года и тогда же вошла (по указанию князя Рюрика Ростиславича) в Киевский летописный свод 1200 года.

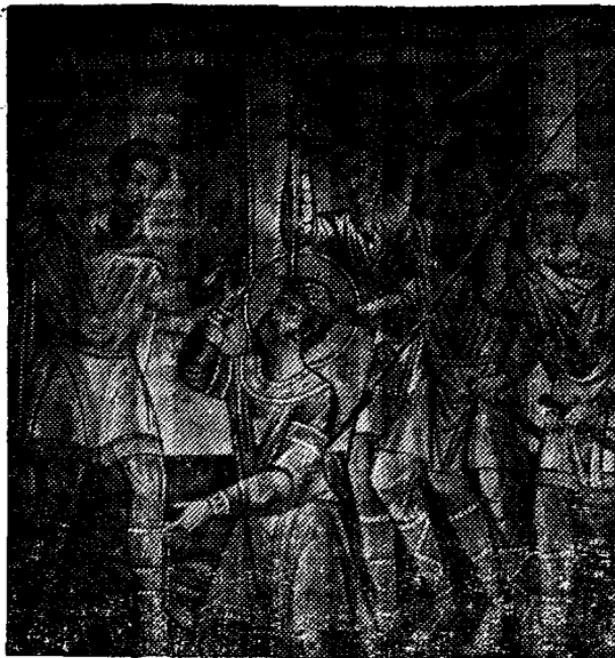
Светский, мирской колорит, пафос утверждения, прославления «деяний» князя Андрея Юрьевича позволяют преодолеть житийную условность княжеского некролога, помогают читателю почувствовать живую атмосферу той далекой эпохи. Все это сближает повесть с созданным примерно в то же время (на рубеже XII и XIII веков) шедевром древнерусской литературы «Словом о полку Игореве».

Герои «Слова о полку Игореве» — князь Игорь Святославич, его брат «буй-тур» Всеволод, другие русские князья — бросают вызов не только вражескому половецкому стану, но и силам природы, которые предрекают им военное поражение. В свою очередь герой «Повести об убиении Андрея Боголюбского» князь Андрей Юрьевич так же активно противостоит роковому стечению обстоятельств. В соответствии с представлениями о княжеской и воинской чести он показан сражающимся до конца. Борясь с заговорщиками в темноте дворцовых покоев Боголюбова, Андрей поверг одного из них: «он же похвати одного из них връже под ся, и борящеса с ними крепко, бе бо князь силен велми...».

Не о христианских добродетелях князя-«мученика», погибшего в результате предательства своих приближенных, говорит здесь летописец. В энергичных выражениях: «похвати одного из них» [схватил одного из них], «връже под ся» [бросил под себя], — передана напряженность смертельной схватки в княжеских покоях. Эпитеты «борящеса... *крепко*» [сильно, упорно] и «бе бо князь *силенъ велми*» [очень силен] подчеркивают вполне земную, физическую силу князя Андрея.

Смерть князя отнюдь не имела вида добровольной жертвы. Будучи тяжело ранен, Андрей укрылся за столбом лестничной башни, стал звать на помощь. Заговорщики услышали его голос

Сцена
убийства
Андрея
Боголюбского.
Фреска
XVIII века
из лестничной
башни
Боголюбского
замка

и, вернувшись, доби́ли князя: «он же начат от сердца рыкати в болезни, им прочь пошедшим, они же глас его услышавше воротишася и налезше его ту и скончаша».

Возвращение убийц — своеобразный повтор действия.

Повторы в тексте «Повести об убиении Андрея Боголюбского» появились не просто в результате сведения автором воедино нескольких ранних текстов произведения. Здесь, очевидно, следует говорить о художественном методе древнерусского писателя. Академик Д. С. Лихачев в этой связи отмечает, что «бинарность [от лат. *binarius* — двойной, двойственный] средневекового мировоззрения, постоянное противопоставление материального духовному, доброго злему, божественного человеческому и пр. вели к тому, что бинарность стала одним из излюбленных принципов синтаксического построения прозы» (Д. С. Лихачев. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв. — Труды отдела древнерусской литературы. Т. XX, М. — Л., 1964).

Отмеченная Д. С. Лихачевым «бинарность построения стили художественного произведения», не противоречащая народно-сказовым влияниям на произведения древнерусской литературы, проявляется и в «Повести об убиении Андрея Боголюбского», и в «Слове о полку Игореве», например, в двойном обращении к Боя-

ну в начале «Слова», в двучастности эпизода с солнечным затмением и так далее.

Влияние народно-сказовой поэтики в «Повести об убиении Андрея Боголюбского» проявилось не только в текстовых повторах, но и в широко представленных здесь плачах. Они также влияли на ритмическую структуру текста, на его эпический колорит. И «Повесть об убиении Андрея Боголюбского», и «Слово о полку Игореве» — «печальные повести» по своей теме, и во многом их стилевые особенности обусловлены поэтикой плачей.

Д. С. Лихачев считает, что к концу XII — началу XIII века на Руси складывается новая литературная традиция, школа, произведения которой органически совмещают стилевые черты плачей и слав — песенных прославлений. Плач русских жен, близкий по сути к плачу «Сон и золотое слово Святослава», знаменитый плач-моление Ярославны своей явственно устно-поэтической природой сближают «Слово о полку Игореве» с народно-сказовой поэтикой плачей. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского», как и в «Слове о полку Игореве», трехсложная структура плача закреплена в композиции произведения. В «Слове» три плача — русских жен, Святослава Киевского и Ярославны. В «Повести» их также три: умирающего от смертельных ран Андрея Боголюбского, Кузмища Киянина и владимирских людей у Серебряных ворот города при встрече тела князя. Центральными композиционно являются плачи Святослава Киевского и Кузмища Киянина. Впрочем, принцип трехчленности композиции и структуры являлся обычным в произведениях древнерусской ораторской прозы, в особенности домонгольского периода.

Со страниц «Повести об убиении Андрея Боголюбского» встает образ видного сподвижника князя, имевшего, вероятно, прямое отношение к благоустройству Владимирской земли, к украшению ее прекрасными белокаменными зданиями, — Кузмища Киянина. Академик Б. А. Рыбаков видит в нем лицо, ответственное за поставку дорогих материалов, декоративных и иных убранных для дворцов и храмов Боголюбова и Владимира.

Кузмище не боится вступить за своего князя. Он обращается с упреком к стоящему «на сених дворца» в Боголюбове главарю заговорщиков Амбалу Ясину, вынуждает его спустить вниз, на дворцовую площадь, ковер, которым Кузмище укрывает тело убитого князя. Образом Кузмища в «Повести» создается живая атмосфера того времени, передающая реальную обстановку, царившую в Боголюбове и Владимире после убийства князя Андрея Юрьевича.

Плач Кузмища далек от христианского ханжества, это плач-прославление заслуг погибшего князя в победах над врагами, в

укреплении авторитета своего княжества, в строительной деятельности. Сочетание мотивов плача и славы — характерная особенность Ипатьевского списка-редакции «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Здесь видно то же сочетание эпического и лирического планов произведения, которое отличает и «Слово о полку Игореве».

Именно лирический пафос «Повести об убиении Андрея Боголюбского» позволил академику Б. А. Рыбакову считать Кузмищу Киянина автором произведения. Примечательно использование в тексте украинизма «паробьци», что указывает на южнорусское происхождение редакции повести в Ипатьевской летописи и увеличивает вероятность признания Кузмища Киянина создателем произведения.

Книжно-литературные и народно-сказовые элементы стиля «Повести об убиении Андрея Боголюбского» отчетливо проявляются в структуре трех плачей. Первый из них строго трехчasten, во втором легко усматривается его двучастность, третий отличается единством и нерасчлененностью.

Если первый плач по своему стилю носит более книжный характер, второй — смешанный книжно-устнопоэтический, то третий — более других приближен к фольклору. Это плач владимирского народа, вспоминающего заслуги князя и провожающего его в последний путь: «и поча весь народ плача молвити. оуже ли Киеву поеха господине в тоу церковь теми Золотыми воротаы их же делати послал бяше. тои церкви на велицемь дворе на Ярославле, а рекъ хочю создати церковь таку же ака же ворота сы золота. да будетъ память всему отечеству моему и тако плакася по немъ весь град».

Владимирцы высоко оценивают намерение Андрея Боголюбского послать в Киев из своей северной столицы мастеров для обновления знаменитых Золотых ворот и церкви на Ярославовом дворе «на память всему отечеству». Народ в этом плаче выступает как подлинный носитель государственно-политического начала, он — высший суд князю и его деятельности. Такова патриотическая позиция автора «Повести об убиении Андрея Боголюбского» в Ипатьевской летописной редакции, обусловившая синтез черт книжно-литературной и устно-сказовой поэтики, характерный для древнерусской литературы предмонгольского периода.

Прославление и плач идут здесь бок о бок, напоминая еще раз о близости литературной традиции «Повести об убиении Андрея Боголюбского» и гениального «Слова о полку Игореве».

Г. Ю. ФИЛИППОВСКИЙ

Владимир

Рисунок С. Гавриловой

В. В. Иванов,
З. А. Потиха.

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
КОММЕНТАРИЙ
К ЗАНЯТИЯМ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ
В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ**

Издательство «Просвещение» выпустило учебное пособие для учителей «Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе» (М., 1978), написанное известными советскими учеными доктором филологических наук, профессором В. В. Ивановым и доктором педагогических наук, профессором З. А. Потихой. Ставя перед собой вполне определенную практическую задачу — дать учителю средней школы научный справочник по истории русского языка, авторы знакомят читателя с историей фонетических, морфологических и синтаксических явлений, изучаемых в школьном курсе русского языка. В книге также рассказывается о происхождении и развитии значений слов, об истории их написания, обращается особое внимание на исключения и «отклонения» в современном русском языке, которые кажутся загадкой, если не знать истории языка.

В. И. Ленин подчеркивал: «Самое падежное в вопросе общественной науки... — это — не забывать основной истори-

ческой связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 39, с. 67). Стремясь связать преподавание русского языка с его историей, сделать процесс обучения исторически осмысленным, авторы опираются на сложившиеся традиции отечественной науки об истории русского языка, и прежде всего на труды Ф. И. Буслаева, А. А. Шахматова, Ф. Ф. Фортунатова, В. В. Виноградова, Л. А. Булаховского, Ф. П. Филина, Р. И. Аванесова и других.

Исторический подход к рассмотрению языковых фактов — наряду с функциональным (синхронным) — является одним из важнейших принципов научного владения языком. Для истолкования многих явлений современного русского языка оказывается необходимым исторический комментарий, объяснение того, что кажется непонятным, выходящим за пределы той или иной закономерности. Так, изменения в корне слов типа *сон — сна, день — дня* на фоне других регулярных противопоставлений, где не происходит выпадения гласных (*стол — стола, пол — пола, квас — кваса, мир — мира*), кажутся исключением и объясняются, начиная с первой русской грамматики М. В. Ломоносова (1755), появлением и исчезновением беглых гласных *о* и *е*. Это явление относится в современном русском языке к

морфологическим чередованиям, свойственным определенному кругу слов. Трудно установить здесь какую-либо закономерность, предложить определенное научное объяснение фактов. Они — в истории языка: это отражение закономерного фонетического процесса падения редуцированных (ослабленных) гласных *ъ* и *ь* (XII — начало XIII в.).

Многие явления в современном русском языке лучше усваиваются, если объяснить их происхождение. Почему, например, в слове *жизнь* после твердого звука *ж* пишется *и*? Как произошли и чем отличаются друг от друга слова *страна* и *сторона*, *небо* и *нёбо*, *град* и *город*? Почему разные корни у близких по значению слов *звук*, *звон* и *звякнуть*? Почему говорят *два часа*, но *нет ни часа времени*? Что за форма *старче* в «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина: «Чего тебе надобно, старче?» и чем она отличается от слова *старик*? Почему в басне «Щука и Кот» И. А. Крылова сказано: «Беда, коль пироги начнет *печи* сапожник...», а не *если... печь*? и т. д. Ответы на эти и многие другие вопросы, ежедневно возникающие в практике преподавания русского языка в школе, и содержит книга В. В. Иванова и З. А. Потихи.

«Исторический комментарий» дает не отдельные разрозненные сведения по истории языка, а описание целостной системы древнерусского языка в его развитии. Именно это и нужно в первую очередь школьному учителю, а также всем, кто серьезно интересуется русским

языком. Раздел фонетики рассматривает, например, такие вопросы: строение слога в древнерусском языке, определяющее основные черты звукового строя языка в дописьменный и частично в письменный период: закон открытого слога, тенденция к возрастающей звучности, слоговой сингармонизм; состав и изменение системы гласных и согласных древнерусского языка: падение редуцированных, судьба «ять» в русском языке; и многие другие. Отметим, кстати, что представляется чрезвычайно полезным приведенный здесь список слов, в корне которых был прежде «ять».

В разделе морфологии показаны явления, которые могут быть поняты и объяснены с учетом исторических процессов в развитии морфологического строя древнерусского языка. Это прежде всего упрощение системы словоизменяемых форм, усиление их абстрагированности. Иными словами, читатель познакомится с теми процессами, которые постепенно приводят к современной русской морфологии. Вместе с тем авторы обращают особое внимание на формы, которые по разным причинам сохранили «старый», архаический вид. Так, в современном языке наряду с прилагательными *двухэтажный*, *двухместный*, *двухчасовой* есть *двудольный*, *двужильный*, *двубортный*, элемент *дву-* здесь — числительное *два* (др.-русск. *дъва*) в родительном-предложном падеже двойственного числа, утра-

ченного в XIII в.; в устойчивых сочетаниях сохранились старые формы винительного падежа одушевленных существительных, совпадавшие исконно с именительным: *брать в жены, выйти в люди, произвести в офицеры* (современное употребление: *брать новых людей в отряд, попасть во вражеских офицеров* [о пулях, гранатах]); «...И оставило на бреге Тридцать три богатыря...» (Пушкин. Сказка о царе Салтане), в современном языке: *оставить в дозоре трех бойцов* и др.

В книге анализируются и синтаксические явления, представляющие интерес с точки зрения исторического разви-

тия языка. Пособие содержит интересно составленные «Познавательные задачи при обучении русскому языку» и список литературы для учителя.

Материал книги связан с тематикой занятий по русскому языку в средней школе, так что учитель может использовать его в качестве исторических справок непосредственно на уроке, а также в кружках и на олимпиадах по русскому языку. «Исторический комментарий» В. В. Иванова и З. А. Потихи поможет ликвидировать одно из «узких мест» в преподавании русского языка в средней школе, полнее раскроет картину развития нашего языка.

Л. А. НОВИКОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Вопросами, связанными с цитированием различных произведений, интересуется Ж. Шинкевич из Хабаровска.

Рекомендуем: «Справочник по правописанию и литературной правке» Д. Э. Розенталя (любое издание), «Справочную книгу корректора и редактора» под общей редакцией А. Э. Мильчина (М., 1974).

ОЛИМПИЙСКИЕ
АРЕНЫ
МОСКВЫ
И ЛЕНИНГРАДА

Всем знакомо это название, связанное с Центральным телевидением. По приблизительным подсчетам, телерепортажи с Олимпиады-80 будут смотреть 2 миллиарда человек.

Останкино — одно из интереснейших мест нашей столицы. В недалеком прошлом здесь находилось большое подмосковное село, тесно связанное с русской историей и культурой. Впервые оно упоминается как деревня Осташково в межевой книге по Московскому уезду за 1558 год и числится за Алексеем Сатиным, выступавшим против внутренней политики Ивана Грозного. Казнив Сатина, Иван Грозный подарил Осташково жене, а затем одному из опричников. В 1620 году усадьба Останкино была пожалована царем Михаилом Федоровичем князю И. Б. Черкасскому, а в середине XVIII века она перешла к роду Шереметевых, которые путем выгодного брака объединили в своих руках огромные богатства. С этого времени Шереметевы владели Останкиным до Октябрьской революции.

*

Откуда же произошло название Останкино? Очень часто названием села или деревни становится имя или фамилия первопосе-

ленца, наиболее знаменитого владельца, например Дмитрово, Ивановское, Колычево и др. Иногда населенный пункт именуется по церкви, возведенной в нем, например, Архангельское, Никольское, Троицкое и т. д. Вероятно, название Останкино происходит от имени никому теперь не известного первопоселенца по имени Остан (Останка, Останок) или Осташ (Осташка, Осташок). Этот ничем не примечательный человек несколько веков тому назад получил за службу или купил лесной участок, раскорчевал его, расчистил под пашню, поставил здесь деревню, которую стали называть — Останкина деревня или Осташкина. Осташково заменилось на Останкино вероятно потому, что имя Остан воспринималось как более высокое, литературное, нежели Осташ.

Оба эти имени — *Остан* и *Остац* — являются русифицированными формами одного греческого имени *Евстафий*.

Подобному изменению в русском языке подвергались многие греческие имена, пришедшие на Русь с принятием христианства, например, *Евфросинья* → *Офросинья* → *Опросинья* (*Апросья*, *Просья*, *Фросья*; *Проська*, *Фроська* и т. д.). Имя *Евстафий* было широко распространено у русских в XVI и XVII веках и бывало в виде множества различных вариантов: *Астан*, *Астах*, *Остан*, *Остан*, *Остафий*, *Осташ*, *Стах*, *Стахей* и др. От этих форм имени *Евстафий* впоследствии произошли названия городов и населенных пунктов, фамилии, в частности: г. *Осташков*, станция *Астаново*, где скончался Лев Толстой (ныне станция *Лев Толстой*). С этим именем связаны и фамилии известных литературных героинь: Елена Стахова — героиня романа И. С. Тургенева «Накануне», Аксинья Астахова из романа М. Шолохова «Тихий Дон» и др.

*

В конце XVIII века в Останкине графом Н. П. Шереметевым был построен дворец в стиле раннего классицизма. К его строительству на разных стадиях было привлечено много русских и зарубежных архитекторов, таких как П. Аргунов, А. Миронов, Э. Назаров, Д. Кваренги, Ф. Кампорези и др. Дворец производит сильное впечатление гармонией линий, соотношением его отдельных частей, тем, что он построен из дерева. Но еще большую художественную ценность представляет внутреннее убранство дворца, выполненное руками крепостных. Здесь много резных украшений на дверях и окнах, резных ваз и люстр, канделябров, Все они сделаны из дерева, но, будучи позолоченными, кажутся тончайшими бронзовыми изделиями. Расписные потолки, мозаичный паркет, скульптурные печи, мебель — все это говорит о

высоком профессиональном мастерстве и художественном гении русских крепостных мастеров.

Из Франции и Италии присылали неведомые им образцы, из Петербурга следовал строгий наказ — сделать так, чтобы «все походило на Рафаэлевы ложи». И несмотря на то, что их сознанию мало что говсрили фигуры грифонов, богинь и амуров, они чутьем угадывали прекрасное в линиях и формах этих фигур и с большим мастерством и вдохновением воплощали их в дереве. Повседневный труд крепостных, создававших Останкинский дворец, был изнурительным, нередко сопровождавшимся наказаниями за то, что не достаточно точно и быстро выполнено задание. Но художественный гений мастеров превозмог все трудности и воплотился в совершенном по своей красоте творении.

Шереметев был страстным любителем театра и музыки. Он создал при дворце из крепостных крестьян театральную труппу, в состав которой входили замечательные актеры. Яркой звездой среди них была П. И. Жемчугова (Ковалева), ставшая позднее женой Шереметева. Он сам выдумал легенду о «благородном» происхождении этой крепостной актрисы, которая якобы была не дочерью московского кузнеца Ковалева, а дочерью польского шляхтича Ковалевского, пришедшего когда-то на службу к Шереметевым.

Память об этой замечательной, рано умершей актрисе запечатлена в одном из московских названий — в 1970 году одна из аллей парка в Кускове названа аллеей Жемчуговой. В 1966 году 1-й Останкинский проезд был переименован в улицу Аргуновскую.

Новая история Останкина начала бурно развиваться после 1959 года, когда поблизости на базе трех выставок (промышленной, сельскохозяйственной и строительной) была открыта постоянно действующая Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ). В Останкине, на берегу пруда, напротив знаменитого Останкинского дворца, в котором теперь размещается Музей творчества крепостных мастеров, находится и самое высокое сооружение в мире — Останкинская телебашня.

*Г. П. СМОЛИЦКАЯ,
М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ*

Рисунок В. Комарова

Летом Ленинград гостеприимно распахнет двери для участников Олимпийских игр. В город приедут футболисты, чтобы сразиться в четвертьфинальных играх за право обладать путевкой в полуфинал. Игры будут проходить на стадионе имени С. М. Кирова. Ленинградцы свой самый большой стадион называют просто *Кировским*. Он находится на Крестовском острове — одном из многочисленных островов, на которых расположен город.

*

Названия островов могут иногда рассказать нам о многом, например, о тех промыслах, которые были на островах, об их географических особенностях, о растительности, которая в изобилии была на них, и о многом другом. Одни острова со временем, вероятно, потеряли свои названия, другие, возможно, их никогда и не имели. Острова без названия именуются безымянными. По данным на 1972 год таких островов в Ленинграде насчитывалось десять. Какие же названия имеют острова, на которых стоит наша Северная Пальмира? Острова в дельте на правом берегу Невы называются: Петроградский (бывший Березовый), Заячий, Кронверкский, Аптекарский, Крестовский, Трудящихся (бывший Каменный), Елагин, Петровский, Декабристов (бывший Голодай), Васильевский и т. п. Острова в дельте на левом берегу именуются: Адмиралтейский, Ново-Адмиралтейский, Новая Голландия, Матисов, Коломенский, Казанский, Капоперский, Гутуевский, Резвый, Грязный, Галерный, Екатерингофский и т. п.

Крестовский остров является одним из самых больших. Его площадь составляет 420 гектаров. Существует ряд объяснений возникновения его наименования. Авторы книги о происхождении названий улиц, площадей, островов, рек и мостов Ленинграда «Почему так названы?» (Л., 1975) К. Горбачевич и Е. Хабло пишут: «Одни связывали это название с крестообразной формой озера, якобы находившегося здесь, другие указывали на находку на острове какого-то большого креста, третьи полагали, что поводом для наименования острова послужила часовня с крестом, упоминаемая в писцовой книге XVI века. Некоторые считают, что остров назван так потому, что просеки на нем были проложены крест-накрест».

Крестовским островом владели царевна Наталья Алексеевна — сестра Петра Первого, графы Миних и Разумовский, князь Белосельский-Белозерский и др. Делались попытки изменить его название. Так, например, на плане Петербурга 1717 года этот остров можно найти под названием *Остров Св. Натальи*. После того, как в 1731 году императрица Анна Иоанновна подарила остров графу Б. Х. Миниху, было предписано называть остров *Христофоровым* или *Христофоровским*. В России Миниха звали Христофором Антоновичем. Несмотря на то, что наименования *Христофоров* и *Христофоровский* и употреблялись в документах, они все же не остались на географической карте. В XIX веке остров становится местом прогулок и увеселений. На нем строятся развлекательные сооружения: «русские горы», качели, карусели и т. п. В 1846 году здесь появляется Петербургский речной яхт-клуб. Яхтой в те времена называли «небольшое однопалубное судно, употребляемое для переезда знаменитых лиц или для потешного плавания на нем» (Словарь церковно-славянского и русского языка. 1847). На специальной площадке Крестовского острова в конце 80-х годов XIX века занимается «Кружок любителей бега». Здесь же проводятся первые в России состязания по легкой атлетике. В 1907 году на кортах острова проходят соревнования на первенство России по лаун-теннису.

*

После Великой Октябрьской социалистической революции остров заметно благоустраивается. В 1920 году на Крестовском создается общество плавания под названием «Дельфин». Через пять лет в центре острова строится стадион «Динамо». Появляются другие стадионы, спортивные площадки, гребные клубы. По проекту группы архитекторов, возглавляемой известным зодчим А. С. Никольским, в 1932 году начинаются работы по строительству

ву большого спортивного комплекса. Внезапное нападение фашистской Германии на нашу страну прервало их. В 1950 году большой стадион на Крестовском острове был открыт и ему было присвоено имя выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства С. М. Кирова. Сейчас это имя носят многие города СССР. На карте нашей Родины можно найти города: Киров, Кировабад, Кировск, Кировоград, Кировск и др. Именем С. М. Кирова названы улицы и проспекты, площади и парки, заводы и дворцы культуры, театры и учебные заведения. В Ленинграде имя С. М. Кирова присвоено крупнейшему заводу, одному из ведущих театров страны — театру оперы и балета, самому красивому мосту, одному из самых больших проспектов, дворцу культуры, учебным заведениям и т. д. В декабре 1934 года имя С. М. Кирова было дано Центральному парку культуры и отдыха, открытому в 1932 году на Елагином острове. В 1934 году три острова: Елагин, Каменный и Крестовский были объединены общим названием *Кировские*.

На Кировских островах расположены дома отдыха и санатории, парки, спортивные площадки, гребные базы, пляжи, лодочные станции.

В разговорной речи слово *остров* в сочетаниях *Елагин остров*, *Каменный остров* и др. часто опускается. Так, например, наряду со словосочетанием *Крестовский остров*, говорят *Крестовский*.

Название *Крестовский* использовал А. Н. Толстой в романе «Гиперболоид инженера Гарина»: «В полночь в шестнадцатом отделении милиции был вызван к телефону дежурный. Торопливый голос проговорил ему в ухо: — На Крестовский, на дачу, где позавчера было убийство, послать немедленно наряд милиции...». Существительное *Крестовский* было создано по законам русского словообразования. Произошла так называемая неполная субстантивация. Прилагательное *крестовский* перешло в разряд существительных, но продолжает употребляться в роли прилагательного.

*

Кому только не принадлежал Крестовский остров. Имена владельцев стали достоянием истории, а старинное название острова живет и поныне.

В. Н. СЕРГЕЕВ

Рисунок В. Комарова

ОЛИМПИЙСКИЕ
ВИДЫ
СПОРТА

БОКС

Обмен знаниями при помощи жестов — так характеризуется бокс в остроумном английском выражении.

Современный бокс развился из древнейшего вида единоборства — кулачного боя. Об этом говорят нам, например, каменные плитки с изображением кулачного боя, найденные в окрестностях Багдада, которым, по мнению специалистов, не менее пяти тысяч лет. В Древней Греции кулачные поединки входили в систему физического воспитания молодежи и проводились на традиционных состязаниях наряду с бегом, метанием копья, диска, борьбой и др. Вот как Гомер описывает такой поединок в «Илиаде»:

Бросил он запон ему...

Подал ремни из степного вола, убитого силой.

Так обоясавшись оба, выходят бойцы на средину,

Разом один на другого могучие руки заносят,

Сшиблись; смешались быстро подвижников тяжкие руки.

Стук кулаков раздается по челюстям...

Кожаными ремнями, о которых здесь идет речь, бойцы обматывали кисти рук для предохранения их от повреждений.

Кулачные бои входили в программу Олимпийских игр Древней Греции. Известно, что одним из чемпионов по кулачному бою был великий математик древности Пифагор.

В Древней Руси «кулачки, кулаки» были удалой молодецкой забавой. В былинах о Василии Буслаеве говорится:

От малого до старого
начали уж ребята бороться,
а в ином кругу в кулаки битися.

Традиционными были два вида кулачного боя — массовый бой «стенка на стенку» и единоборство. По праздникам и воскресным дням собирался народ помериться силой. Противники шли друг на друга «стенкой» — плотными рядами бойцов. Задачей «стенки» было выбить противника с площадки.

В «стенке» последовательно выдвигались три боевые линии. Сначала подростки 13—16 лет завязывали бой, затем подключались юноши 17—19 лет и молодежь 20—24, а потом выступала основная ударная группа — женатые. Бои проводились по неписанным правилам: бить можно было только голым кулаком или кулаком в рукавице, запрещалось закладывать в кулак тяжелые предметы с целью усилить удар, делать подножки и бить упавшего противника.

Одно из описаний единоборства мы встречаем в «Песне про... купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова:

Как сходилися, собиралися
Удалые бойцы московские
На Москву-реку на кулачный бой...
Оцепили место в 25 сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.

Официальной датой возникновения соревнований по кулачному единоборству считается 1719 год, когда фехтовальщик Джемс Фигг провозгласил себя чемпионом Англии по боксу (английское *box* — удар). Бокс того времени не был похож на современный. Никаких правил, ограничивающих жестокость поединков не существовало: можно было бить ниже пояса, хватать за волосы, душить противника, наносить удары головой. В 1743 году появились первые правила соревнований по боксу, запрещавшие эти неспортивные приемы. С 1867 года боксерские встречи стали проводиться по правилам, обязывающим боксеров надевать мягкие кожаные перчатки. Эти правила послужили основой для соревнований на профессиональном и любительском рингах.

Английское слово *бокс* было заимствовано нашим языком, очевидно, в первой половине XIX века, и поскольку оно было

повым, производные от него образовывались по-разному. В «Разговоре о критике» А. С. Пушкина читаем: «Если б я сам был автор, то почел бы за малодушие не отвечать на нападение — какого бы оно роду ни было... посмотрите на английского лорда: он готов отвечать на учтивый вызов *gentleman* и стреляться на кухонрейтерских пистолетах или снять с себя фрак и *боксовать* (в этой и других цитатах курсив наш — С. Р.) на перекрестке с извозчиком».

В Словаре Даля находим глагол *боксовать* 'англ. слово, перенятое в наших гаванях, говоря о драке и задоре заморских матросов; кулачки, кулачный бой'. В произведении В. Одоевского «Черная перчатка» встречаем глагол *боксировать*: «[Владимир] знал тригонометрию, бухгалтерию, славно боксировал, ездил верхом и лазил по канатам». В конце XIX века было зафиксировано производное существительное *боксерство*: «В последнее время *боксерство*, преподаваемое по всем правилам искусства, введено в курс многих гимнастических школ в Германии...» (Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. IV. СПб., 1891). Вплоть до начала XX века бокс не получил достаточного развития в России (первые атлетические кружки, где преподавался бокс, начали появляться только в 90-х годах прошлого столетия), поэтому даже в художественных произведениях послереволюционного периода слово *бокс* употреблялось часто с определением *английский*: «Жухрай неожиданно предложил: — Хочешь, научу тебя драться по-настоящему?.. И Павка прослушал первую короткую лекцию по *английскому боксу*» (Н. Островский. Как закалялась сталь).

Приведенные примеры показывают сложный путь образования русской терминологии бокса. Из трех глаголов — *боксовать*, *боксовать* и *боксировать* — только последний вошел в словарный состав современного русского литературного языка, потому что образован при помощи продуктивного суффикса *-ировать*. В образовании существительного *боксерство* видна попытка создать русское слово, обозначающее род занятий, но в современном русском языке это слово не закрепилось. Не говорят сейчас и *английский бокс*, поскольку в современной спортивной методике и практике почти ничего не осталось от старого английского бокса.

Первый чемпионат России проводился в 1913 году в Петербурге. Петербургский служащий Иван Граве дал в спортивных журналах такое объявление: «И. Б. Граве вызывает любого русского боксера-любителя на матч в *английском боксе* чемпионата России...». Приняли вызов всего три спортсмена. Победил И. Граве, выиграв у боксера, значительно превосходившего его в весе.

После Великой Октябрьской революции бокс в нашей стране стал массовым. В организованной весной 1918 года системе Всевобуча бокс входил в качестве обязательного предмета в программу «Защиты и нападения без оружия». Кроме того, занятия по боксу велись при отделе физического воспитания Военной медицинской академии.

В 1926 году состоялся первый чемпионат СССР по боксу, второй — в 1933. С тех пор первенства СССР по этому виду спорта стали проводиться ежегодно. Появилась плеяда молодых талантливых боксеров: Н. Королев, В. Михайлов, С. Щербаков.

В 1941 году многие видные боксеры СССР пошли добровольцами на фронт. Одни вернулись с войны героями, другие пали смертью храбрых. Легендарный советский боксер Николай Королев, отличавшийся на ринге неукротимой волей к победе, воевал в партизанском отряде. Однажды отряд окружили фашисты. Бой был неравный. Партизанам пришлось отходить. Николай Королев нес на плечах раненого командира. Внезапно раздались пулеметные очереди. Огонь велся из замаскированного дзота. Положив командира на землю, Королев пошел навстречу врагу. Фашисты прекратили огонь, решив, что партизан идет сдаваться. Отдав немецкому офицеру свой автомат, Королев вошел в дзот и, выбрав момент, кокаутировал находящихся там пятерых гитлеровцев. Затем забрал автомат и застрелил часового. За этот подвиг Николай Королев был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Терминология в советской школе бокса первоначально была целиком английской. Но затем растущая популярность этого вида спорта потребовала заменить не всем понятные названия ударов, движений и положений. Удары получили названия по структуре движения: *хук* стал называться *боковым ударом*, *апперкот* — *ударом снизу*, *стрейт* — *прямым*. *Инфайтинг* и *аутфайтинг* теперь соответственно называются *ближним боем* и *боем на дальней дистанции*. Однако многие термины по-прежнему английские: *боксер*, *ринг*, *рефери* (хотя чаще употребляется словосочетание *судья на ринге*), *кросс* (перекрестный встречный удар), *спарринг* (тренировочный бой), *сайд-степ* (удар с шагом в сторону), *нокаут*, *нокдаун*, *клинч*, *брек* и другие.

В олимпийскую программу бокс был включен в 1904 году. Советские боксеры впервые выступили на XV Олимпийских играх и заняли второе место. Затем трижды на XVI, XVIII и XIX Олимпийских играх сборная СССР добивалась победы.

С. В. РЕДЬКИН

Рисунок В. Комарова

Гимнастика — упражнения для приобретения физической силы и красоты тела — известна человечеству с давних пор. В Древнем Китае и Древней Индии она уже применялась в лечебных целях, но истинного расцвета гимнастика достигла в Древней Греции.

Огромное значение, которое придавалось гимнастике в Греции, отражало принципы воспитания молодых граждан. Греки считали, что умственное и моральное развитие достигается лучше всего в здоровом теле, что гармонического совершенства души и тела можно достичь только ежедневными физическими упражнениями и приобретением знаний и умений в области музыки, поэзии, истории. С этой целью детей с раннего возраста обучали музыке, танцам, разным наукам и обязательно гимнастике. Занятия гимнастикой греки проводили в специально отведенных местах — *гимназиях*. Сначала гимназии предназначались только для занятий гимнастикой, позднее в них стали проводить беседы философы, ученые, риторы. Слово *гимназия* происходит от греческого глагола *gymnázō* — 'упражняюсь, тренируюсь'.

Все занятия и соревнования участники проводили обнаженными, чтоб ничто не стесняло свободы движений, поэтому в словах *гимназия*, *гимнастика* отразилось значение древнегреческого слова *gymnós* — 'нагой, голый, обнаженный'.

Гимнастика греков включала в себя пять видов упражнений — борьбу, бег, прыжки, метание диска и копья. По ним проводились состязания во время торжеств в честь богов.

В наши дни гимнастика определяется словарями тоже как «физические упражнения, направленные к развитию и укреплению организма, воспитанию в человеке силы, ловкости, выносливости и т. п.». Но теперь мы понимаем под словом *гимнастика* совсем не те виды физических упражнений, что были в древности. Сейчас различают спортивную гимнастику, включающую вольные упражнения и упражнения на гимнастических снарядах, художественную, отличающуюся эмоционально выразительными движениями, имеющими характер танца и непосредственно связанными с музыкой, лечебную гимнастику, утреннюю и т. д. И ни один из видов гимнастики не включает в себя ни борьбу, ни бег на короткие и длинные дистанции, ни метание копья и диска. Почти все, чем занимались древние греки, называя словом *гимнастика*, мы теперь называем *атлетикой*.

•

С развитием, вернее — возрождением гимнастики как средства воспитания в XVIII веке в странах Западной Европы и России стал расширяться и усложняться набор упражнений для физического развития человека, и силовое противоборство — атлетика к концу XIX века уже окончательно отделилась от гимнастики как самостоятельный вид спорта.

То, что включалось в понятие *гимнастика* на заре ее развития, то есть «всестороннее совершенствование и укрепление человеческого тела путем физических упражнений», мы теперь называем словом *физкультура* (физическая культура), появившимся в русском языке уже в послереволюционное время.

В русский язык слово *гимнастика* вошло в конце XVIII века и зафиксировано впервые словарем Н. Яновского «Новый словоупотребитель, расположенный по алфавиту» (1803). Оно относилось только к физическим упражнениям Древней Греции, хотя «упражнения для приобретения телесного проворства и крепости» были известны на Руси еще в XVII веке. Прыжки, кувыркания и другие физические упражнения были частью скоморошьего действия и служили для потехи зрителей (что положило начало цирковому искусству). В начале XVIII века гимнастика была введена Петром I как обязательная система упражнений в армии.

Слово *гимнастика* для обозначения вообще специальных физических упражнений стало широко употребляться только к середине XIX века: «Я лазить умел отлично: гимнастика была моею специальностью еще в гимназии» (Достоевский. Подросток);

«Неужели ты опять был на гимнастике? — обратился он к Леви-ну, левой рукой ощупывая его мышцу» (Л. Толстой. Анна Каренина).

*

В России в XIX веке были наиболее известны две гимнастические системы: шведская и сокольская.

В основе шведской гимнастики лежит комплекс строго продуманных упражнений. Шведская стенка и шведская скамейка, имеющиеся в каждом спортивном зале, являются незаменимыми аппаратами всякой гимнастики и всем известны со школьных лет.

Сокольская система гимнастики зародилась в Чехии. «Сокол» — так называлось чешское гимнастическое общество, организованное в 1862 году. Это была первая массовая организация. Чешский педагог Мирослав Тырш стремился создать гимнастическую систему, приближающуюся к античным идеалам. Это получило отражение в виде красивых хороводов, вольных движений, построения живых пирамид и т. д. Сокольская гимнастика была более эмоциональной и развлекательной по сравнению со шведской.

Именно сокольская гимнастика с ее собраниями-слетами соколов (членов общества «Сокол») привлекала молодежь в первые годы после Октябрьской революции, когда еще не было у нас своей гимнастической системы.

Шведская стенка, шведская скамейка — спортивные термины, которые отразили распространение в России шведской системы гимнастики. Сокольская гимнастика тоже оставила свой след в русском языке. Это прежде всего появление у слова *слет* (действие по значению глагола *слетаться*) нового значения 'съезд, собрание членов, представителей какой-нибудь массовой организации' (См.: С. Л. Михлова. *Слет.* — «Русская речь», 1977, № 6).

*

К концу 30-х годов гимнастика перестала называться сокольской, в стране была создана своя гимнастическая система.

В. П. ФЕЛИЦЫНА

Рисунок В. Комарова

Оба эти слова широко употребляются в русском литературном языке и диалектах, но не имеют надежной этимологии, то есть до сих пор нет единого мнения о происхождении ни прилагательного *хороший*, ни глагола *хорохориться*. В данной заметке они рассматриваются вместе потому, что, возможно, образованы от одного и того же древнего корня.

В литературном языке прилагательное *хороший* характеризует предметы по признаку обладания различными положительными качествами. Среди его значений есть и 'красивый', которое реализуется в употреблении краткой формы прилагательного — *хорош*, например: «Богат, *хорош* собою, Ленский везде был принят как жених...» (Пушкин. Евгений Онегин). В просторечии и диалектах значение 'красивый' есть и у полной формы прилагательного *хороший*, например, в рязанских говорах записаны такие высказывания: «Она на лицо красивая, *хорошая*. Какой он сытый, мордастый был, *хороший*. А за *хорошего* выйдешь, нагбришься пуще (*нагбриться* — 'нагореваться, намучиться')». Интересно, что производный от прилагательного *хороший* глагол *хорошеть* связан именно со значением 'красивый', поскольку означает 'становиться красивее, интереснее, милостивее'. Это существенно отметить, так как в производных словах часто сохраняется первичное значе-

ние слова, от которого они образованы. Изучение употребления *хороший* в древнерусских текстах свидетельствует о том, что ранее других встречаются значения 'красивый' и 'прибранный, убранный'. Например, в Уставе монастырском XII века есть приписка: «покушати ('попробовать, испытать') пера, добро ль перо, тверда ль рука, добро ль ею писать, *хороше* ль писмя» (то есть 'красиво ли получается написанное'). В памятнике XIV века (Пандекты Никона Черногорца) читаем: «...видяше кълью его не *хорошо* ни пометену».

С другой стороны, древнерусское *хороший* имело, вероятно, также неизвестные современному литературному языку значения. Об этом свидетельствует существительное *хорошание* (производное от глагола, образованного в свою очередь от *хороший*), которое встречается в памятнике XIV века в значении 'заносчивое поведение': «...да ни деръзновения ни *хорошанья* бещанья ('бесчинного, безобразного') к старцемъ отъ тѣхъ быти» (Пандекты Никона Черногорца). Соответствующий глагол есть в белорусском языке *харашыцца* «хвастать, чваниться». В русских диалектах *хорошиться* употребляется в значении 'наряжаться, украшаться'. Вот пример из русской народной песни: «Утушка полощется, Девица *хорошится*, Белится, румянится, Бояре дивуются» (Великорусские народные песни, т. VII, 1902).

Таким образом, самым древним засвидетельствованным значением прилагательного *хороший* было 'красивый', а производные от него глаголы имеют значения 'становиться красивее', 'прихорашиваться' и 'вести себя заносчиво, чваниться'. На основе значения 'красивый' у прилагательного *хороший* позднее развивается отмеченное с XVI века значение 'такой, какой должен быть, обладающий различными положительными качествами, как внешними, так и внутренними'.

Теперь рассмотрим глагол *хорохориться*. Сближение этого глагола с *хороший* оправдано тем, что в обоих словах можно предполагать корень *хор-* (только в *хорохориться* он удвоен). В литературном языке и в большинстве диалектов *хорохориться* значит 'держаться заносчиво, задаваться, хвастаться'. Глаголу родственно диалектное существительное *хорохбра* 'задорный человек, хвастунишка'. Но в некоторых говорах наблюдаются интересные отличия от такого употребления этих слов: *хорохориться* может применительно к курице значить 'нахохливаться, надуваться', а вологодское *хорохбра* — 'растрепанная курица'. Калужское слово *хорохорки* означает 'тряпье', а курское *хорхоры* — 'нечистые отрепья, бахрома на поношенной одежде'. Наконец, в белорусских могилевских говорах *хыряхбня* значит 'человек, который прихорашивается с целью обратить на себя внимание'.

Известно, что значения слов, как правило, развиваются от конкретного к абстрактному. Поэтому можно предполагать, что развитие значений группы *хорохориться*, *хорохора* происходило следующим образом: *хорохора* (*хорохоря*, *хорхора*) первоначально обозначало разного рода торчащие перья, шерсть, тряпье, а глагол *хорохориться* соответственно значил 'топорщиться, нахохливаться'. Известно, что у птиц и зверей топорщащиеся, взъерошенные перья или шерсть являются элементами агрессивного поведения или брачного соперничества (причем у некоторых птиц к брачному периоду отрастает особенно длинное и пышное оперение). Поэтому вполне естественно, что на основе значения 'топорщиться' развилось у глагола *хорохориться* значение 'заноситься, храбриться', а на основе значения 'торчащие перья, шерсть' (и 'птица с торчащим оперением') у существительного *хорохора* появились значения 'заносчивый человек' и 'человек, который прихорашивается'.

Появление в группе *хорохориться*, *хорохора* значения 'человек, который прихорашивается', свидетельствует о том, что здесь могло развиваться значение 'красивый'. Это предположение подтверждается в историческом плане известными обычаями народов с архаичной культурой использовать в своих боевых и праздничных нарядах перья и шкуры животных. Оказывается, таким образом, что гнездо слов, связанных с *хорохориться*, и гнездо слов, связанных с *хороший*, близки не только по форме, но и по значениям. Значение 'красивый' являющееся древнейшим засвидетельствованным для прилагательного *хороший*, возможно и в гнезде *хорохориться*, а 'заноситься, чваниться', характерное для *хорохориться*, появляется в глаголах, производных от *хороший*. Эта близость форм и значений позволяет думать, что *хорохориться* и *хороший* образованы от одного и того же корня *хор-*. В глаголе этот корень удвоен, а в *хороший* к корню присоединен суффикс *-ош-* (ср. *пустошь* от *пустой*, *юноша* от *юный*).

Корень *хор-* известен и другим славянским языкам, например, хорватскому, где есть наречие *на хоного* «в сборку». Возможно, этот корень тождествен древнему славянскому корню *кор-* (с вариантами *скор-* и *хор-*), который обозначал различные шероховатые поверхности. К нему восходят, например, русск. *кора*, *шкура*, а также диалектное *хоравина* «шкура зверя».

*

Итак, есть основания полагать, что *хороший* и *хорохориться* — родственные слова. Первоначальным значением прилагательного *хороший* было, вероятно, 'топорщащийся', из которого развилось

затем его древнейшее засвидетельствованное значение 'красивый'. В образовании и развитии значений слов *хорохориться* и *хороший* отразились наблюдения древних славян за поведением животных, представление о связи между украшениями, убранством, красотой и заносчивым поведением, а также развитие на основе понятия внешних достоинств, красоты понятия положительных качеств вообще, как внешних, так и внутренних.

Ж. Ж. ВАРБОТ

Рисунок С. Гавриловой

Еще о слове БАЛАГАН

Этимологический этюд

В содержательной заметке В. С. Филипсова «Балаган» (1979, № 2) рассказывается об историческом развитии значения слова *балаган* в русском языке, но не затрагивается вопрос о происхождении этого слова, хотя он представляет несомненный интерес.

Известный русский лексикограф Ф. И. Рейф в своем двухтомном «Русско-французском словаре...» или этимологическом лексиконе русского языка» (СПб., 1835) указывал на связь русского слова *балаган* с персидским *балаганэ*, имеющим сейчас значения: «1) комната (на верхнем этаже), мезонин; 2) антресоли». Персидское слово исторически сложилось из двух частей: *бала* «верхний» + *ганэ* «помещение». В старом «Сравнительном словаре турецко-татарских наречий...» Л. З. Будагова (т. I, СПб., 1869) приведены такие сведения об употреблении этого слова также у тюркских народов: *балагана* — «верхний этаж дома с террасой,

бельведер, балкон (испорченное из персидского), кир. *балаган* навес, балдахин (перешло и в русск. *балаган*)». Это позволило этимологам говорить о заимствовании слова *балаган* русским языком не прямо из персидского, а через тюркское посредство. (Причем термином *киргизский* во времена Л. З. Будагова обозначался казахский язык). С этих пор во всех русских этимологических словарях существительное *балаган* стало рассматриваться как тюркизм. Однако персидское *балаханэ* в тюркских языках не могло фонетически измениться в *балаган*. В тех немногих тюркских языках Средней Азии, где имеется это персидско-таджикское заимствование, оно, употребляясь в значении 'легкая надстройка над первым этажом, второй этаж', сохраняет форму довольно близкую к персидско-таджикской: туркмен. *балахана* (устар.), киргиз. *балакана* (южн. диал.), узбек. *болохона*.

Подробно описывает среднеазиатскую балахану писатель К. А. Икрамов в повести «Круглая печать» (М., 1970): «Дорогой читатель, я пишу «чердак», чтобы не затруднять вас узбекским словом «балахана». На самом же деле балахана только отчасти похожа на чердак, и возможно, что лучше назвать ее мезонином. Но и мезонин не вполне похож на балахану. Прямо не знаю, как и быть. Балахана — это второй этаж узбекского дома, иногда высокий и приспособленный для жилья, иногда низкий, используемый для хранения продуктов и вещей не первой необходимости. Короче, это и мезонин, и не мезонин, это и чердак, и не вполне чердак».

Прежними этимологами не была принята во внимание разница в значении среднеазиатского слова *балахана* и русского *балаган*: балаганом никогда не называется надстройка над первым этажом, и временная грубая наземная постройка нигде не именуется балаханой. Несмотря на довольно большую звуковую близость при весьма малом и призрачном сходстве значений (постройки, обозначаемые словами *балахана* и *балаган* очень мало похожи друг на друга), эти слова, по-видимому, не могут быть отнесены к одному общему источнику.

Как показывают материалы выходящего сейчас «Словаря русского языка XI—XVII вв.» (вып. I, М., 1975), существительное *балаган* впервые встречается в Сибири в конце XVII — начале XVIII вв. Самое раннее его употребление (в уменьшительной форме *балаганец*) известно нам по «Житию протопопа Аввакума, им самим написанному» (1672—1673 гг.): «Такъ мы с робяты отгородились, балаганецъ здѣлавъ, огонь курили».

Исходная форма *балаган* известна нам в русских текстах с

несколько более позднего времени (под 1706 годом) из «Памятников сибирской истории XVIII века (кн. I, СПб., 1882): «3 балагана плетеня, съ печми, въ нихъ живутъ работные люди...».

В этих «Памятниках» есть и такие примеры, относящиеся к первой четверти XVIII века: «В прошлом же 709 году, будучи онъ Петръ на усть Камчаткѣ рѣкѣ, у Камчацкаго моря, собиралъ тебѣ великому государю ясакъ съ ясачныхъ и неясачныхъ иноземцевъ соболи добрые въ своею балаганъ одинъ, безъ служилыхъ людей» (кн. I); «Для жилья работныхъ людей срубленъ балаганъ деревянной, не мшоной, листовнишного лѣсу, шириною во всѣ стороны 7 аршинъ, вышиною аршина полтретя, покрыто драицами» (кн. II, СПб., 1885). В «Обзрении Российской империи в нынешнем ее новоустроенном состоянии, учиненном Сергеем Плещеевым» (СПб., 1787) балаганами именуется жилища камчадалов: «Камчадалы... зимою живут... в подземныхъ юртахъ, лѣтомъ же въ балаганахъ, построенныхъ на столбахъ на подобіе голубятень». Здесь автор продолжил традиции известного географа XVIII в. С. П. Крашенинникова, у которого при описании Камчатки жилище камчадалов именуется балаганом в отличие от русского названия *изба*.

Любопытно, что в первом издании «Словаря Академии Российской» (СПб., 1789) слово *балаганъ* зафиксировано в двух значениях, и первое из них связано с камчадалами: «1) Летнее жилище камчадалов, состоящее из шатра на столбах, в которое лезут по стремянке. 2) Кровля или навес на столбах, под которую вешают рыбу на жердях для вяленья».

В «Словаре церковно-славянского и русского языка» (т. I, СПб., 1847) значений у *балаган* больше: «1) Дощатый шалаш для продажи товаров на ярмарках. 2) Сарай, в котором во время празднеств представляются разные зрелища. 3) Землянка. 4) Летнее жилище камчадалов, состоящее из шалаша на столбах. 5) Навес на столбах, под которым вешают рыбу для вяленья».

Обращает на себя внимание значение «землянка». Дальнейшее неоправданное соединение сведений о жилище камчадалов и о навесе, под которым вялят рыбу, отражено в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. II^a, СПб., 1891), где после подробного описания ярмарочных и театральных балаганов указывается: «Балаганами называются и шалашы, из которых охотятся на тетеревов, приманивая их чучелами, а также летнее жилище камчадалов, состоящее из шалаша на столбах, под которым вешают рыбу для вяленья».

В сочинениях Н. Г. Спафария, относящихся к описанию Си-

бири, слово *балаган* отражено как основа для топонимов уже в 1675 году: «Одну протоку Иртыша называют мунгальды и калмыки Уренгою, а другую Балаганъ»; «...На правой сторонѣ острогъ Балаганской. А стоит при правомъ берегу Ангары» (Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году).

Источник русского слова *балаган* следует искать в Сибири. Таким источником являются тунгусо-маньчжурские языки, в северной подгруппе тунгусской ветви которых рассматриваемое нами слово широко представлено в качестве названий жилища: эвенкийск. (тунгус.) *балаган* 'жилище, дом; барак; чум из плах; шалаш'; эвенск. (ламутск.) *балаган* (диал. *балахан*) 'жилище, дом (деревянный, бревенчатый)'; негидальск. *балаган* 'жилище, дом (бревенчатый)'; удэйск. (удэгейск.) *балака* 'жилище, дом (бревенчатый)'; орокск. *балага* 'жилище, дом (бревенчатый); землянка'. Тунгусские слова имеют в других алтайских языках однокорневые соответствия: старомонгольск. *balγasan*, совр. монг. *балгас* «город», бурятск. *балгааһа* (н) «хлев (овечий)», древнетюрк. *балык* «город».

Внешне непрезентабельные, но хорошо приспособленные для жестоких условий Сибири жилища кочевых тунгусских народов, называвшиеся *балаган*, произвели впечатление на русских первопроходцев, которые усвоили тунгусское слово, но уже применительно к временному строению, плохо приспособленному для жилья. Постепенно это слово зачастую с некоторыми семантическими сдвигами распространилось по всей территории, где говорят по-русски. Большую роль в распространении его, по-видимому, играли ярмарки, куда стекалось много народу из разных уголков России и где можно было видеть множество разного рода балаганов, возведенных для складов, лавок и театральных представлений. Сводный «Словарь русских народных говоров», издаваемый Институтом русского языка АН СССР, отмечает широкое распространение *балаган* во многих русских диалектах. Старейшая запись (1842 г.) относится именно к Сибири, откуда слово и получило распространение.

Пример со словом *балаган* хорошо показывает недостаточность ходячего тезиса о том, что заимствование якобы обычно связано с культурным влиянием, что заимствованные слова передвигаются из стран передовых в более отсталые, отмечая пути культурного развития. Случаи обратного движения также многочисленны.

И. Г. ДОБРОДОМОВ

В своих воспоминаниях К. И. Чуковский приводит любопытный эпизод из гимназической жизни: «...Наш директор, Андрей Васильевич Юнгмейстер, преподававший нам русский язык, повел как-то речь о различных устарелых словах и упомянул между прочим словечко „отнюдь“, которое, по его утверждению, уже отжило свой век и в ближайшие годы должно было неминуемо согнуться. Я от всей души пожалел умиравшее слово и решил принять самые энергичные меры, чтоб предотвратить его смерть и, так сказать, влить в него новую жизнь: упросил „камчатку“, около десятка товарищей, употреблять его в тетрадках и на уроках, у классной доски. Поэтому, когда Юнгмейстер спрашивал у нас, например, знаем ли мы ед. число слова „ножницы“, мы хором отвечали:

— Отнюдь!

— А склоняются ли такие слова, как пальто или кофе?

— Отнюдь!

Здесь не было озорства или дерзости — просто нам хотелось по мере возможности спасти безвинно погибшее русское слово...» (К. И. Чуковский. Собрание сочинений в 6 томах, т. 2, М., 1965, с. 434—435).

Слово *отнюдь* мы привыкли связывать с отрицанием. Но так было не всегда. Обратимся к истории этого слова.

Как и масса других слов русского литературного языка, наречие *отнюдь* было заимствовано из старославянского и до наших дней сохраняет некоторый «аромат» книжности.

Первоначально в древнерусском языке оно имело структурную членимость. В нем выделялись приставка *отъ-*, обозначающая точку отсчета (ср.: *отъкуда, отътуда, отъсель, отъколѣ, отъгомѣ* и др.), и наречный суффикс *-дѣ* (с вариантами *-уду, -дѣ, -ду, -ды*).

Что касается корня этого слова, то большинство этимологов (А. Мейе, А. Преображенский, Л. Булаховский, М. Фасмер) выделяет здесь местоименный корень *ин-* (*иной*). В пользу такого предположения свидетельствует употребление *отъинудѣ* и *отънюдѣ* (и их словообразовательных вариантов) в древнерусском языке в близких значениях.

Так, в древности они сближались в пространственном значении («оттуда», «от того места», «со всех сторон», «из другого места»). Это можно подтвердить и примерами из древних памятников: «Иду *отъинуду* же не возвращюся» (Я иду туда, откуда не возвращусь) — Изборник Святослава 1076 г.; «Печенѣгом же *отинудѣ* идущемъ ратию на Русь, в величи печали бяше Володимирѣ» (Так как печенеги со всех сторон шли ратью на Русь, Владимир был в великой печали) — Сказание о Борисе и Глебе. Впоследствии эти наречия, образованные от разных, но близких по значению корней местоимений («тот» и «другой»), утратили свою относительность с производящими основами и развивались по общему пути как словообразовательные варианты одного наречия. Об этом говорит их употребление в древнерусском языке, отражающее сходные семантические сдвиги. Так, от обозначения пространственных отношений у них произошел перенос на обозначение временных отношений («от того времени», «после того», «всегда», при отрицании — «никогда»). Сравним: «Непокоривъшемся *отъять* поясы и воинство, и *отънудѣ* уже прѣдати мукам» (Лишить непокорившихся поясов и воинского звания, а потом уже предать мукам) — Супрасльская рукопись, 53; «Възводя ны на будущаа... благаа, *отнюду* же мръзкыи наш супостать отпаде» (Ведя нас к будущему блаженству, когда мы избавимся от нашего мерзкого супостата) — Послание митрополита Фотия, 1418 г.; «Не бесѣдуи луками *отинудѣ* ни о комъ же» (Никогда ни о ком не говори лукаво) — Изборник 1076 г.

Дальнейший семантический сдвиг — от временного значения к еще более отвлеченному качественно-обстоятельному значению («совершенно», «чрезвычайно», «очень», «совсем»), которое характеризовало степень интенсивности признака, развернутого во времени, например: «Вѣтрѣ... поломи мость, 4 городнѣ *отинудѣ* безнатбе занесе» (Ветер поломал мост; 4 пролета моста

совершенно без следа занес) — Синодальный список Новгородской летописи; «И бысть съча зла *отинудь*» (И битва была очень жестокой) — Успенский сборник.

Позже в языке исчезает излишняя вариантность значений этого слова. Формы на *-ды*, *-дѣ*, *-уду*, *-ду* вытесняются более простыми — на *дѣ* или *дѣ*, что, видимо, объяснялось не только морфологическим выравниванием и обобщением основы, но и смысловым разрывом *отнюдь* с группой пространственных и временных наречий (на *-дѣ*, *-ду*, *-да*) и его семантическим сближением с качественно-количественными наречиями *ничуть*, *чуть*, *чуть-чуть*, *очень*, *сплошь* и др.

Первоначально употребление слов *отнюдь* и *отнюдь* в этом наиболее отвлеченном значении совершенно не зависело от утвердительного или отрицательного смысла предложения. Качественно-количественное значение указывало на высокую интенсивность признака действия или другого признака. В отрицательных предложениях *отнюдь* указывало на безусловность отрицания («ни в коем случае», «нисколько», «ничуть», «ни в коей мере»). Сужение употребления слова *отнюдь* в русском литературном языке за счет исключения его из утвердительных предложений происходит с XVI века. Частная переписка XVII века, отражающая народно-разговорный язык этого времени, как и другие деловые документы эпохи формирования русского национального языка, свидетельствует о проникновении слова *отнюдь* из книжно-письменного языка в разговорно-обиходную речь (см.: Грамотки XVII — начала XVIII века. Под ред. С. И. Коткова. «Наука», М., 1969). При этом идет явное сужение значения этого наречия за счет устанавливаемой постоянной связи с отрицательным смыслом предложения: Нынѣче у Соли Камской *отнюд* никаких соболей не добыти (Грамотка 332); Я и наказывал всем приемщикам *отнют* хлѣба худова не принимает (Грамотка 385).

В пушкинскую эпоху употребление *отнюдь* в качественно-отвлеченном значении без отрицания явно архаично, отдельные случаи такого употребления можно найти лишь в нарочито архаизованном витиеватом официальном слогое. Так, в известном письме 1828 года к политически неблагонадежному поэту П. А. Вяземскому шеф жандармерии А. Бенкендорф писал: «... его императорское величие... высочайше повелеть мне изволил уведомить вас, что оп не может определить вас в действующей против турок армии по той причине, что *отнюдь* все места в оной заняты».

В XIX веке слово *отнюдь* окончательно закрепляется только в соединении с отрицанием «не» или «нет». Сравним: «Его (Крылова) басни *отнюдь* не для детей» (Н. Гоголь. В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность); «Безымянная

скала, у которой мы стали на якорь, защищает нас только от северных, но *отнюдь* не от южных ветров» (И. Гончаров. Фрегат «Паллада»); «А не дать ли нам хозяйке покой? — высказался Тоцкий, поглядывая на Ивана Федоровича.— *Отнюдь нет*, господа! Я именно прошу вас сидеть» (Ф. М. Достоевский. Идиот).

Хотя наши словари современного русского языка при слове *отнюдь* единодушно дают грамматическую помету «наречие», это не всегда верно. Если в сочетаниях с *не* его еще можно считать наречием меры и степени (хотя с явной натяжкой в ряде случаев), то в сочетаниях с *нет* общая семантика наречия — признак признака — совершенно исчезает. Например: «Вы думаете, если в телеге, так уж мы ехали по дороге, по колеям; *отнюдь нет*, просто по тропинкам» (И. Гончаров. Фрегат «Паллада»). Потеряв свое номинативное значение, *отнюдь* здесь превратилось в усиленную частицу при отрицании.

Будучи выразителем категоричности отрицания, слово *отнюдь* в дальнейшей своей жизни в языке подвергалось как бы семантической абсорбции: в живой речи, стремящейся к экономии речевых средств, оно впитало в себя негативный смысл. Со второй половины XIX века язык художественной литературы уже отражает случаи самостоятельного употребления этого слова в разговорной речи образованного общества: — Изрядно, — возразил маршал. — А сколько у того быка частей? — Осемь, — ответствовал сей. — *Отнюдь*, — перехватил маршал, — одиннадцать (К. Прутков. Лучшее средство); ...Известная особа сейчас дала знать, что желала бы очень с вами секретное свидание иметь. — Для чего же секретное? *Отнюдь*. Я у ней буду сам, хоть сегодня (Ф. М. Достоевский. Идиот).

Обостренным языковым чутьем уловил А. П. Чехов проникновение этого слова в разговорную речь более широких социальных кругов, с мягким юмором фиксируя его неправильное употребление приказчиком:

— Правда ли, что наши дела идут дурно?

— *Ни отнюдь* (А. П. Чехов. Записные книжки). «Они хотят свою образованность показать», — с полным правом могла бы сказать об этом приказчике известная чеховская героиня.

В XX веке в новой роли — заместитель отрицательной частицы — слово *отнюдь* достаточно широко употребляется как в диалоге, так и в экспрессивно окрашенной монологической речи: «Не думайте, я не консерватор, *отнюдь!*» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина); «А вы знаете, дедушка, у него еще не все потеряно... *отнюдь!*» (Савва Дангулов. Учитель словесности).

Хотя наречие *отнюдь* в этих примерах из современной разговорной речи приобрело некоторые свойства частицы «нет», между

этими словами нет тождества в значении. Новый синоним слова «нет» имеет более сложную семантику: помимо собственно отрицания в него входит добавочное значение противоположения, сопровождаемое особой экспрессией. Благодаря этому, *отнюдь* в монологической речи соединяет самостоятельные предложения в более крупные фразовые единства двучленного состава и логически соотносит оба компонента друг с другом как части намеренно «разорванной» фразы: «Стихи убаякивают, они недурны, *отнюдь*; мир встает из них простой и понятный» (В. Плехин. Чтоб была тайна). «Я меньше всего хотел бы, чтобы меня поняли так; если смысл понятен, так орфография — шут с ней! *Отнюдь!*... в умении правильно писать можно найти много схожего с умением правильно ходить...» (Лев Успенский. Норма — не догма. «Литературная газета», 26 апреля 1978).

Возвращаясь к отрывку из мемуаров К. И. Чуковского, теперь можно понять раздражение учителя и улыбку читателя: при ответе на предложенные учителем вопросы, не заключающие в себе никакого предположения, экспрессивная сила противоположения в отрицательном ответе гимназистов была совершенно излишней, то есть в таких случаях синонимическая замена слова «нет» была, конечно, неуместной.

Однако с точки зрения языковой тенденции гимназисты были правы: они интуитивно почувствовали широкие синтаксические возможности слова *отнюдь*, его активную жизнь в качестве экспрессивного отрицания в разговорной речи. Не только в новой роли самостоятельного отрицания, но и в относительно старой роли — наречия меры и степени при отрицании — слово *отнюдь* входит в активный лексический запас современного языка. Так, по данным «Частотного словаря русского языка» под ред. Л. Н. Засориной (М., 1977), обнимающего главные функционально-речевые сферы русского языка в хронологических рамках от основных работ В. И. Ленина и М. Горького до прозы 60-х годов, интересующее нас слово по употребительности входит в первые три тысячи из 40 тысяч общего числа обследованных слов. Частотность наречия *отнюдь* (44) равняется частотности наречия *нарочно* и предлога *помимо* и значительно выше частотности других лексических средств, употребляемых при отрицании (*ничуть* — 25, *нисколько* — 22, *нимало* — 2).

Таким образом, прогноз учителя одесской гимназии следует признать неоправданным.

Л. В. САВЕЛЬЕВА

Петрозаводск

Рисунок С. Гавриловой

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение, См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6; 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—5

Смирнов. Самая частая русская фамилия в обширной полосе, охватывающей все Северное Поволжье, всего чаще — в Ярославской, Костромской, Ивановской областях и прилегающих районах соседних областей, на восток эта зона распространяется на Кировскую область. По мере удаления от этой зоны частота Смирновых редет. В Москве в 1964 году она занимала пятое место (58 тысяч человек). По происхождению эта фамилия — отчество от русского нецерковного мужского имени Смирно́й (то есть 'смирный, тихий, послушный'). Ранние примеры — еще отчества — во Владимирской десятне 1613 г.: «иван смирново сын самарин», «стефан смирново сын кучуков». Наричательное существительное сменило огласовку и место ударения, а фамилия удержала архаичную форму (аналогично: толсто́й — Толсто́й — то́лстый).

Снегирев. Отчество от прозвища или от нецерковного мужского имени Снегирь (снегирь — певчая птичка из отряда воробьиных). Так как первый гласный безударен, он редуцирован (ослаблен), поэтому и написание его колеблется; например, в списке личных телефонов гор. Моск-

вы 1972 года указано Снегиревых — 48 человек, Снегиревых — 13. (О фамилиях, в основе которых именованья птиц, см. Соколов).

Собинов. Фамилия через отчество связана с архаичным русским гнездом слов — *собить* 'приобретать, делать своим', местоимение *собё* (себе), *собина* 'собственность' (принадлежащее не общине, а одной семье), *собинка* 'милый, дорогой'. К XIX веку эти слова существовали только в диалектах.

Созонов. (На почве литературного произведения нередко написание Сазонов). Отчество от канонического мужского имени Созонт (в древнегреч. корень этого имени мог иметь значения 'спасать' или 'беречь, оберегать'). Однако возможен и другой источник: отчество от прозвища Созон от диалектного нарицательного *созон* 'пехороший человек' (В. Водарский. Областные слова Рыбинского уезда в журнале «Живая старина», 1902).

Соколов. Отчество от русского нецерковного мужского имени Сокол. Одна из десяти самых частых русских фамилий. По подсчетам Б.—О. Г. Унбегауна, в Петербурге в 1910 году она занимала седьмое место по частоте, а из всех фа-

милей, образованных от канонических имен, уступала только Смирновым. Необычайно высокую частотность русских фамилий, имеющих в основе наименования птиц, отметил крупный зарубежный славист В. Р. Кипарский, доказывая в своих статьях, что это продиктовано культом птиц у русских. Мои подсчеты подтвердили, что русские фамилии действительно связаны с птицами чаще, чем с животными или, например, рыбами. Но культом птиц это явление объяснить невозможно, так как фамилии в большинстве своем поздны (XVIII—XIX вв., лишь меньшинство старше), и речь может идти о происхождении не фамилий, а тех имен, от которых они образованы. Однако и в этом случае основная причина не в культе птицы, а в огромной хозяйственной и бытовой роли птиц в жизни русских: широкая промышленная охота, занятие птицеводством в каждой семье, грандиозные соколиные охоты и мн. др. (Материалы спора и библиографию — см.: В. А. Никонов. Имя и общество. М., 1974).

Солдаткин. Первоначальное значение 'сын солдатки' — такое именование часто возникало во 2-й четверти XIX века, когда воинская служба длилась 25 лет и жена солдата несла на своих плечах все хозяйство и воспитание детей.

Сорокин. Отчество *сорокин*, то есть сын Сороки от нередкого русского нецерковного мужского имени Сорока. (О частоте русских имен от наименования птиц — см. Соколов). Фамилия Сорокин принадлежит к сотне самых частых русских фамилий.

Спирин. Отчество от уменьшительной формы Спиря из канонического мужского имени Спиридон.

Спичаков. Отчество от прозвища Спичак. Значение прозвища можно установить по польскому Spiczak — 'молодой олень' (в говорах на Средней Висле [*сьпичак*] равнозначно в употреблении русскому *молокосос*). Из этого — польская фамилия Спичаковский. Наличие фамилии Спичаков у русских позволяет предположить знакомство западнорусских говоров с тем же словом.

Стасов. Отчество от краткой формы Стас, которая, по мнению Б.—О. Г. Унбегауна, образована из канонического мужского имени Стахий. Так же возможна краткая форма Стас от разговорного Анастас из канонического мужского имени Анастасий.

Степнов. В основе — именование Степной. Обозначало прибывших из степной местности в соседнюю лесистую. Такие противопоставления очень часты в топонимии правобережья Среднего Поволжья, например, Лесное Анненково и Степное Анненково и другие. Фамилия особенно часта вблизи города Карсун Ульяновской области: в с. Потыма, с. Стрелецкое, с. Большая Кондарать, дер. Полянки, с. Большие Поселки. В 1916 году записано больше 100 человек с этой фамилией в Обвальской и Алексеевской волостях Чембарского уезда Пензенской губернии (архив Пензенской обл.). Всероссийская перепись 1897 года зафиксировала Степновых и северней — в Нижнем Поочье, с. Верхозерье Меленковского уезда (архив Владимирской обл.). Может быть, именно там она и возникла, а затем распространилась южней и юго-восточней, свидетельствуя о передвижениях населения.

В. А. НИКОНОВ

Продолжение следует

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

■ АЭРОБИКА

В 1968 году американский специалист по физической подготовке летчиков и астронавтов доктор Кеннет Купер свою систему оздоровительных упражнений назвал *аэробикой*. Советскому читателю она стала известна после выхода в свет книги К. Купера «Новая аэробика» (М., «Физкультура и спорт», 1976). В предисловии к русскому переводу доктор медицинских наук, профессор А. Коробков пишет: «Аэробика — новое слово не только для нашего читателя. Купер решительно и успешно ввел это понятие в американский лексикон. Аэробика — это звучит как некий новый вид спорта по аналогии с гимнастикой или атлетикой. Не будучи специалистом в лингвистике, я не стану вдаваться в вопрос о целесообразности такого словообразования. Замечу лишь, что с точки зрения медика это слово достаточно емко и точно отражает сущность оздоровительных тренировок».

Новообразование К. Купера *аэробика* представляет собой сложное существительное, состоящее из основ древнегреческих слов *а́ερ* (род. падеж *а́ερος*) — воздух и *βίος* — жизнь. Суффикс *-ик(а)*, с помощью которого образовано анализируемое слово, обычно выступает в сочетании с иноязычными основами и служит для производства наименований различных научных дисциплин, их отделов и связанных с ними отвлеченных понятий. Например: *ботаника, грамматика, логика, физика, механика, аэродинамика, гидродинамика, астроботаника, геофизика, электростатика, кибернетика, парадигматика, синтагматика, синонимика, проблематика* и т. д. Реже этот суффикс используется для образования слов, обозначающих сферу какой-либо деятельности: *космонавтика, техника, политика* и др., названия конкретных предметов преимущественно с собирательным значением: *автоматика, графика, косметика, мозаика, периодика, электроника* и т. п.

Попутно заметим, что в арсенале словообразовательных средств нашего языка имеется исконно русский суффикс *-ик(а)*, который совпадает с предыдущим только по написанию и отличается от него тем, что постоянно сохраняет на себе ударение. Он употребляется в русском языке для образования названий ягодных растений и их плодов: *земляника, клубника, костяника, черника* и т. п.

Поиски доктором К. Купером наиболее удачного термина, способного максимально точно отразить характер разработанной им системы физических упражнений, надо полагать, не были слишком мучительными и долгими. Он, как медик, хорошо знал, что существует международный термин биологии *аэробы* (устаревший вариант — *аэробии*) для обозначения организмов, неспособных жить в среде, лишенной свободного кислорода. А суть физических упражнений на свежем воздухе как раз заключается в том, что они способствуют интенсивному усвоению организмом человека кислорода и тем самым улучшают процесс кровообращения, дыхания и тканевого обмена. Именно этот «аэробный» характер системы тренировок, направленных на улучшение кислородного обмена в организме людей, вызвал к жизни новое слово *аэробика*.

Н. И. Сергеева

■ ЗИМНИК

В. Л. Филимонов из Петрозаводска пишет: «В последнее время в газетах встречается слово *зимник*. Расскажите, пожалуйста, о нем».

Слово *зимник* (в значении 'дорога') впервые зарегистрировано в «Опыте областного великорусского словаря» (СПб., 1852). При этом указывается, что распространено оно в архангельских и камчатских говорах. Зафиксировано это слово (а также *зимняк*) в значении 'зимняя дорога, более короткий или удобный путь, пролагаемый по водам или болотам, где летом нет езды' и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля.

В XIX веке слово *зимник* употреблялось в языке художественной литературы. Встречается оно, например, в рассказе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дворянская хандра»: «Вот он едет зимником по реке, перед самыми окнами моего дома...».

В русских народных говорах *зимник* (и *зимник*) многозначно. В зависимости от того, в каких говорах слово употребляется, оно может иметь различные значения. В «Словаре русских народных говоров» (вып. 11, Л., 1976) у него отмечено семнадцать значений: 'дорога, по которой ездят только зимой'; 'извозчик, работающий зимой'; 'зимнее жилище местных народов Сибири'; 'помещение, в котором зимой подкармливают маралов и где они могут укрыться от непогоды'; 'дрова, приготовленные на зиму' и др.

В последние годы в результате освоения в стране новых территорий слово *зимник* 'дорога, по которой ездят зимой' все чаще и чаще стало употребляться в литературном языке. Оно особенно характерно для текстов, повествующих о Сибири, северных районах страны, где из-за недостаточного освоения мест отсутствуют еще автомобильные и железные дороги. В настоящее время слово *зимник* используется многими писателями. Например: «...они хотят до заморозков продержаться на васюганских неподступных болотах, а когда болота замерзнут и появится зимник, выйти в Омск или Новониколаевск» (Г. Марков. Отец и сын); «Наловили рыбы, возвращаемся по зимнику» (Г. Гунн. Две реки — два рассказа).

Употребляется *зимник* и в языке специальной литературы: «В местах, бедных дорожной сетью (горных, таежных), важно бывает показать грунтовые дороги и даже тропы, зимники (Хрестоматия по физической географии СССР. Сост. Г. В. Карпов, А. И. Соловьев. М., 1974).

Однако наиболее характерно *зимник* для языка публицистических очерков, газетных статей и репортажей, которые и явились проводниками этого слова в литературный язык: «Отсюда начали бить зимник на Таюру, где теперь раскинулся известный всей стране поселок Звездный» («Донбасс», 1975, № 1); «Если есть хоть малейшая возможность протянуть ниточку зимника в отдаленные поселки, мы обязательно посылаем в разведку шоферов. 17 лет назад открылся первый зимник Зеленый Мыс — Билибино» («Правда», 26 октября 1977).

Толковые словари литературного языка квалифицируют слово *зимник* по-разному. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, в четырехтомном «Словаре русского языка» (1957–1961), в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» (1950–1965) оно характеризуется как *областное*. Это объясняется, по-видимому, тем, что усиленное освоение территорий Севера и Сибири началось позже, чем вышли в свет эти словари. Именно в последние годы слово *зимник* получило широкое распространение в различных функциональных стилях литературного языка. Оно установило устойчивые лексико-синтаксические отношения с другими литературными словами (Ср. *ехать по зимнику, пройти по зимнику, проживать зимник, проложить зимник* и др.). Поэтому не случайно в 9-м издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова (1972) слово *зимник* 'дорога, по которой ездят зимой' отнесено к нейтральной литературной лексике. По-видимому, стилистическая квалификация слова *зимник* как областного в 4-томном и в 17-томном академических словарях является причиной того, что некоторые авторы, включая это слово в язык своих статей и репортажей, стараются как-то выделить его в тексте (заключают в кавычки или объясняют значение): «Геперь тайга разрезана тысячекилометровыми просеками. По ним проложены „зимники“, шагают металлические опоры электролиний» («Труд», 19 октября 1976); «Там, где ленский лед пересекал *зимник* (временная снежная дорога), остались черные следы...» («Правда», 19 октября 1976).

Однако такое выделение данного слова в тексте в настоящее время является излишним.

В. А. Филатов

Автор письма в редакцию Н. С. Бельский считает, что сочетание *опыт словаря* недопустимо расценивать как грамотное и нормативное: «Что такое опыт? — пишет автор. — Это специфическая работа мозга и рук человека. Но этих органов у словаря нет! Логический вывод — словарь не способен производить опыты».

Неужели действительно филологи допускали ошибку, называя в XVIII, XIX и XX веках многие труды с помощью словосочетаний *опыт словаря, опыт грамматики, опыт правописания* и т. д.? Напомним названия некоторых из этих работ: «Опыт областного великорусского словаря...» (СПб, 1852), «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» (СПб, 1853—1854), «Опыт нового русского правописания...» (СПб, 1787), «Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника» (1972) и др.

В 17-томном «Словаре современного русского литературного языка» к интересующему нас слову приведено несколько значений. Так, *опыт* употребляется в философском значении, передающем «отражение в человеческом сознании объективного мира, получаемое восприятием», например: «Опыт есть хронологически первое в деле знания, но он имеет свои пределы, далее которых он или сбивается с дороги, или переходит в умозрение» (Герцен. Письма об изучении природы).

Н. С. Бельский, рассуждая о слове *опыт*, приводит другое значение слова, которое может быть выражено как «совокупность практически усвоенных знаний, навыков, связанных с деятельностью человека». Именно это значение раскрывается, в частности, в словосочетании *практический опыт* (ср. выражение *приобрести практический опыт в чем-либо*).

На базе этих основных значений у слова *опыт* появились более узкие и специальные значения. Одно из них — «воспроизведение какого-либо явления в искусственно созданных условиях с целью его исследования» (терминологические словосочетания *лабораторные опыты, поставить опыт, провести какой-либо опыт*).

Другое специальное значение, закрепившееся за словом, возникло на базе метонимического переноса. Метонимия (переименование) представляет собой замену одного слова или понятия другим на основе ассоциаций по смежности. Пример поэтической метонимии находим в строке *шипенье пенистых бокалов* (вместо *пенящегося вина в бокалах*). Метонимический перенос — это один из наиболее распространенных и закономерных путей образования новых значений у многих слов. Все самые употребительные слова, такие, как *стол, рука, голова, дерево* и многие другие, имеют особые значения, сложившиеся в результате метонимических пе-

реносов. Так, *стол* обозначает не только предмет мебели, но и то, что приготавливают (пищу, кушанья), например: *мясной, вегетарианский, диетический стол*. У слова *рука*, наряду с прямым значением, сложилось несколько метонимических, которые проявляются в таких сочетаниях, как *рабочие руки* (о рабочей силе, о рабочих), *узнать чью-либо руку* (о почерке), *приложить руки к чему-либо* (о труде) и т. д.

Метонимический перенос создал у слова *опыт* особое значение — ‘овеществленная попытка создания чего-либо, проба’. Часто в этом значении слово используется по отношению к произведениям искусства, науки: «Посылаю тебе опыт в прозе, который, если хочешь, напечатать» (Батюшков. Письмо В. А. Жуковскому от 26 июля 1810). Такое же значение имеют и привычные нам сочетания *стихотворный опыт, прозаический опыт, первый опыт пера, опыт исследования, изучения чего-либо, а также опыт грамматики, опыт словаря*.

Л. К. Граудина

■ БЛИННАЯ, ПРОРАБСКАЯ

Учитель Кузьмичевской средней школы Городищенского района Волгоградской области В. П. Новочадов спрашивает: «Есть ли какая-нибудь закономерность в том, что для обозначения специализированных помещений используются субстантивированные прилагательные с разными суффиксами; ср., *блинная, аппаратная и учительская, мастерская?*.. Как образуются прилагательные от таких неизменяемых слов, как *кофе, вчера*, и каков их морфемный состав?».

В образовании названий специализированных помещений в русском языке наблюдается определенная закономерность.

Если названия образуются от неодушевленных существительных, то обычно используется продуктивный суффикс имен прилагательных *-н-*, а появившееся слово относится к существительным, хотя сохраняет форму имени прилагательного (женского рода): *блины — блинная, пельмени — пельменная, бильярд — бильярдная, насос — насосная* и другие. Реже при образовании названий помещений от неодушевленных существительных используется суффикс *-ов-, -ев-*: *душ — душевая, куб — кубовая, лампа — ламповая* и другие.

При образовании названий специализированных помещений от одушевленных существительных, обозначающих лицо, обычно используется продуктивный суффикс имен прилагательных *-ск-*, а образованные слова относятся к существительным, сохраняя фор-

му имен прилагательных (женского рода): *дети — детская, парикмахер — парикмахерская, прораб — прорабская, учитель — учительская*.

Каков морфемный состав подобных слов? Эти существительные имеют суффиксы *-н-* или *-ск-* и окончание *-ая*.

В русском языке есть несколько заимствованных из других языков несклоняемых имен существительных на гласный *-е*: *желе, кофе, купе, реле, филе, шоссе* и др. Внимательный читатель заметит, что прилагательные от этих существительных образуются по-особому: между конечным *-е* и активным суффиксом прилагательных *-н-* появляется вставочный звук *й*: *желейный, кофейный, купейный, релейный, филейный, шоссе́нный*. Следовательно, в этих прилагательных вычленяется слитный своеобразный суффикс *-йн-*.

Согласный звук *й* может наращиваться и в суффиксе *-ск-* прилагательных, образованных от некоторых несклоняемых собственных географических имен и названий народов: *Чили — чилийский, Дели — делийский, Мали — малийский, Капри — каприйский, Сомали — сомалийский; мари — марийский, манси — мансийский, ханты — хантыйский*. Необходимо иметь в виду, что от некоторых несклоняемых существительных образовать прилагательные невозможно: *ателье, кашне, пенсне, тире, фойе...*

Также по-особому образуются прилагательные от некоторых наречий, оканчивающихся на гласный; между этими наречиями и суффиксом прилагательных *-н-* появляется вставочный звук *ш*: *всегда — всегдашний, вчера — вчерашний, ныне — нынешний, зря — зрянный* и т. д. В этих словах вычленяется слитный своеобразный суффикс прилагательных *-шн-*.

З. А. Потиха

■ ЧЕМ ЭТО ОБЪЯСНИТЬ?

Б. Шувалов (г. Рязань) пишет: «В „Словаре русского языка“ С. И. Ожегова (М., 1961) слова с первым компонентом *пол* даны с пометой грамматического рода — *полгода, м; полпути, м; полслова, ср.; полдороги, ж*». «Это вызывает недоумение», так как в речи «такое специфическое образование воспринимается либо как имя существительное среднего рода (*полгода* прошло; *полдороги* лежало), либо как своеобразное слово во множественном числе (первые *полгода* прошли)». Автора письма интересует, как объясняют лингвисты такие случаи.

Сложные существительные, первая часть которых выражена словом *пол...* (*пол...*) действительно отличаются некоторым своеобразием в проявлении категории грамматического рода, которая, как

известно, выражается прежде всего синтаксически — той или иной формой согласованных с существительным слов, изменяемых по родам (*большая дорога, большой дом, большое поле*). Особенность интересующих автора письма существительных состоит в том, что они не имеют в своей исходной форме категории грамматического рода и ведут себя в согласовании с определениями и сказуемыми как количественные словосочетания.

Определения при существительных типа *полгода, полслова, полдороги* в именительном и винительном падежах ставятся в форме множественного числа, например: *первые полгода, каждые полминуты, остальные полсела*. Сказуемое в этих случаях также ставится в форме множественного числа, например: *Первые полчаса прошли незаметно. Гнилые пол-арбуза валялись под лавкой*.

Если при подлежащем, выраженном таким сложным существительным, нет определения, то сказуемое, как правило, ставится в форме единственного числа, а в прошедшем времени — в среднем роде, например: *Полгода прошло незаметно. Полчаса пролетит быстро*. Формы множественного числа (*прошли, пролетят*) присущи просторечию.

В других падежах, кроме именительного и винительного, определения согласуются в роде и числе с тем существительным, которое стоит во второй части, причем в первой части вместо *пол* появляется *полу*, например: *с каждым получасом, с каждой полминутой*. Однако часто, преимущественно в разговорной речи, *пол* сохраняется.

Разъяснения об особенностях согласования таких сложных существительных даны в третьем томе (1939) «Толкового словаря русского языка» Д. Н. Ушакова (словарная статья на *пол*), в «Словаре трудностей русского языка» Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой (1976), в «Кратком словаре трудностей русского языка для работников печати» (1968) и некоторых других.

Объяснить своеобразие таких существительных помогает история нашего языка. Из памятников древнерусской письменности видно, что слово *пол* употреблялось почти всегда в сочетании с именем существительным в родительном падеже, образуя с ним словосочетание, имеющее количественное значение, например: «Се купи... у Глухомъ погости полъ дворища и полъ огородца» (Новгородская купчая XIV–XV в.). В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского в словарной статье на слово *полъ* есть важное примечание о том, что «Иногда слово *полъ* соединяется почти в одно целое с тем словом, при котором стоит, причем бывает женского рода (как бы смешиваясь со словом *половина*)». Приводим один из примеров: «Велите... ему на ту полъ двора купчую положить», Постепенно *полъ* теряет признаки суще-

ствительного, утрачивает категорию грамматического рода, перестает склоняться и уже к концу XIV века употребляется главным образом в «связанном» состоянии. На основе количественного сочетания происходит сращение двух слов, возникает сложное слово, первая часть которого обозначает количество, меру того, что названо словом какого-либо рода в родительном падеже.

В современном русском языке место слова *пол* в системе частей речи тоже не совсем обычное. Некоторые лингвисты считают, что оно занимает промежуточное положение между существительным и числительным. «Грамматика русского языка» АН СССР (М., 1952) относит его к числительным: «Числительное *пол* (обозначающее «половина») в настоящее время не употребляется в качестве отдельного слова, а всегда сливается с именем существительным, образуя вместе с ним сложное слово...».

Спецификой слова *пол* определяются описанные особенности функционирования сложных существительных с этим компонентом.

Е. Л. Лилеева

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 6

По горизонтали: 1. Диалект. 6. Дефис. 7. Аверс. 10. Взгляд. 11. Акцент. 13. Алмаз. 16. Корица. 18. Мякина. 19. Номинал. 22. Нанаец. 24. Толмач. 26. Левия. 28. Студия. 29. Иволга. 30. Иваси. 31. Дикой. 32. Аспират.

По вертикали: 2. «Илиада». 3. «Кавказ». 4. «Беглец». 5. Греция. 8. Азарт. 9. Индия. 12. Акулина. 14. Манилов. 15. Каланча. 17. Агнец. 18. Молот. 20. Унига. 21. Омега. 23. Ендова. 25. Оборот. 26. Ляпсус. 27. Низина.

При перепечатке ссылка на журнал «Русская речь» обязательна

Рукописи не возвращаются

Редакционная коллегия:

Н. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОДОМОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СКВОРЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Зав. редакцией *Т. С. Колмакова*

Художественный редактор *Т. А. Михайлова*

Корректоры *В. В. Беляев, Г. Н. Шамина*

Сдано в набор 12.10.79. Подписано к печати 10.12.79 Т—17870
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Печать высокая Усл. печ. л. 8,4 Уч.-изд. л. 9,7
Бум. л. 2,5 Тираж 60000. Зак. 2374

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10